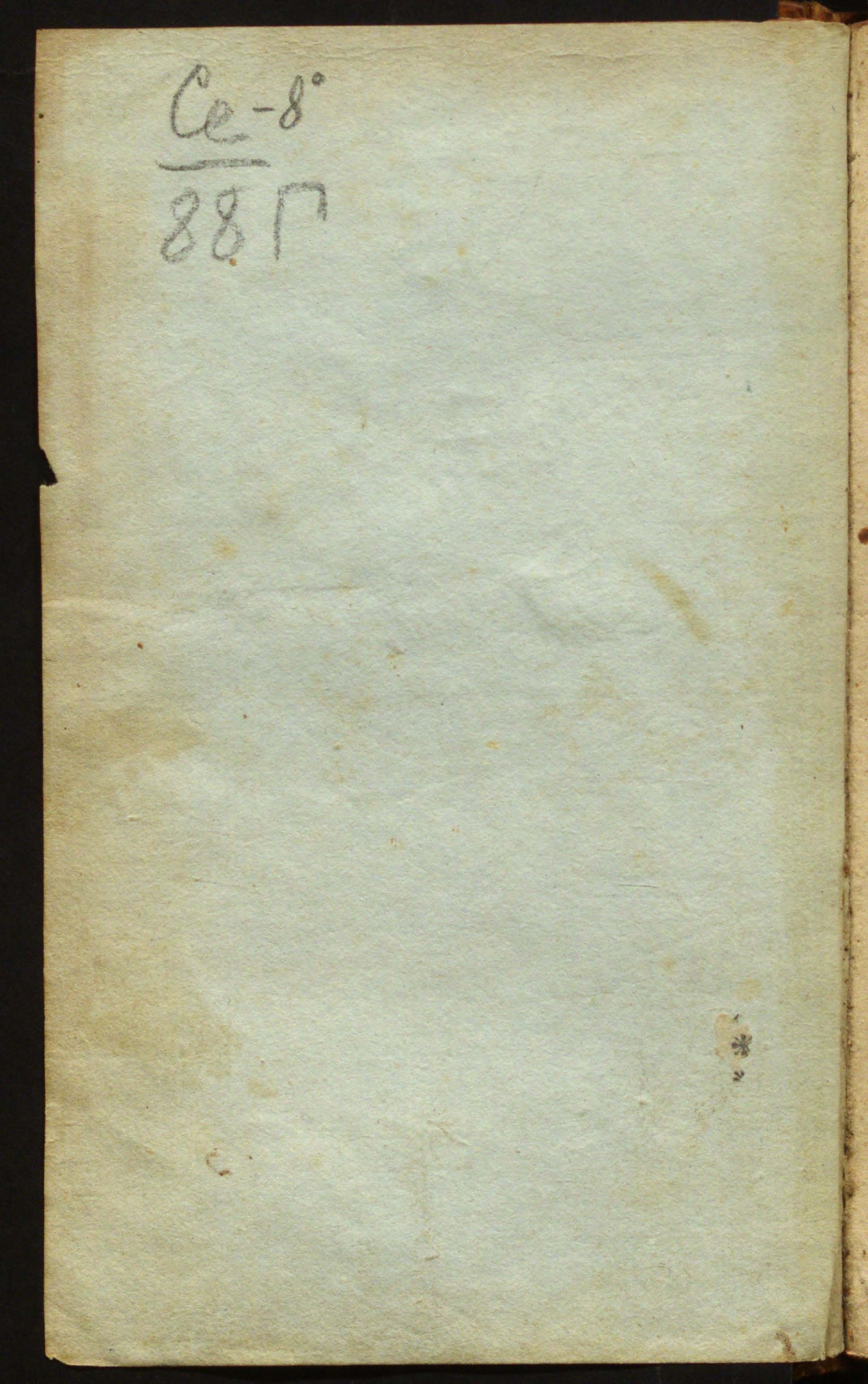
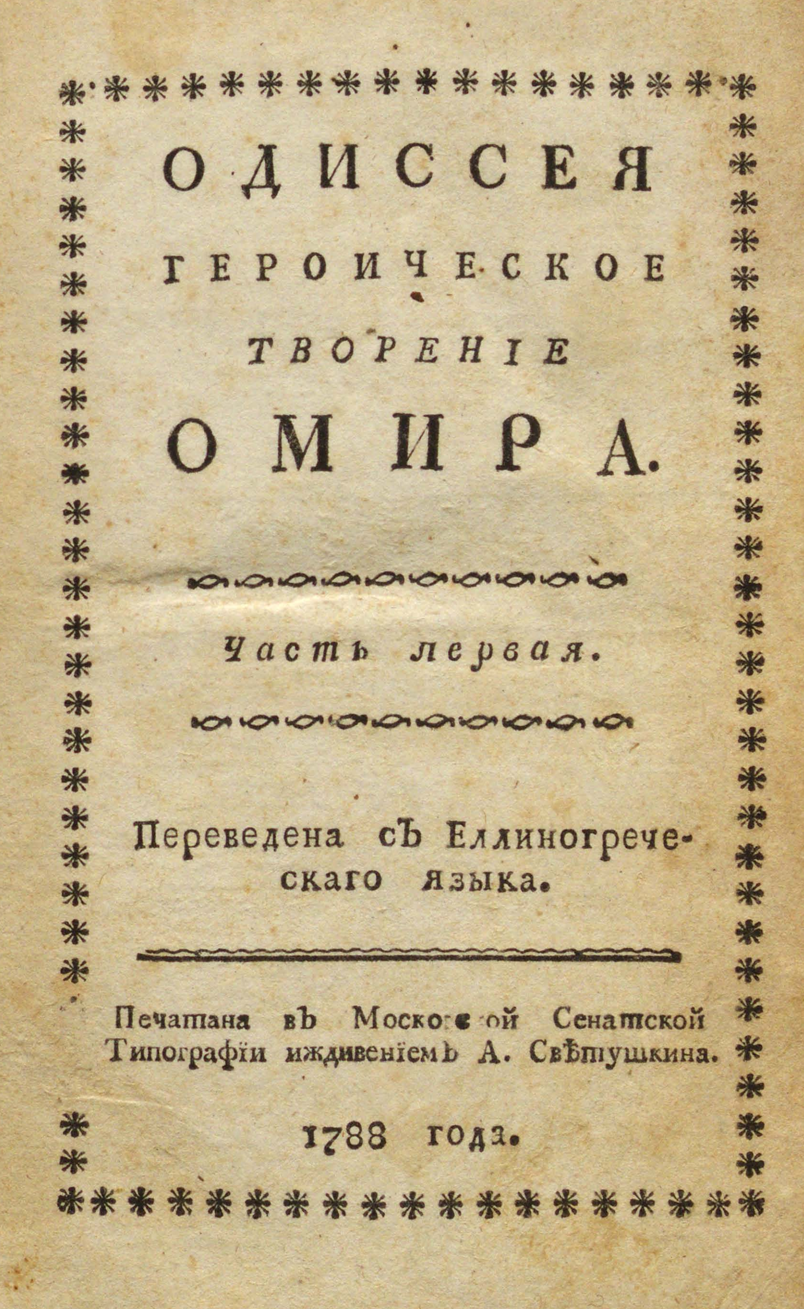

MK

1-й. 90

Ce-8°
88 Г

ОДИССЕЯ
ГЕРОИЧЕСКОЕ
ТВОРЕНІЕ
ОМИРА.

Часть первая.

Переведена съ Еллиногреческаго языка.

Печатана въ Московской Сенатской Типографіи иждивеніемъ А. Свѣтушкина.

1788 года.

Съ одобренія опредѣленныхъ
Ценсоровъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

Алфа.

Повѣждь, Богиня! мнѣ о многообращавшемся мужѣ, кой по раззоренїи священныя Трои, зѣло много странствуя, многихъ народовъ видѣлъ грады, и нравы ихъ позналъ; въ сердцѣ же своемъ неизчетныя на морѣ претерпѣлъ болѣзни съ великимъ попеченїемъ, желая соблюсти животъ свой и возвращенїе сопутниковъ. Но и тако при всемъ своемъ желанїи не могъ спасти ихъ отъ пагубы; ибо сами они отъ своего безумїя по-

гибли, когда всевидящаго Солнца тучныхЪ кравЪ пожрали: за сїе злодѣянїе отЪятЪ и день возвращенїя ихЪ во отечество.

СихЪ злоключенїй нѣкую часть возвѣсти и намЪ, О дщи Дїева! Всѣ прочїе Ахеяне, кои на брани и на морѣ спаслися отЪ смерти, были уже во своихЪ домахЪ; сего же единаго мужа знаменитая Нимфа Богиня Калипса держала во своихЪ пещерахЪ, желая имѣти его мужемЪ своимЪ. Но когда приближилося время, вЪ кое боги опредѣлили ему возвращенїе во Иѳаку; зналЪ и тогда о подвигахЪ, кои подобало ему понести отЪ возлюбленныхЪ своихЪ. Всѣ безсмертные милосердствовали о злополучномЪ Одиссеѣ; единЪ токмо царь ПосидонЪ непрестанно на него гнѣвался, до самаго возвращенїя вЪ отечество его. Сей обладающїй водами царь отшелЪ нѣкогда кЪ отдаленнѣйшимЪ ЭѳїопамЪ [кои раздѣ-

дѣляются на двѣ части: едины обитаютъ на востокѣ, а другїе на западѣ] приносящимъ сточисленную жертву отъ овновъ и агнцевъ, и тамо присутствуя услаждался ихъ пиршествомъ; прочїе же боги всѣ собралися въ свѣтозарные чертоги къ великому Дїю: тогда отецъ боговъ и человѣковъ начинаетъ къ нимъ тако: О колико смертные обвиняютъ всуе и ложно насъ боговъ, и всю вину своихъ злоключенїй возлагаютъ на насъ единыхъ! Но сами отъ своего безумїя, кромѣ нашего изволенїя низвергаются во всѣ напасти: какъ и нынѣ Эгисѳъ поялъ себѣ въ жену жену царя Агамемнона, коего такожде убилъ при его возвращенїи, боясь лютыя смерти, о коей мы ему предрекли, повелѣвъ Ермїю да возвѣститъ Эгисѳу тако: Блюди пояти жену царя Агамемнона, и да не убїеши самаго его: зане мщенїе неминуемое произыдетъ

 отъ

отъ Ореста, когда въ совершенныя приспѣетъ лѣта, и возжелаетъ пріяти достояніе свое.

Такъ повѣдалъ ему Ермій. Но Эгисѳъ не преклоненъ явился ко благимъ совѣтамъ: сего ради нынѣ достойную месть пріемлетъ.

Богиня Аѳинская, премудрая Паллада, отвѣщала ему: отецъ боговъ, сыне Кроновъ! Воистинну Эгисѳъ достойною погибъ смертію; тако да погибнутъ и всѣ творящіе таковая злодѣянія. Но я паче всего сокрушаюся о злополучномъ Одисоеѣ, кой, многое время отдаленъ отъ своихъ возлюбленныхъ, претерпѣваетъ на сердцѣ тяжкія болѣзни, пребывая въ островѣ Огигіи, гдѣ есть пупъ моря: тамо обитаетъ знаменитая Нимфа, Богиня Калипса, дщерь сильнаго Атланта, коему всѣ глубины морскія суть свѣдомы, и кой всѣ столпы высокія, на нихъ же небо и земля утверждаются, держитъ на раменахъ

нахъ своихъ: сего прекрасная дщерь хранитъ въ дому своемъ злополучнаго и неутѣшно плачущаго Одиссея, утѣшая его кроткими и сладостными словесами, дабы забылъ отечество свое Иѳаку; но онъ желаетъ поне единый дымъ, изходящїй отъ своея земли, узрѣти, и тогда умрети. Ты же, отче мой! доселѣ не обратишь къ нему сердца своего, ниже воспомянешь, коликїя приносилъ онъ тебѣ жертвы при кораблахъ Ахейскихъ во странѣ Троянской. Отче мой! что тако гнѣваешися на него? ---- Погоняющїй облаки всесильный Дїй отвѣщалъ: Дщи моя! Какое слово днесь ты рекла мнѣ? Како могу я забыти набожнаго Одиссея, всѣхъ смертныхъ мудростїю превышающаго и многїя обѣты творящаго безсмертнымъ? Единъ токмо Посидонъ непрестанно на него гнѣвается за сына своего Полиѳима, коего родила Нимфа Ѳооса, дщерь

морскаго старца Форкина, смѣсився любовїю съ Посидономъ, и коего Одиссей лишилъ зрѣнїя. Отъ самаго того времени злобствуетъ на него Посидонъ. И хотя убити его не можетъ, но всячески тщится не допустити до отечества. Положимъ убо совѣтъ, како устроити ему возвращенїе, Посидона же отвлещи отъ гнѣва; ибо ничего не можетъ единъ противу всѣхъ боговъ.

Божественная Паллада отвѣщала ему: Всесильный отецъ Дїй! Когда угодно зрится предъ всѣми богами устроити Одиссею возвращенїе въ домъ; послемъ Ермїя въ островъ Огигїю, да скорѣйшее принесетъ богинѣ Калипсѣ возвѣщенїе о отпущенїи его отъ острова ея. Я же отъиду во Иѳаку ободрити духъ сына его, и возбудити дабы онъ, созвавъ на сонмъ всѣхъ Ахеянъ, возбранилъ входъ въ домъ свой женихамъ, кои закалаютъ все-

всегда на пиршество себѣ тучныхъ овецъ и воловъ. Послю его въ Спарту и островъ Пилъ испытать о славѣ отца своего, и да приобрѣтетъ отъ всѣхъ людей себѣ почести. ----- Сїе рекши, привязываетъ къ подошвамъ ногъ своихъ златые сапоги, кои съ дыханїемъ вѣтра имѣли силу носить и по морю и по земли, и прїявъ въ десницу великое дебелое и острое копїе, коимъ сокрушаетъ во брани мужей, на нихъ же гнѣвается, низходитъ отъ высоты Олимпа съ великимъ стремленїемъ, мгновенно является во Иѳакѣ во образѣ Тафїйскаго вождя Мента, и, ставъ въ преддверїи дому Одиссеева, обрѣтаетъ жениховъ веселящихся и пїющихъ. Предвозвѣстники и рабы разтворяли въ чашахъ вино съ водою; иные отирали столы, а другїе предлагали пищу и раздѣляли мяса. Тилемахъ же сидѣлъ тогда между женихами, сокрушаю-

ася сердцемъ и помышляя о единомъ токмо пришествїи отца своего, дабы внезапно возвратившись содѣлалъ всѣмъ женихамъ лютую смерть, и прїялъ отъ всѣхъ честь и наслѣдїе имѣнїя своего. Тако помышляя, узрѣлъ Палладу во образѣ мужа; и возставъ абїе идетъ гнѣваяся, что столь долго странно-пришелецъ стоитъ при дверѣхъ, и приближився къ нему емлетъ за десницу, и тако вѣщаетъ: Радуйся странниче! Вниди внутрь чертога, да дружелюбное отъ насъ прїимешь угощенїе и насладишься нашимъ пиршествомъ, потомъ возвѣстишь о всемъ, еже потребно тебѣ зрится.

Тако вѣщая, предшествуетъ, а богиня Аѳинская ему послѣдуетъ; и вшедши въ чертогъ постановляетъ копїе свое при столпѣ, идѣже Одиссеевы копїя стояли. Тилемахъ вскорѣ посадилъ странника на великолѣпномъ сѣдалищѣ

лицѣ и подалъ подножїе; мѣсто же сѣдѣнїя уготовилъ ему особь, дабы гость не раздражился шумомъ и мятежемъ кичливыхъ жениховъ, и дабы способнѣе было вопрошать о отсутствїи отца своего. Рабыня принесла воду для умовенїя рукъ; другая постановила столъ; домостроительница же принесла хлѣбъ и многїя яствы; и наконецъ поваръ въ злятыхъ чашахъ представилъ разныя мяса. --- Тѣмъ временемъ входятъ и женихи; и вси по ряду прїемлютъ мѣста свои; простираютъ руки къ предложенной пищѣ; отроки виномъ чаши наполнили. Когда всѣ насытилися, паки приступили къ пѣнїю и плясанїю; провозвѣстникъ подалъ Фимїю пѣвцу цѣвницу.

Тогда Тилемахъ, преклонивъ главу къ божественной Палладѣ, дабы никто отъ прочихъ не слышалъ, начинаетъ сице глаголати: Любезный гость! Молю да нераздра-

дражишися на мои слова, кои открыти хощу предъ тобою: оставимъ сихъ мужей утѣшаться пѣніемъ и плясаніемъ; ибо они чуждый поядаютъ хлѣбъ и стяжаніе мужа, коего, какъ мню, кости въ отдаленной странѣ на не свѣдомой земли лежа согниваютъ отъ дождевныя влаги, или обнаженныя морскими водами вращаются. Но когда бы узрѣли они его возвратившася во Иѳаку; воистинну паче бы возжелали себѣ скорѣйшаго и быстраго теченія, нежели украшаться златомъ и одеждами. Но зрю, что сего злополучнаго мужа пожрала смерть лютая, и погибла надежда видѣти день его возвращенія. Но, оставя сіе, молю тебя, повѣдай мнѣ истинну: кто ты? Отъ какого народа? Кій градъ твой? И кто родители твои? Какіе мореплаватели завезли тебя въ островъ сей? Въ первый ли разъ ты сѣмо пришелъ, и никто тебѣ

здѣсь

здѣсь не свѣдомъ? Или отъ давна знаешь родителей моихъ? Ибо многїе странные мужи посѣщали домъ сей, коего владыка всѣмъ былъ любезенъ.

Премудрая Паллада отвѣщала ему: Истинну о всемъ возвѣщу тебѣ: имя мое есть Ментей; нарицаюся же сыномъ знаменитаго Анхилла; владычествую надъ народомъ Тафїйскимъ; во островъ сей пришелъ я на караблѣ съ сопутниками преплавая море ко иноплеменнымъ народамъ во градъ Темесу; несу же съ собою чистое желѣзо, дабы приобрѣсти тамо мѣдь; корабль мой стоитъ далече отъ града во пристанищѣ Рифрейскомъ; страннопрїимство и дружество имѣемъ отъ давнаго времени, о чемъ повѣдатъ тебѣ можетъ престарѣлый Лаэртъ, кой нынѣ, какъ я слышалъ, не входитъ уже во градъ, но сокрушаяся печалїю обитаетъ на селѣ съ единою

ною престарѣлою рабынею, предлагающею ему пищу и питіе, когда изнеможетъ отъ трудовъ, упражняяся непрестанно въ смотрѣніи вертограда своего. Нынѣ пришелъ я сѣмо узрѣти отца твоего; но онъ, какъ сказуютъ, обрѣтается въ чужихъ земляхъ, и боги препятствуютъ его возвращенію. И мнѣ сіе извѣстно, что Одиссей до днесь живъ есть, обитаетъ въ отдаленномъ нѣкоемъ островѣ, гдѣ строптивые и жестокосердые мужи держатъ его насильственно. Я же тебѣ предвозвѣщу, како боги полагаютъ на сердцы моемъ; нѣсмь бо прорицатель, ниже свѣдомы суть мнѣ гаданія, но уповаю, что слова мои всеконечно сбудутся: не долго уже Одиссей отлученъ будетъ отъ своея отчизны, и ниже желѣзныя путы могутъ его удержати; но воистинну по своему мудрому разуму обрящетъ средство избѣжати оттуду, и

пріити

прійти во отечественную землю. Ты взаимно повѣдай мнѣ, не сынъ ли ты премудраго Одиссея? Очи, глава и все лице твое являютъ мнѣ быти тя истиннымъ его исчадіемъ; зане многократно мы съ нимъ имѣли дружественное обращеніе, прежде даже не отъиди ему во Трою съ прочими Ахеянами, отъ самаго того времени никогда мы не видѣли другъ друга.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Матерь моя повѣдала мнѣ, что я сынъ его; самъ же истинны сея не знаю; ибо никому не свѣдомо есть мое рожденіе. Но О когда бы я былъ сынъ онаго храбрѣйшаго мужа, кой бы во своемъ владычествѣ живый спокойно достигъ маститыя старости! Днесь же злополучнѣйшій паче всѣхъ смертныхъ есть отецъ мой.

Аѳинская богиня рекла ему: Воистинну боги послали тебѣ рожденіе знаменитое. Но еще повѣ-

дай

дай мнѢ, какое сїе вЪ дому твоемЪ пиршество? И что есть собранїе сего народа? Какое дѢло привлекло тебя кЪ веселому сему ликованїю? Не бракЪ ли совершается? Токмо зрю, что пиршествующїе здѢсь мужи зѢло буйственныя творятЪ дѢла, на кои ни единЪ разумный мужЪ, пришедЪ сѢмо, не могЪ бы взирать безЪ крайняго огорченїя.

ТилемахЪ вЪ отвѢтЪ ему сїе рекЪ: О возлюбленный посѢтитель! воистинну домЪ сей былЪ нѢкогда знаменитЪ, богатЪ, и чуждЪ всякаго поношенїя, доколѢ пребывалЪ вЪ немЪ владыка его; но нынѢ боги иное о немЪ устроили, предавЪ его посмѢянїю всѢхЪ людей; отца же моего содѢлали униженнымЪ паче всѢхЪ смертныхЪ. ПоистиннѢ не сѢтовалЪ бы я толико о немЪ, когда бы убїенЪ онЪ былЪ на брани отЪ ТроянЪ, или по окончанїи брани мирно скончалЪ

дни

дни живота своего на рукахъ другов своихъ. Знаю, что тогда воздвигли бы ему Ахеане великолѣпную гробницу, я же наслѣдовалъ бы въ предбудущїя времена велїю и благую славу. Нынѣ же растерзали его скверныя арпїи; и тако погибъ безвѣстно и безславно, оставя сердцу моему нестерпимыя болѣзни и воздыханїе: но не о немъ токмо единомъ сокрушаюся; имѣю бо и инныя низпосланныя отъ боговъ злоключенїя: вѣдаешь, колико знаменитыхъ юношей обитаетъ въ Дулихїи, Самѣ, Закинѳѣ и во всей Иѳакїйской странѣ: .... всѣ они требуютъ матери моея въ супружество, которая ниже отвращися брака, ниже конца исканїямъ содѣлать можетъ: они же безъ пощадѣнїя разтощаютъ домъ нашъ; да и меня самаго, мню, вскорѣ погубятъ.

Божественная Паллада отвѣщала ему: Воистинну достойно

 жаж-

жаждешь возвращенїя отца своего, дабы содѣлалъ онъ мщенїе симъ женихамъ безстуднымъ. О когда бы онъ, пришедъ днесь въ домъ сей, сталъ во дверяхъ, имѣя шлемъ, щитъ и два копїя, и тако былъ бы мужественъ, какъ я видѣлъ его въ дому нашемъ пїющаго и веселящагося, когда возвращался отъ града Эфира отъ царя Ила, сына Мермерова, [къ коему ѣздилъ на кораблѣ, желая тамо обрѣсти смертоносный ядъ, для напоенїя стрѣлъ; но сей отрекся ему дати; зане боялся боговъ: далъ же ему отецъ мой; ибо зѣло его любилъ:] когда бы таковъ Одиссей нынѣ явился предъ женихами; воистинну не долго бы жизнь ихъ продолжилася! Но сїе состоитъ во власти боговъ. Тебѣ же совѣтую помышляти о прогнанїи отъ дому твоего оныхъ; внемли убо моимъ совѣтамъ: заутра собери на сонмъ старѣйшинъ града

сего

сего и прочихЪ ИѳакїянЪ; простри кЪ нимЪ рѣчь о наносимыхЪ тебѣ обидахЪ; во свидѣтели же постави безсмертныхЪ боговЪ; а женихамЪ повели каждому отЪити вЪ домЪ свой; матерь свою, когда возжелаетЪ вступити вЪ супружество, отпусти вЪ домЪ ко отцу ея; тамо родители ея совершатЪ бракЪ, и наградятЪ достойнымЪ вѣномЪ, какое прилично дать возлюбленной дщери. Самому же тебѣ совѣтую уготовати избранный отЪ всѣхЪ корабль со двадесятїю сопутниками, и отЪити вЪ чуждые грады испытать славу о отцѣ твоемЪ. ВоперьвыхЪ направь путь твой во градЪ ПилЪ, и тамо вопроси божественнаго царя Нестора; по семЪ во градЪ Спарту кЪ царю Менелаю, кой послѣднїй изЪ всѣхЪ АхеянЪ возвратился во отчизну свою. И когда услышишь, что отецЪ твой живЪ есть и возвратится во Иѳаку; тогда хотя

и съ печалїю, но претерпи, ожидая единъ годъ. Когда же воистинну познаешь, что уже онъ умеръ, тогда, пришедъ въ домъ свой, воздвигни великолѣпную насыпь и гробницу, и отправь достойное великаго мужа поминовенїе. Окончавъ сїе, положи совѣты въ души твоей, како вознести руки на погубленїе неистовыхъ мужей сихъ; и тайно или явно смерть имъ содѣлать; зане уже не прилично тебѣ взирать на отроческїя дѣла. ----- Или не слышалъ ты, коликую славу отъ всѣхъ людей получилъ Орестъ, когда воздалъ мщенїе Эгисѳу, убїйцѣ отца своего. Тако и ты, возлюбленный другъ, будь мужественъ и дерзновенъ, да въ предбудущїя времена произраститъ о тебѣ благая слава. Я же нынѣ отхожду на корабль свой къ спутникамъ, кои зѣло, мню, ожидаютъ моего возвращенїя. Ты самъ о себѣ имѣй промышленїе, и

со-

сохрани слова мои на твоемЪ сердцѣ.

Аѳинская богиня, рекши сїе, отлетаетЪ яко высокопарная птица, вдохнувЪ дерзновенїе и мужество вЪ сердце Тилемаха, кой немедленно по семЪ пришелЪ вЪ собранїе жениховЪ, внимавшихЪ тогда божественному пѣвцу Фимїю, воспѣвавшему плачевное АхеянЪ отЪ Трои возвращенїе, каковое имЪ предуставлено премудрою Палладою. Царица Пинелопа, услышавЪ пѣснь сїю низходитЪ отЪ своего чертога, слѣдующимЪ за нею двумЪ рабынямЪ, и пришедЪ кЪ женихамЪ, стала во дверяхЪ, имѣя предЪ лицемЪ тончайшїй покровЪ, и испустивЪ слезы, тако вѣщаетЪ кЪ пѣвцу: Фимїй! Воистинну многїя тебѣ свѣдомы суть иныя пѣсни, кЪ утѣшенїю сердецЪ человѣческихЪ, и вЪ прославленїе боговЪ и знаменитыхЪ мужей; воспѣвай убо отЪ сихЪ пѣсней, ка-

кую сердце твое изберетъ; отъ сего же плачевнаго пѣнія воздержися; зане терзаетъ оное мою утробу, приводя на память дражайшую главу моего супруга, коего славою вся Эллада и Аргивская земля есть наполнена.

Мудрый Тилемахъ отвѣщалъ ей: Возлюбленная мати! Почто возбраняешь пѣвцу сему воспѣвати пѣсни, какія ему угодно? Ибо не пѣвцы виновники нашея печали, но самъ всесильный Дій, дающей всякому человѣку смыслъ и разумъ по своему изволенію. Не обвиняй убо сего пѣвца, что воспѣваетъ злоключеніе Данайскихъ Ироевъ; ибо всѣ люди наипаче воспѣваютъ такую пѣснь, которая новѣйшею прославится. Ты убо, когда желаеши слушати пѣніе, не огорчайся на Фимія; ибо не единъ Одиссей не могъ узрѣти дня возвращенія своего, но и многіе другіе вожди погибли на пути своемъ.

емЪ. Когда же горестно тебѣ зрится пѣніе сіе, отъиди въ твой чертогъ, и тамо исполняй дѣла свои, такожде и надъ рабынями имѣй смотрѣніе, да нелѣностно исполняютъ повелѣнное имъ. Разглагольствовать же предостави мужамъ, и паче всѣхъ мнѣ, совершенную власть надъ домомъ симъ имѣющему.

Пинелопа, слыша сіе, объемлется изумленіемъ, и, слагая глаголы сыновніе на сердцѣ своемъ, отходитъ въ чертогъ свой, и тамо предается слезамъ о возлюбленномъ Одиссеѣ, доколѣ божественная Паллада не низпослала сладкій сонъ на ея вѣжди.

Тилемахъ, по отшествіи ея, начинаетъ глаголати къ женихамъ сице: Знаменитые юноши, безмѣрною упоенные гордостію! Пиршествуйте нынѣ съ веселіемъ, и не износите никакого шума: заутра же соберемся всѣ на сонмъ, гдѣ

предЪ всѢми сотворю вамЪ запрещенiе входить вЪ домЪ мой: ищите инуда пиршествЪ; или взаимно другЪ друга зовите вЪ ваши домы и угощайте. Когда же прiятнѢе вамЪ зрится единаго мужа расточати стяжанiе, до конца истощайте; я же призову боговЪ во свидѢтельство, и уповаю, что всесильный Дiй не оставитЪ дѢлЪ вашихЪ безЪ отмщенiя; воистинну вЪ дому семЪ погибнете горькою смертiю.

Женихи, слышавЪ сiе сЪ досажденiемЪ, удивлялись дерзновеннымЪ словамЪ Тилемаха, коему Антиной сЪ посмѢянiемЪ отвѢтствовалЪ тако: Возлюбленный другЪ! Сами боги поистиннѢ научили тебя высокомѢрнымЪ и велерѢчивымЪ быти и дерзновенно глаголати; или громомещущiй Дiй хощетЪ поставить тебя царемЪ надЪ островомЪ симЪ: да тебѢ и принадлежитЪ по наслѢдiю отца твоего

его сїе достоинство.---- ТилемахЪ рекЪ ему: Воистинну не отрекся бы я прїять дара сего; токмо сЪ соизволенїя отца боговЪ и человѣковЪ, всесильнаго Дїя. Можно ли нарещи не достойнымЪ дѣломЪ, обладати многими людьми, когда отЪ сего богатство и почтенїе вскорѣ раждается? Но я знаю, что и кромѣ меня суть во Иѳакѣ многїе знаменитые юноши и почтенные старцы, кои достойны явятся сея высокїя чести. Уже нѣсть вЪ живыхЪ храбраго Одиссея; и тако буду я царемЪ и обладателемЪ надЪ домомЪ своимЪ и надЪ рабами, отцемЪ моимЪ мнѣ стяжанными.

ЕвримахЪ отвѣщалЪ ему: Владычество надЪ островомЪ симЪ во власти боговЪ состоитЪ. Ты же владычествуй самЪ надЪ домомЪ твоимЪ и надЪ всемЪ имѣнїемЪ; ибо нѣсть человѣкЪ, кой бы могЪ насильственно отЪять стяжанїе

твое, доколѣ островъ сей будетъ обитаемъ. Но я хощу вопросити тебя, кто здѣсь былъ оный странный мужъ? Отъ какія земли? Отъ какого народа? И отъ какихъ родителей имѣетъ происхожденіе? Возвѣщеніе ли тебѣ о отцѣ твоемъ принесъ, или собственною нуждою завлеченный приходилъ сѣмо? Како толь скоро сокрылся отсюду, что мы не могли взаимно другъ друга познати: лице же его зрится быти не простаго человѣка.

Тилемахъ въ отвѣтъ тако вѣщалъ: Воистинну уже изчезла надежда къ возвращенію родителя моего. Не иму отнынѣ вѣры никакому возвѣщенію, кто бы откуду ни принесъ оное, ниже внемлю гаданіямъ прорицателей, когда матерь моя призываетъ вопросить ихъ. Странникъ же оный издревлѣ есть свѣдомый Лаэрту и Одиссею; родъ его есть отъ народа

Та-

Таѳїйскаго, имя ему Ментей, сынъ Анхилловъ, обладатель своего народа,

Тако рекъ Тилемахъ: но самъ зналъ, что во образѣ семъ была безсмертная богиня. Утѣшавшимся же женихамъ пѣнїемъ и плясанїемъ, приближился вечеръ; тогда всѣ ко сну отходятъ. Такожде и Тилемахъ идетъ во свою ложницу, предшествующей со свѣтильникомъ престарѣлой рабынѣ Евриклеѣ, купленной Лаэртомъ цѣною за двадесять воловъ; и тамо совлекши съ себя одѣянїе, возшелъ на одръ волнуяся многими помышленїями.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Вита.

Когда явилася божественная утренняя заря; Тилемахъ, возставъ

ставЪ отЪ ложа, облекся вЪ одежды, повѣсилЪ на рамена мечь, на ноги надѣлЪ сапоги; и по изшествïи изЪ ложницы, абïе повелѣлЪ провозвѣстникамЪ созвати на сонмЪ АхеанЪ. ---- Собравшуся множеству народа, идетЪ и ТилемахЪ, имѣя вЪ рукѣ копïе, послѣдующимЪ ему двоимЪ псамЪ. Божественная Паллада излила на него благодать свою; и весь народЪ удивился величественному его зрѣнïю. ПришедЪ на сонмище, сѣлЪ на сѣдалищи отца своего. БылЪ тамо нѣкто престарѣлый Египетскïй ирой, искусившейся знанïемЪ во многихЪ дѣлахЪ, коего сынЪ АнтифЪ, находившись купно сЪ ОдиссеемЪ на Троянской брани на возвратномЪ своемЪ оттуда пути снѣденЪ вЪ послѣднюю вечерю лютымЪ КиклопомЪ ПолиѳимомЪ, и имѣвшей кромѣ сего еще трехЪ сыновЪ, изЪ коихЪ единЪ обращался между женихами; двое же

не

неотлучно пребывали со отцемъ, исполняя его повелѣнія. ---- Сей, тогда проливъ токи слезъ, начинаетъ тако: Мужественные Иѳакіяне! Внушите, что возглаголю вамъ: никогда между нами не было толикаго собранія отъ самаго того времени, когда Одиссей на брань отбылъ. Нынѣ же кто собралъ насъ сѣмо? Отъ младыхъ ли юношей, или отъ старцевъ кто? Кого нужда привлекла къ сему? Воинство ли сопротивное слышалъ кто приближающееся къ намъ, или общенародное какое зло хощетъ открыти? Разуменъ и благъ зрится мнѣ человѣкъ сей, кой въ злоключеніи хощетъ сотворить помощь. Всесильный Дій да обратитъ ему во благое все, что въ умѣ своемъ ни помышляетъ.

Тилемахъ, слышавъ сіе, зѣло возрадовался; ставъ же посредѣ собранія, пріемлетъ отъ провозвѣстника жезлъ, и обратяся къ

оному старцу, тако начинаетъ: Почтенный мужъ! Не далече есть человѣкъ оный, о коемъ испытуешь: се я есмь, кой созвалъ васъ на сїе собранїе: не знаю ничего, ниже о сопротивномъ воинствѣ, ниже о общенародномъ злѣ; но привлекло меня къ сему собственное мое дѣло. Два злоключенїя постигли домъ мой: первое, лишился я отца, кой нѣкогда владычествовалъ надъ вами со всякою кротостїю и любовїю; второе зло лютѣйше есть паче перваго, которое вскорѣ низпровергнетъ домъ мой, и вся стяжанїя разсыплетъ. Сыны знаменитыхъ мужей здѣсь обитающихъ, насильственно принуждаютъ матерь мою прїять супружество. Къ достиженїю же сего не хотятъ итти къ отцу ея, кой можетъ достойнымъ вѣномъ наградить дщерь свою, и отдать тому, кого самъ изберетъ; но пребываютъ всякїй день въ дому на-

шемъ,

шемъ, и творятъ веселыя ликованія, закалая воловъ, овецъ и козъ; вино же піютъ безъ всякаго пощаденія, и инная множайшая стяжанія разточаютъ всуе; зане нѣсть мужъ, каковъ былъ Одиссей, который бы отвратилъ зло сіе отъ дому нашего; ибо я и юнъ есмь и безсиленъ. Когда бы была во мнѣ крѣпость, воистинну прогналъ бы враговъ отъ дома моего; ибо совершаются не стерпимыя дѣла, и сокровища съ поношеніемъ разграбляются. Вознегодуйте сами на свои дѣла, устыдитеся сосѣднихъ языковъ, убойтеся гнѣва боговъ, да не како прогнѣваются и воздадутъ месть за ваши злодѣянія. Молю васъ во имя всесильнаго Дія и праведной Ѳемиды, воздержитеся, други мои, отъ обидъ таковыхъ, и оставьте единаго меня сокрушаться печаліею. Когда же благосердый мой отецъ огорчалъ васъ каковою либо обидою,

взыщите на мнѣ яростнымъ сердцемъ отмщенія вашего: а естли не престанете тщетно расточати имѣніе мое, блюдитеся, да не постигнетъ васъ месть наша; ибо дотолѣ не престанемъ отъ васъ взыскивать благихъ своихъ, доколѣ совершеннаго воздаянія не получимъ.

Сіе рекши изпустилъ токи слезъ, и со гнѣвомъ повергъ жезлъ на землю. Тогда всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи; и никто не дерзнулъ отвѣщать ему досадительными словами. Единъ токмо Антиной тако начинаетъ: Не укротимый и велерѣчивый Тилемахъ! Праведно ли творишь намъ укоризны, желая предъ всѣми насъ обезславить? Воистинну не мы виновники твоея печали, но едина матерь твоя, которая, ежедневно соплетая ложь, прельщаетъ насъ своими хитростями; ибо скоро уже минуетъ третій годъ, какъ

она

она сердца наши томитъ обманами; всѣмъ даетъ надежду; творитъ обѣщанія; предпосылаетъ вѣстниковъ; въ сердцѣ же иное соумышляетъ: какъ нѣкогда начавъ великую ткати одежду, пришедъ къ намъ, тако рекла: Знаменитые юноши! Когда дражайшій мой Одиссей скончался; молю васъ потерпите ускоряти бракомъ, доколѣ не совершу сіе тканіе на погребеніе престарѣлому Лаэрту, когда необходимая смерть прекратитъ дни его, да не какая отъ Ахейскихъ женъ поругается мнѣ, когда не покровенъ будетъ лежати той, кто при жизни многимъ обладалъ стяжаніемъ. Сими лестными словами преклонила насъ къ вѣроятію. Но она что совершала днемъ, оное нощію разрѣшала: и тако хитрость сія сокрывалась отъ насъ три лѣта. Наставшу же четвертому году возвѣстила намъ нѣкая отъ рабынь о лести ея; и

сами мы обрѣли разрѣшающую ткание; и тако по нехотѣнїю окончала. Женихи тебѣ тако совѣтуютъ, дабы и тебѣ и всѣмъ было извѣстно: матерь твою Пинелопу отпусти изъ дома твоего, и повели ей вступить въ супружество съ тѣмъ, кого отецъ ея изберетъ, или кого сама возжелаетъ: когда же нѣсколько еще лѣтъ будетъ соплетать подобныя хитрости, томя сердца наши; воистинну не престанемъ расточать наслѣдїе твое, доколѣ одинаковыя помышленїя будетъ имѣти на сердцѣ: она тѣмъ приобрѣтетъ великую славу; а тебя снѣстъ сердоболїе о истощаемомъ богатствѣ. Мы не отъидемъ отъ дому твоего, ниже приступимъ къ дѣламъ нашимъ, доколѣ не воспрїимемъ по своему желанїю супружества.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Антиной! Возможно ли матерь родившую

шую и воспитавшую меня изгнать изЪ дому противЪ ея желанія? ОтецЪ мой или живЪ сый, обрѣтается во отдаленныхЪ странахЪ; или уже скончалЪ животЪ свой. Не болѣзненно ли будетЪ душѣ моей отдати многое имѣніе Икарію, когда отпущу кЪ нему дщерь его, мою же матерь Пинелопу? Не сотворитЪ ли мнѣ наказанія и отецЪ мой, когда, возвратився вЪ домЪ, не узритЪ вЪ немЪ жены своея? Что же воздастЪ мнѣ БогЪ, когда матерь отходя отЪ дому своего, будетЪ заклинати меня отмщеніемЪ дщерей ада, лютыхЪ мучительницЪ Ериннїй? Не будетЪ ли мнѣ поруганія и отЪ человѣкЪ? Воистинну не сотворю сего матери моей. Вы же оставьте отЪ нынѣ домЪ мой, ищите другихЪ пиршествЪ, или взаимно другЪ друга зовите на угощеніе вЪ домы ваши; когда пріятнѣе вамЪ видится единаго мужа разточати стяжаніе,

истощайте: я призову боговъ во свидѣтельство, и уповаю, что всесильный Дій не оставитъ дѣлъ вашихъ безъ отмщенія: въ дому семъ смертію воистинну погибнете.

Тако вѣщающу Тилемаху, се парятъ два орла отъ высокія горы, кои прилетѣвъ посредѣ сонма, обратилися единъ противу другаго, начали сражатися крылїями и когтями, и взирая на главы всѣхъ мужей, смерть предвѣщали; по семъ паки полетѣли на десную страну чрезъ градъ и домъ Одиссеевъ, вси, на сїе взирая, чудились. Престарѣлой же ирой Алисѳерсъ, искусившейся во многихъ гаданїяхъ, тако начинаетъ: Мужественные Иѳакїяне! Послушайте глаголовъ моихъ, паче же всѣхъ вѣщаю къ ищущимъ Пинелопы; зане имъ скорая приближается пагуба; не далече бо Одиссей обрѣтается отъ своея отчизны;

ны; но зѣло близъ есть, и предустрояетъ горькую смерть онымъ, и инымъ многимъ во Иѳакѣ обитающихъ. Потщитеся убо, О юноши! престати отъ безумія вашего заблаговременно: предвѣщаю вамъ сіе не ложно, но довольно искушенъ бывъ; ибо уповаю, что съ Одиссеемъ свершилося мое предсказаніе. Когда отходилъ онъ на брань, я ему порекъ, что по претерпѣніи многихъ напастей и лишився всѣхъ сопутниковъ, не свѣдущу никому, въ двадесятый годъ пріидетъ во свое отечество. Се нынѣ воистинну сіе совершается!

Евримахъ отвѣщалъ ему: Легкомысленный старецъ! Иди провѣщевай такъ сынамъ твоимъ, да не постраждутъ какого зла въ предбудущее время: я же много лучшій тебя прорицатель есмь: воистинну многія суть птицы подъ небесами, но не всѣ способ-

ны къ гаданїю. Знаю совершенно и то, что Одиссей давно уже погибъ. О когда бы и ты совокупно съ нимъ погрязъ! дабы толь несмысленно гадательствуя не буесловствовалъ всуе, и не возбуждалъ бы раздраженнаго Тилемаха ко гнѣву. Зрю, что уповаеши получити отъ него дары нѣкїе. Я же прорекаю, что когда ты старъ и многому обученъ будучи, возбудиши юношу сего къ вящшему гнѣву, злѣйшая напасть его постигнетъ; а тебѣ, старецъ! сотворимъ наказанїе, кое нанесетъ тебѣ тяжкїя болѣзни. И такъ совѣтую Тилемаху отпустити матерь ко отцу ея; тамо сотворятъ ей бракъ, и наградятъ вѣномъ, какое приличествуетъ дати возлюбленной дщери. Мы же не престанемъ требовати Пинелопу въ супружество; ибо никого не боимся, ниже велерѣчїя и прещенїя Тилемахова, ниже взираемъ на

на твое суемысленное пророчество, за что вящшее отЪ насЪ пріимешь ненавидѣніе: стяжаніе ихЪ паки начнемЪ разточати, доколѣ Пинелопа не пріиметЪ супружества; ниже отЪидемЪ искати другихЪ невѣстЪ, и не сотворимЪ конца начатому дѣлу.

ТилемахЪ рекЪ ему: ЕвримахЪ! и вы прочіе знаменитые женихи! Не прошу васЪ о семЪ, ниже воспоминаю; знаютЪ уже всѣ боги и всѣ Ахеане; но токмо молю васЪ дать мнѣ корабль и двадесять сопутниковЪ; ибо хощу отЪити во островЪ ПилЪ и во градЪ Спарту, испытати славу о отцѣ моемЪ; и когда услышу что онЪ живЪ есть, потерплю еще единЪ годЪ, ожидая его возвращенія: когда же познаю, что уже не наслаждается сіяніемЪ солнца, возвратився вЪ домЪ мой, созижду великолѣпную ему гробницу, и воздамЪ достойное поминовеніе.

Сїе рекши, сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Посемъ возставъ вѣрный Одиссеевъ другъ Менторъ, въ смотрѣнїе и храненїе коему поручилъ онъ при отшествїи на брань весь домъ и все имѣнїе, тако начинаетъ: Внушите, что возглаголю вамъ: да не будетъ ни единъ царь изъ бывшихъ на брани Троянской кротокъ, храняй истинну и благочестїе, но да будутъ всѣ таковые обладатели царствъ жестокосерды, неправедны и насильственны, когда никто не воспоминаетъ о царѣ Одиссеѣ, кой къ народу своему кротокъ былъ, аки отецъ чадолюбивый. Не гнѣваюся я на младыхъ жениховъ, неподобныя дѣла творящихъ; ибо на свои главы разтощаютъ стяжанное царемъ Одиссеемъ, о возвращенїи коего никогда не помышляютъ: гнѣваюся же паче на всѣхъ васъ, что толь малаго числа младыхъ юношей не можете воздер-

жать

жать отъ чиненія обидъ и насильствія.

Аїокритъ отвѣщалъ ему вопреки: Не смысленный Менторъ! можешь ли ты возбранить намъ въ дѣлахъ нашихъ? Когда бы и самъ Одиссей пришедъ сѣмо, помыслилъ изгнати насъ отъ дому своего, воистинну не возрадовалася бы жена его; зане смерть бы скорая его постигла. Отыдите убо вси къ дѣламъ своимъ; Тилемаху же предъуготовятъ путь Менторъ и Алисферсъ, други отца его; мню бо никогда онъ не совершитъ сего путешествія.

Тако вѣщающу, всѣ отходятъ въ домы свои; женихи же идутъ паки въ домъ Одиссеевъ. Тилемахъ, пришедъ на брегъ моря, и тамо умывъ руки, принесъ Палладѣ моленіе тако: Услыши мя, великая богиня! домъ мой вчерась посѣтившая, и по морю пріять путь повелѣвшая, да испытаю о отцѣ

моемЪ: но се нынѢ препятствуютЪ мнѢ Ахеяне, паче же всѢхЪ женихи гордые.

Тако молящуся Тилемаху, абїе явилася Паллада во образѢ Ментора, и таковая кЪ нему глаголетЪ: ТилемахЪ! Когда ты имѢешь духЪ мужества Одиссеева, воистинну не тщетенЪ будетЪ путь твой: когда же бы ты не его былЪ сынЪ, и рожденЪ не отЪ Пинелопы, знай, что предпрїемлемыя тобою дѢла никогда бы желаемаго конца не имѢли. Но какЪ не оставила тебя мудрость Одиссеева, и зришися быти мужественЪ и не леностенЪ, уповай сЪ дерзновенїемЪ, что дѢла твои произыдутЪ во благое преуспѢянїе. Сего ради не взирай на прещенїе и гордость безумныхЪ жениховЪ; ибо не вѢдятЪ, что приближается имЪ пагуба и неизбѢжимая смерть, которая всѢхЪ ихЪ пожретЪ вЪ день единЪ. Будь скоро готовЪ кЪ пути

ти твоему; а я какъ другъ рождшаго тебя всюду послѣдую тебѣ, уготовaю карабль, и соберу мореплавателей. Иди убо нынѣ въ домъ твой, и обращайся между женихами; уготовь въ напутїе хлѣбъ и вино: между тѣмъ я взыду во градъ, и, тамо созвавъ сопутниковъ желающихъ, изберу лучшїй изъ всѣхъ корабль; и снабдивъ его всемъ потребнымъ, вскорѣ низъидемъ во глубину моря.

Тилемахъ, повинуяся гласу богини, отходитъ спѣшно въ домъ, гдѣ обрѣтаетъ жениховъ, обѣдъ уготовляющихъ. Антиной, узрѣвъ его, идетъ ему во срѣтенїе, и взявъ за руку, вѣщаетъ къ нему съ посмѣянїемъ: Высокомѣрный и неукротимый Тилемахъ! Изжени отъ сердца твоего вредные совѣты и помышленїя, паче же пребывай съ нами, ядя и пїя съ веселїемъ какъ прежде: Ахеяне между

жду тѣмъ уготовятъ тебѣ корабль и сопутниковъ.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Другъ мой Антиной! Возможно ли мнѣ во множествѣ гордыхъ юношей пиршествовать и веселиться спокойно? Или не довольно вамъ, что безъ пощадѣнія расточали вы мои сокровища, когда я еще былъ не смысленъ: нынѣ же когда разумѣю все и познаю благіе совѣты, испытаю и узрю, не возмогу ли нанести вамъ пагубы и смерти, отшедъ ли во островъ Пилъ, или здѣсь пребывая. Но отыду, и путь мой будетъ мнѣ въ пользу.

Сказавъ сіе, изторгаетъ свою руку отъ руки Антиноевы. По семъ нѣкто отъ жениховъ паки рекъ: Се како Тилемахъ уготовляетъ намъ смерть! Воистинну или отъ Пила или изъ Спарты приведетъ себѣ помощниковъ, или отъ

Эфиры принесетъ смертоносный ядъ, и разтворивъ съ виномъ въ чаши, уготоваетъ намъ, и тако всѣхъ погубитъ смертiю.

Тако разглагольствовали женихи. Тилемахъ же не взирая на ихъ посмѣянiе, отходитъ въ чертогъ, въ коемъ хранилися одежды, въ ковчегахъ лежавшiя, злато, мѣдь, благовонный елей, и сосуды наполненные старымъ, чистымъ и божественнымъ виномъ, блюдомымъ къ пришествiю Одиссееву. Тамо отвнутрь всегда заключены были двери, и пребывала въономъ день и нощь престарѣлая рабыня Евриклея, дщерь Писинорова, которую узрѣвъ Тилемахъ вѣщаетъ: Возлюбленная питательница! Наполни мнѣ дванадесять сосудовъ сладкаго онаго вина, кое блюдеши для отца моего Одиссея, и отверстiя оныхъ укрѣпи твердо; двадесять мѣръ въ мѣхи вложи

чистыя муки; и все сїе собери во едино мѣсто: токмо блюдися, да не увѣдаетъ кто о семъ, кромѣ тебя единыя. Наставшей же нощи, когда матерь моя взыдетъ въ ложницу почити, все сїе возьму съ собою; зане отхожду въ Спарту и Пилъ услышати о отцѣ моемъ.

Евриклея слышавъ сїе, возрыдала, и проливъ слезы, вѣщаетъ тако: Возлюбленное чадо! Откуду вселилося въ твое сердце таковое помышленїе? Како хощешь итти въ толь отдаленныя страны? Одиссей погибъ у неизвѣстныхъ народовъ: ты же единъ зришися предъ нами яко зѣница ока. Кто вѣдаетъ, не устроятъ ли тебѣ женихи по отшествїи твоемъ пагубы? Сами же все твое имѣнїе раздѣлятъ между собою. Молю тя, не отлучайся отъ дому твоего, но пребуди съ нами. Помысли, возможно ли тебѣ понести морскїя злоключенїя и странствованїя?

Тиле-

Тилемахъ речетъ ей: Питательница! дерзай и не устрашайся; зане путь сей предпрїемлю не безъ промысла Божїя: токмо клянися мнѣ, что не возвѣстишь о семъ матери моей, доколѣ прїидетъ двадесятый день, или когда сама возжелаетъ видѣти меня, и отъ другихъ увѣдаетъ о отшествїи моемъ; ибо не хощу, дабы она меня ради изнуряла свое благообразїе.

Тако глаголалъ Тилемахъ. Евриклея же сотворивъ клятву, исполнила вскорѣ его повелѣнїе. Тѣмъ временемъ божественная Паллада, обтекая градъ, собрала мореплавателей: послѣ пришедъ къ Ноимону, сыну Фронїеву, корабль испросила. Наставшей нощи и помрачившимся всѣмъ стезямъ, снабдивъ нужнымъ корабль, и изведъ на море, постановила во пристанищи, куда и всѣ хотящїе воспрїять путь сей собралися. По семъ пре-

премудрая богиня невидимо вшедъ въ собранїе жениховъ, излила сладкое дреманїе на вѣжди очей ихъ, и абїе вси отходятъ въ домы почити: къ Тилемаху же во образѣ Ментора представъ вѣщаетъ: Любезное чадо! Храбрые твои сопутники къ кораблю уже собралися; тебя единаго токмо къ отшествїю ожидаютъ. Что убо отлагаемъ время? Почто медлимъ? Пойдемъ скоро.

Тако вѣщая, предшествуетъ: Тилемахъ послѣдуетъ стопамъ ея. Пришедъ къ кораблю, обрѣтаютъ тамо всѣхъ сопутниковъ въ готовности. Тогда Тилемахъ рекъ имъ: Пойдемъ, други мои! принесемъ отъ дому моего, что потребно есть къ напутїю; уже все собрано и лежитъ готово: о отшествїи же моемъ ниже рабыни, ниже сама матерь Пинелопа свѣдома есть; единая токмо престарѣлая Евриклея знаетъ.

Сїе

Сїе сказавъ, предшествуетъ. Пришедъ въ домъ, и взявъ уготованное, отнесли на корабль, и все положили сохранно. Божественная Паллада, возшедъ на корабль, и сѣдши на кормѣ, близь себя посадила Тилемаха. Вскорѣ все приведъ въ порядокъ, отрѣшили корабль; и сѣдши по мѣстамъ, ялися плаванїю. Богиня абїе послала благопоспѣшный вѣтръ, кой дыханїемъ своимъ вскорѣ разпространилъ вѣтрила. Корабль уже несется по морскимъ водамъ, разсѣкая быстротою своею шумящїя и пенящїяся окрестъ его волны. Мореходцы сѣдятъ спокойно. Тилемахъ повелѣлъ имъ наполнити чаши виномъ: исполнену же бывшу его повелѣнїю, пили всѣ, колико желали въ честь боговъ, а наипаче въ славу Аѳинскїя Паллады.

И тако всю нощь и чрезъ весь день съ веселїемъ путь свой совершали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Гамма.

Солнце, оставя жилище океяна, восходитъ на твердь небесную, неся свѣтъ безсмертнымъ и земнороднымъ; Тилемаховъ корабль приближается къ Нилееву граду Пилу. Вшедъ во пристанище, видятъ божественнаго Нестора, со всѣми знаменитыми Пилїянами на брегу моря приносящаго жертву отъ черныхъ тельцевъ морскому царю Посидону. Тогда божественная Паллада вѣщаетъ къ Тилемаху тако: Любезный другъ! Отнынѣ стыдъ уже не свойственъ тебѣ; сего ради и морскїй путь ты прешелъ, дабы услышать славу о отцѣ твоемъ, кая сокрываетъ его земля, или кая смерть постигла. Иди убо прямымъ путемъ къ царю Нестору, да узримъ какїй

какій совѣтъ подастъ намъ: токмо моли его, да повѣдаетъ истинну; ложь бо ему совсѣмъ не свѣдома; зане зѣло есть разуменъ.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ей: Возлюбленный Менторъ! Како приступлю къ толь знаменитому царю? Како сотворю ему цѣлованїе? Въ разумныхъ разглагольствїяхъ я еще доселѣ не обращался: стыжуся, младъ будучи, вопрошати сѣдинами украшеннаго мужа. ----- Премудрая Аѳина отвѣщала: Тилемахъ! иное предусмотри въ умѣ твоемъ; иное же Богъ послетъ тебѣ; ибо мню, что не безъ промысла боговъ рожденъ ты и воспитанъ.

Тако разглагольствуя, шествуютъ вкупѣ въ знаменитое собранїе Пиліанъ, гдѣ божественный Несторъ сидѣлъ со своими сынами, а вельможи окрестъ его уготовляли пиршественная. Узрѣвъ же странниковъ, идутъ имъ во

срѣтенїе; и Пизистратъ сынъ Несторовъ приближившися къ нимъ, емлетъ за руки; и сажаетъ обоихъ на мягкихъ кожахъ близь отца своего и брата Ѳрасимида; потомъ предлагаетъ предъ нихъ тучныя части мясъ, наполняетъ златую чашу виномъ, и мало вкусивъ отъ нея, вручаетъ Палладѣ, тако вѣщая: Возлюбленный странникъ! Прїйми чашу сїю и вкушай отъ нея въ возблагодаренїе царю Посидону; зане и вы удостоилися быть участниками пиршества его; подаждь и сему твоему сопутнику, да и онъ равное принесетъ моленїе безсмертнымъ; ибо всѣ мы требуемъ отъ боговъ покровительства. Зрю, что онъ юнъ есть и лѣтами равенъ мнѣ; сего ради первому тебѣ подаю сїю чашу.

Тако рекши, вручаетъ чашу. Богиня зѣло возвеселилася, видя мужа толь праведна и разумна, и начинаетъ тако моленїе: Содержай

зем-

землю, царю ПосидонЪ! не отрини моленія нашего, днесь тебѢ приносимаго. ВопервыхЪ божественнаго царя Нестора и сыновЪ его прослави веліею славою, також-де и всѢмЪ предстоящимЪ здѢсь воздаждь радостное воздаяніе за закланныя тебѢ отЪ нихЪ жертвы: посемЪ даждь Тилемаху и мнѢ возвращеніе сЪ счастливымЪ окончаніемЪ дѢла, коего ради пришли мы сѢмо.

Тако молилася Паллада; но сама все совершала: посемЪ подала чашу Тилемаху. По насыщеніи пищею и питіемЪ пресловутый царь НесторЪ начинаетЪ тако: Возлюбленные гости! НынѢ хощу васЪ вопросити, кто вы есте? Откуду преплаваете стези морскія? ДѢло ли какое имѢете? Или суетно по морямЪ аки разбойники заблуждаете, предая животЪ вЪ великія опасности, и нося озлобленія ближнимЪ?

Тилемахъ, ободренный богинею отвѣщалъ: Божественный царю! Мы пришли отъ острова Иѳаки, не для общественнаго дѣла, но собственною нуждою убѣжденные: хощемъ увѣдати о царѣ нашемъ, о моемъ же отцѣ Одиссеѣ, купно съ тобою, какъ повѣдаютъ, опровергшемъ Троянскїя стѣны. О всѣхъ прочихъ Ахеанахъ, тамо бывшихъ, мы слышали, кто, гдѣ, и какою смертїю скончался; смерть же отца моего Дїй содѣлалъ неизвѣстною, и никто не можетъ подати вѣрнаго извѣщенїя, на морѣ ли, или на землѣ погибъ отъ мужей непрїятельскихъ. Сего ради ко твоимъ припадаю колѣнамъ, повѣждь мнѣ, ежели гдѣ его видѣлъ, или что слышалъ о немъ, не сокрой ничего, милосердствуя и болѣзнуя о мнѣ; но возвѣсти истинну.

Престарѣлый Несторъ рекъ ему: Возлюбленный другъ! Вопрошая

шая о семъ, приводишь мнѣ на память всѣ злоключенія, претерпѣнныя храбрыми сынами Ахейскими на морѣ и на сушѣ во время Троянскія брани. Тамо лежитъ бранноносный ратай Эантъ, тамо чудный крѣпостію Ахиллъ, тамо другъ его дерзновенный Патроклъ, тамо убіенъ лежитъ и возлюбленный мой сынъ, не устрашимый воинъ Антилохъ, чудную легкость и быстроту въ бѣганіи имѣвшей. Всѣхъ же напастей, нами понесенныхъ, ниже чрезъ пять или шесть лѣтъ не возможно изчислити; ибо чрезъ девять лѣтъ устрояли мы разныя ковы къ опроверженію онаго града. Едва наконецъ всесильный Дій помогъ намъ сокрушити враговъ нашихъ; токмо мудростію и разнообразными ухищреніями никто не могъ превзойти Одиссея, имѣвшаго разсужденія и совѣты во всѣхъ дѣлахъ и собраніяхъ равныя и единаковыя со мною.

 По-

По разрушенїи же града обратилися мы вспять на корабляхЪ вЪ домы свои. Но БогЪ разсыпалЪ всѣхЪ АхеянЪ. Великїй Дїй за безумїе и за неправды предустроилЪ всѣмЪ печальное возвращенїе, паче же совѣтомЪ раздраженныя Паллады, которая и между сынами Атреевыми воздвигла великое несогласїе; ибо Ахеане собралися на сонмЪ противу обыкновенїя предЪ захожденїемЪ солнца, [и притомЪ пришли обремененные виномЪ] : Менелай совѣтовалЪ тамо немедленно воспрїять путь во свои отчизны : АгамемнонЪ же увѣщевалЪ, дабы нѣкое время пребыли, для принесенїя жертвЪ ко умилостивленїю раздраженныя Паллады; не вѣдалЪ бо безумный, что прогнѣванные боги неудобь преклонны суть кЪ милости. И такЪ всѣ Ахеяне, возмущаяся единЪ противу другаго, воздвигли великїй шумЪ и разпрю отЪ неравныхЪ жела-

желанїй. Нощь оная вся препроведена въ зловредныхъ и несогласныхъ помышленїяхъ. Заутра возставъ, низвели корабли на море; собравъ все имѣнїе, и посадивъ плѣнныхъ женъ, отправилися. Но Агамемнонъ съ другою частїю воинства пребылъ тамо. Плаванїю нашему Богъ предуготовилъ благополучный путь. И такъ пристали мы во островѣ Тенедѣ, для принесенїя жертвъ громомещущему отцу боговъ Дїю, кой новыя паки намъ устроялъ злоключенїя. Ибо многїе отъ насъ отлучився, пристали къ Одиссею и царю Агамемнону; я не смотря ни на кого собравъ нѣколикое число кораблей, ялся бѣгу; зане предузналъ, что Богъ предъуготовляетъ пагубу. За мною слѣдовалъ и Дїомидъ со своими сопутниками. Но Менелай поздно пришелъ къ намъ въ Лесвъ, гдѣ мы совѣщевали о долговременномъ нашемъ путешествїи, и не

знали, выше ли острова Хїо, оставя его влѣвѣ плыти къ острову Псирїи, или ниже Хїоса къ Миманту? Молили Бога показати намъ знаменїе; и абїе повелѣно намъ итти во Еввїю, дабы избѣгнути злоключенїя. И такъ пришли мы нощїю въ Герестъ, гдѣ многочисленныя царю Посидону принесли жертвы. Четвертый день былъ, какъ Дїомидовы корабли прибыли въ Аргъ: я же держалъ путь ко граду моему Пилу; ибо благопоспѣшный вѣтръ не переставалъ намъ способствовати. И такъ здравъ въ домъ свой я возвратился. О прочихъ же моихъ совоинственникахъ, которые изъ нихъ на морѣ погибли, и которые спаслися, не знаю. Токмо слышалъ, что Неоптолемъ, сынъ Ахилловъ, съ Мирмидонянами приплылъ во свою отчизну благополучно; такожде Филоктитъ со своею дружиною и мудрый Идоменей совершили путь

свой безвредно, не потерявъ на море ни единаго изъ сопутниковъ, на брани спасшихся. О царѣ Агамемнонѣ, мню, сами знаете, како погибъ коварствомъ безстуднаго Эгисѳа, и какое мщенїе воздалъ ему Орестъ за смерть отца своего. Тако и тебѣ, чадо, подобаетъ быть мужественну, да обрящешь отъ будущихъ племенъ славу.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: О велїя слава Ахеянъ, божественный царю! Воистинну достойную Орестъ содѣлалъ месть Эгисѳу. О когда бы и мнѣ боги толикое даровали мужество къ отмщенїю безстуднымъ женихамъ, кои не довольствуяся своими злодѣянїями и несносными обидами, соумышляютъ на меня пагубу; но вижду, что боги не опредѣлили мнѣ сея чести; подобаетъ убо терпѣти до нѣкоего времени.

Царь Несторъ на сїе рекъ ему: Слышалъ и я, что многїе юноши,

ища матери твоея въ супружество, содѣваютъ тебѣ великія обиды. Но повѣдай мнѣ, доброволно ли сіе терпишь, или граждане твои возненавидѣли тебя, слушая гласа боговъ? Како не помышляютъ безумные, что Одиссей возвратився внезапно въ домъ свой, единъ ли или со многими, накажетъ ихъ за злочинія? Когда бы божественная Паллада толико тебя любила, колико отца твоего, коему всегда являлася откровенно, воистинну скоро престали бы они помышляти о супружествѣ.

Тилемахъ такій отвѣтъ далъ: Великоименитый царю! Я никогда не надѣюся толь великія чести сподобиться, хотя бы и сами боги быть тому благоволили. Ужасъ меня объемлетъ таковыя слова отъ тебя слышащаго.

Паллада, во образѣ Ментора находившаяся, тако Тилемаху отвѣ-

вѣщала: Неправедны суть таковыя твои помышленія; зане Богъ и отдалече можетъ спасти человѣка; лучше бы и я восхотѣлъ многія напасти подъяти въ пути, токмо безвредно въ домъ возвратитися, нежели какъ Агамемнонъ благоуспѣшно свершивъ путешествіе, въ отечествѣ своемъ погибъ ухищреніями коварнаго Эгисѳа и лестію жены своея Клитемнестры. Общія же всѣмъ смерти и самые боги не могутъ воспятити. Рано или поздно надлежитъ всѣмъ умрети.

Тилемахъ отвѣщалъ ей: Возлюбленный Менторъ! Оставимъ сіе; ибо я знаю, что боги погубили отца моего, и ктому не узрю въ домъ свой его возвратившагося. --- Тебя же, богоподобный царь Несторъ! хощу вопросити: како Агамемнонъ умерщвленъ? Гдѣ въ то время былъ Менелай, братъ его?

его? Коимъ образомъ коварный Эгисѳъ смерть ему устроилъ?

Несторъ рекъ ему: Внемли чадо! Повѣдаю тебѣ истинну: когда бы Менелай обрѣлъ живаго Эгисѳа, воистинну повергъ бы его на поле въ снѣдь псамъ и птицамъ; и ни едина бы отъ Ахейскихъ женъ его не оплакала. Мы тогда, бывъ на брани, претерпѣвали различныя напасти и труды; но онъ въ то время, пребывая празденъ въ дому своемъ, имѣлъ единое тщанïе, дабы лестными словами преклонить къ безстуднымъ желанïямъ царицу Клитемнестру, съ начала долго пребывавшую непобѣдимою, доколѣ былъ при ней пѣвецъ, коему Агамемнонъ при отшествïи поручилъ въ смотрѣнïе весь домъ и жену, и коего Эгисѳъ появъ нѣкогда съ собою на необитаемый островъ, оставилъ его тамо въ корысть и въ снѣдь птицамъ, по возвращенïи же оттуду

поялъ

поялЪ царицу вЪ домЪ свой, болѣе уже не противившуюся. Многія принесЪ жертвы богамЪ, многія великолѣпныя украшенія, одежды и злато истощилЪ во храмы вЪ возблагодареніе, что толь знаменитое совершилЪ дѣло, каковаго никогда не чаялЪ. Мы тогда сЪ МенелаемЪ по дружеству нашему совокупно отЪ Трои преплавали море; и когда достигли до Сунія, Аѳинскаго мыса, АполлонЪ тамо Менелаева кормчія (*) убилЪ стрѣлами. Сего ради и по нехотѣнію оставили свое путешествіе, дабы сотворить другу своему погребеніе, и воздать честь поминовеніемЪ. ОкончавЪ сіе паки емлется пути со всѣми кораблями, и вскорѣ приходитЪ кЪ Малейской высокой горѣ, гдѣ всесильный Дій, пославЪ бурные вѣтры, воздвигЪ волны аки горы великія, и корабли разсѣялЪ на двѣ

(*) Фронтія сына Ониторова.

двѣ части; изъ коихъ одна занесена была бурею въ Критскую страну, гдѣ обитаютъ при потокахъ рѣки Іордана Кидоняне, а другая ко предѣламъ Гортинскимъ, гдѣ множество мѣлкаго каменїя препятствуетъ волнамъ умножаться. Тамо едва сами плаватели спаслися отъ смерти; корабли же отъ волнъ при камняхъ великїй вредъ претерпѣли. Но Менелай самъ съ пятїю кораблями принесенъ былъ къ Египту, и тамо собиралъ злато и другїя вещи, заблуждая въ иноплеменныхъ народахъ. Тѣмъ временемъ коварный Эгисѳъ прїялъ дерзновенїе устроить смерть царю Агамемнону, покоривъ весь народъ во власть свою, и царствовалъ надъ Микинянами седмь лѣтъ. Въ осьмый же годъ пришедъ отъ Аѳинъ мужественный его сынъ Орестъ, отмстилъ смерть отца своего, убивъ лютою смертїю злокозненнаго врага своего,

его, и представивЪ АргивянамЪ вечерю вЪ воспоминанїе вѣроломныя своея матери и нечестиваго Эгисѳа. ВЪ сей самый день возвратился и Менелай, имѣя на корабляхЪ многїя сокровища. ---- Тако и ты, возлюбленное чадо! не многое время пребуди отдаленЪ отЪ дому твоего, да не како все твое стяжанїе разхитятЪ толь неистовые женихи; ибо тщетно будешь заблуждать вЪ чужихЪ странахЪ: паче же совѣтую тебѣ прїяти путь кЪ царю Менелаю; поелику онЪ не давно прибылЪ во свою отчизну, преплавая пространство морей, и видѣлЪ многихЪ чуждыхЪ народовЪ, откуду и птицы вЪ единый годЪ не могутЪ прилетѣти. Иди убо кЪ нему на кораблѣ твоемЪ. Когда же хощешь сухимЪ путемЪ путешествовать; дамЪ тебѣ коней и колесницу, послю сыновЪ моихЪ да проводятЪ тебя вЪ ЛакедемонЪ кЪ велико-

 име-

именитому царю Менелаю, коего моли, да повѣдаетъ тебѣ истинну.

Тако разглагольствовавшу Нестору, солнце сокрыло лучи свои въ водахъ океана, и нощь наступила. Тогда божественная Паллада рекла Нестору: Великодержавный царю! Праведенъ и благъ есть совѣтъ твой; разсѣките убо языки оные, и возложите на огнь: разстворите и вино въ чашахъ, давъ возблагодаренїе богамъ вкусивъ отъ него, насладимся сномъ; ибо солнце уже лучи свои сокрыло.

Тако произрекшей богинѣ, провозвѣстники абїе подали всѣмъ воду для умовенїя рукъ; юноши, наполнивъ чаши виномъ, раздѣлили каждому оныя; языки же во огнь ввергли. Послѣ сего возставъ, отъ вина вкусили.

Тогда мнимый Менторъ и Тилемахъ хотѣли отъити на корабль; но Несторъ удержалъ ихъ тако вѣщая: Самъ всесильный Дїй

и прочїе боги да не допустятъ до сего, чтобы вамъ отъити на корабль почити. Или я вовсе нищь есмь, и не имѣю ниже одежды, ниже ложа, ниже покрововъ? ----- Никогда не будетъ сїе, дабы возлюбленный сынъ великодушнаго Одиссея, пришедъ въ домъ мой, на кораблѣ почивалъ, доколѣ я живъ остануся, и доколѣ сыны мои пребудутъ въ домѣ семъ, угощая всѣхъ приходящихъ сѣмо. ---- Аѳинская богиня отвѣщала ему: Великоименитый царю! да будетъ по твоему хотѣнїю. Тилемахъ останется въ дому твоемъ, и здѣсь почїетъ; а я отъиду къ кораблю укрѣпити мысли сопутниковъ нашихъ, и нѣчто повелѣти имъ; ибо я между всѣми ими старшїй нарицаюся.

Сїе рекши, отходитъ во образѣ отлетающїя птицы. Ужасъ всѣхъ объемлетъ: и Несторъ зѣло удивляяся, вѣщаетъ къ Тилемаху:

ху: Возлюбленный другЪ! Зрю, что и ты будешь непобѣдимЪ во брани, когда толь юна сущаго тебя сами боги вЪ пути твоемЪ руководствуютЪ. Но мню, что не инный кто отЪ небожителей былЪ днесь сЪ тобою, какЪ премудрая богиня Паллада, которая и отца твоего между Аргивянами зѣло прославила. Будь убо, о божественная дщи Дїева! и кЪ намЪ милостива; посли славу твою мнѣ, сынамЪ моимЪ и возлюбленной супружницѣ: я же вЪ жертву тебѣ принесу не укрощенную краву, рога ея позлативЪ чистымЪ златомЪ.

Сїе окончавЪ, грядетЪ вЪ домЪ свой, и всѣ ему послѣдуютЪ. Тамо престарѣлый царь, посадивЪ всѣхЪ на сѣдалищахЪ, повелѣлЪ чаши наполнити виномЪ, чрезЪ десять и единое лѣто домостроительницею соблюденное, и принести божественной Палладѣ моленїе,

ленїе, вкусили колико кто желалъ. Посемъ отходятъ всѣ почивати.

Когда же явилася багряновидная утренняя заря; Несторъ возставъ отъ одра, облекшися въ одежды и изшедъ изъ дому, сѣлъ при вратахъ на камняхъ, имѣя въ рукѣ скипетръ. Собралися предъ него и всѣ сыны его: Ехевронъ, Стратїй, Персей, Аритъ, Ѳрасимидъ и Пизистратъ пришелъ съ Тилемахомъ. Тогда богоподобный Несторъ начинаетъ тако: Возлюбленные чада! Скоро потщитеся совершить желанїе мое, къ умилостивленїю премудрыя дщери Дїевы Паллады, посѣтити наше праздненство вчерась благоизволившей: единъ отъ васъ да идетъ на село, и повелитъ привести тучную не укрощенную краву; другїй да идетъ къ кораблю Тилемахову, и приведетъ сѣмо всѣхъ его сопутниковъ, оставя токмо двоихъ для стражи; третїй да повелитъ прїй-

ти златарю Лаэркею: прочїе пусть пребудутъ здѣсь наблюдая, да уготовятъ намъ рабыни обильное и великолѣпное пиршество.

Тако рекъ: и абїе исполнено было повелѣнїе царя, кой пришедшему златарю вручилъ для позлащенїя роговъ злато. Исполнившуся позлащенїю, повели краву Стратїй и Эхевронъ; воду для омовенїя рукъ и муку несъ Аритъ; сѣкиру для убїенїя кравы держалъ Ѳрасимидъ, а Персей имѣлъ чашу для прїятїя текущїя крови. Божественный царь Несторъ, взявъ муку и воду, принесъ моленїе Палладѣ, и отрѣзавъ нѣсколько власовъ отъ главы кравїей, во огнь ввергнулъ. Скоро посемъ Ѳрасимидъ приближився, возноситъ сѣкиру, ударяетъ краву во выю, по пресѣченїи ей жилъ на землю упадшую. Дщери же, супружница Нестора Евридика, младшая дщерь Клименова, и жены сыновъ его воз-

воздвигли рыданіе. Пизистратъ приступивши, заклалъ оную совершенно; и по истеченіи крови, раздѣлили на части. Бедры окропивъ тукомъ, предназначилъ въ жертву богинѣ; а прочія части уготовали на пиршество. По сожженіи жертвенныхъ частей, дщерь Несторова Поликаста пришедъ, омыла Тилемаха, и все тѣло умастивъ елеемъ, облекла его въ чистую и свѣтлую ризу. Младый ирой по умовеніи сѣлъ близь царя Нестора, сіяя удивительною красотою. Когда всѣ пищею и питіемъ насытилися; тогда сѣдиною украшенный ирой рекъ: возлюбленные чада! Скоро Тилемаху уготовьте коней и колесницу, да совершитъ желаемое свое путешествіе.

Тако ему рекшу; и абіе исполнено было его повелѣніе. Домостроительница уготовила имъ на путь сладкія яствы, и наполнила мѣхъ виномъ. Тилемахъ съ

Пизистратомъ вшедъ на колесницу, мгновенно оставляютъ градъ; и весь оный день въ пути препроводили. Зашедшу солнцу, достигаютъ они града Фирама, и становятся въ дому Дїоклея, сына Орсилохова, угостившаго ихъ и предложившаго дары: по вечери же чрезъ всю нощь сладкимъ сномъ наслаждалися. По восходѣ денницы, паки емлются пути, и чрезъ весь день на быстрыхъ коняхъ оный совершали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Делта.

Наконецъ достигнувъ пространна и великолѣпна града Лакедемона, шествуютъ прямо къ чертогамъ славнаго царя Менелая, кой

тогда

тогда творилЪ пиршество градскимЪ старшинамЪ, торжествуя браки сыновнїй и дщери, кою при облежанїи еще Трои обручилЪ сыну бранноноснаго Ахилла; [ибо бракЪ сей самымЪ богамЪ бысть благоугоденЪ]. Она во градЪ МирмидонЪ провождена была на коняхЪ и колесницахЪ. За сына же своего мужественнаго Мегапенѳа, отЪ рабыни вЪ старости прижитаго, поялЪ дщерь жителя Спартанска Алектора; ибо Елена родивЪ ему едину дщерь Эрмїону, благолѣпную яко Афродиту, пребыла уже неплодна. Тако ужики и граждане царевы, по всѣмЪ пространнымЪ чертогамЪ пиршествовали. Между ими искусный пѣвецЪ, ударяя вЪ гусли, воспѣвалЪ пѣсни, и два плясца посредѣ плясали. ---- ТилемахЪ и славный НесторовЪ сынЪ, приближився ко вратамЪ дому царева, низшли сЪ колесницы. Этеоней, рабЪ МенелаевЪ,

 узрѣвЪ

узрѣвъ ихъ, неукосненно идетъ къ нему съ извѣщенїемъ, и представъ предъ очи его, тако вѣщаетъ: Великїй царю! Пришли сѣмо два юноши, кои мнятся быти отъ роду великаго Дїя; рцы убо, отрѣшимъ ли кони отъ колесницъ ихъ? Или да идутъ къ страннопрїемцамъ?

Кроткїй Менелай, тяжко воздохнувъ, тако отвѣщалъ: Этеоней! толико легкомысленъ никогда ты не бывалъ. Днесь же яко отрокъ отроческая глаголешь. Мы въ путешествїи сами многими были страннопрїемлемы, и цѣлы во свою отчизну возвратил , [да и впредь спасетъ Богъ отъ всякїя напасти]. И такъ иди и отрѣши кони странниковъ отъ колесницъ ихъ; самихъ же ихъ введи сѣмо, да намъ соликовствуютъ.

Этеоней по глаголу цареву спѣшно течетъ, и созываетъ прочихъ рабовъ, да слѣдуютъ ему. По-

Потомъ отрѣшаютъ отъ ига утружденныхъ коней, и привязавъ ихъ къ яслямъ, предлагаютъ предъ нихъ жито и овесъ; путешественниковъ же вводятъ въ чертоги царевы, куда вшедъ они, объяты были безмѣрнымъ удивленїемъ; зане злато повсюду аки солнечный свѣтъ блистало. Насытивъ очи зрѣнїемъ, приходятъ ко умывальницамъ, гдѣ рабыни омывъ ноги, и умастивъ главы елеемъ, облекли ихъ въ свѣтлыя одежды, изъ руна истканныя. Послѣ въ сопровожденїи единой изъ рабынь, несшей въ златомъ сосудѣ воду, представъ предъ царя Менедая, сѣли близъ его на сѣдалищахъ. Предъ ними представлены были многїя яствы, различныя мяса и съ виномъ сосуды. Царь Менелай, подавъ десницу, тако привѣтствовалъ: Вкушайте съ веселїемъ: послѣ, какъ насытитеся, повѣдайте намъ, отъ коея страны есте?

Мню

Мню бо васъ быти отъ роду не простаго.

Сіе рекши, предлагаетъ предъ нихъ тучныя части мясъ. Тилемахъ, насытився питіемъ и пищею, преклонивъ главу къ Пизистрату, тако на ухо вѣщаетъ: Любезный Пизистратъ! ВижДь исходящее по всѣмъ чертогамъ сіяніе злата, сребра, мѣди, янтаря и слоновой кости. Великолѣпіе сіе, на кое я взирая восхищаюся, подобится обиталищу Олимпійскаго Зевеса. Царь, уразумѣвъ имъ говоренное, и обратясь къ нимъ, тако начинаетъ: Возлюбленные чада! Кто изъ человѣкъ можетъ уподобиться Дію! Чертоги бо его и украшенія состоятъ изъ вещества нетлѣннаго. Что до земнородныхъ, не многіе со мною могутъ сравниться въ великолѣпіи. Многая поистиннѣ въ странствованіи моемъ пострадалъ я злая, и не прежде въ домъ возвратился,

какъ

какъ по седми лѣтѣхъ. Я былъ на островѣ Кипрѣ, въ Финикіи, у Египтянъ, Еѳіоплянъ, Сидонянъ, Эремвитянъ и въ Ливіи, гдѣ суть агницы совсѣмъ отъ прочихъ отмѣнныя породы; троекратно бо въ году плодятся; сего ради ни домовладыка, ниже пастырь не имѣютъ недостатка ни въ сырѣ, ни въ мясахъ, ниже во млекѣ. Тѣмъ временемъ, какъ заблуждалъ я по симъ странамъ, братъ мой коварствомъ своей жены испилъ смертную чашу. Оттолѣ ничто меня не услаждаетъ. Слышали вы, мню, отъ отцевъ вашихъ во время моего странствованія о расхищеніи стяжанія моего. Лучше бы мнѣ при третіей части оныхъ остатися; токмо бы здравы были мужи, при облежаніи Трои падшіе. Ибо я, оплакивая ихъ жребій, не исхожду изъ чертоговъ. Скорбь, то утѣшаетъ меня, то успокоеваетъ; кратка бо сладость

оныя.

оныя. Но ни о комъ толико не болѣзную, колико объ Одиссеѣ, изъ всѣхъ Ахеяхъ величайшіе труды за меня подъявшемъ, который доселѣ странствуетъ; и несвѣдомо, живъ или мертвъ. Оплакиваютъ его престарѣлый Лаэртъ, благомудрая Пинелопа и Тилемахъ, младенцемъ оставленный.

Тилемахъ, услышавъ о имени отца своего, пролилъ токи слезъ, отирая ихъ багряницею. Менелай, узрѣвъ сіе, мыслилъ вопросить о причинѣ плача. Тѣмъ временемъ входитъ прекрасная Елена. Мгновенно Адраста постановила ей сѣдалище; Алкиппа несла за нею драгоцѣнные ковры; Филона же златую пряслицу, на коей руно было ѳіолетоваго цвѣта, и сребряную крабушку, подаренныя Алкандрою, женою Поливія, Ѳивовъ Эгиптіаческихъ жителя, кой Менелаю въ даръ далъ двѣ сребреныя умывальницы, два треножника и десять

та-

таланшовъ злата. Царица, сѣдъ за пряслицу и подставивъ подножїе, тако ко своему супругу начинаетъ глаголати: Царю! Отъ какїя страны сїи пришельцы, въ дому нашемъ витающїе? Не вѣдаю, истинно или нѣтъ сердца моего чувствованїе; токмо его открою: никогда бо видѣла подобныхъ симъ юношамъ мужей или женъ. Паче же удивляетъ меня то, что въ единомъ изъ нихъ познаю Тилемаха, сына великодушнаго Одиссея, бывшаго вкупѣ съ вами на брани Троянской, и въ пеленахъ его оставившаго.

На что тако въ отвѣтъ ей рекъ Менелай: Возлюбленная супруга! и я мню тоже самое; ибо юноша сей, очи, образъ и власы имѣетъ Одиссеевы. Что сїе истинно есть, утверждаетъ меня паче то, что онъ при напоминовенїи моемъ о Одиссеѣ, пролилъ

токи

токи слезъ, отирая ихъ своею ризою.

Здѣсь пресѣкъ рѣчь его Пизистратъ, сынъ Несторовъ, и сице возглаголалъ: Великоименитый Царю! Воистинну онъ есть сынъ Одиссеевъ: но таитъ о себѣ; скроменъ бо зѣло. Пришедъ сѣмо, не хотѣлъ предъ тобою, коего гласомъ яко божественнымъ мы утѣшаемся, тщетные вѣщати глаголы. Несторъ далъ ему меня въ сопутника; возжелалъ бо тебя видѣти, да облегчишь или самымъ дѣломъ, или совѣтами скорбь его, въ кою ввергаетъ отсутствіе родившаго его; нѣсть бо ему утѣшающаго. Въ такомъ состояніи днесь Тилемахъ обрѣтается.

Кроткій Менелай тако отвѣщалъ: Безсмертные боги! И такъ въ дому моемъ витаетъ сынъ дружелюбнѣйшаго мнѣ мужа, многія болѣзни за меня подъявшаго! Громомещущій Дій! благоволи, да

узрю

узрю его самаго нѣкогда. Я въ честь ему воздвигнулъ бы въ Аргѣ градъ и зданія, и со всемъ родомъ и людьми призвалъ бы его во оный: тогда бы вящшую возъимѣли мы между собою любовь, кою разорвать развѣ бы сильна была смерть едина. Но сего, мню, Богъ не хощетъ.

Тако вѣщая, возбудилъ во всѣхъ рыданіе. Плакала Елена, плакалъ Тилемахъ, плакалъ самъ Менелай. Не могъ воздержатися отъ слезъ и сынъ Несторовъ, воспомянувъ о неповинномъ Антилохѣ, убіенномъ отъ сына златозарныя денницы, и тако началъ вѣщати къ царю: Царю Менелай! Когда ни случалося намъ разглагольствовать о тебѣ; Несторъ всегда прославлялъ паче прочихъ земнородныхъ мудрость твою. И тако днесь послушай меня: престани сѣтовать; непристойно бо сіе творити во время вечери: вско-

рѣ явится паки златозарная денница. ---- Всякое бѣдство долженствуетъ быти сносимо; ибо всякъ есть смертенъ, и всякъ подверженъ сему жребїю; хотя стрищи власы и точити изъ очей слезы и есть долгъ бѣднаго человѣчества. Вѣдаешь ты, что братъ мой, превозшедшей всѣхъ быстротою въ ристанїи, и искуствомъ во брани, также испилъ смертную чашу; но я не скорбѣлъ и не печалился.

Менелай тако ему рекъ: Возлюбленный другъ! Все тобою реченное прилично есть стару и благомудру мужу; и колико разумно глаголешь, толико благороднаго родителя имѣешь. Воистинну ты еси сынъ достойный родившаго тебя, коему бысть свыше благоизволенїе препровести дни старости въ дому своемъ и веселитися мудростїю и доблестїю сыновъ своихъ. Престанемъ отселѣ скорбѣти; начнемъ омывъ

руки

руки вечеряти; заутра же поглаголемъ съ Тилемахомъ искреннѣе.

Преставшу ему глаголати; абїе Асфалїонъ подалъ воду для умовенїя рукъ: по томъ всѣ вкупѣ начали вкушати. Тогда Еленѣ благоугодно было вложити въ вино нѣкое зѣлїе, кое прїятно будучи въономъ, творитъ забвенїе печали, и гнѣвъ утоляетъ, яко ни едина слеза изъ очей не изпадетъ, хотя бы отецъ или матерь умерли; или бы брата или возлюбленное чадо предалъ кто смерти. Такое растенїе хранила у себя царица, кое подарено было ей Полидамною, женою Ѳона Египтянина, гдѣ земля производитъ многїе какъ вредоносные, такъ и спасительные злаки, открытые Аполлономъ, паче всѣхъ смертныхъ искусствомъ врачевать превозшедшимъ.

Когда уготовали оное смѣшенїе, Елена тако рекла: Царю Ме-

 не-

нелае, и вы сыны храбрыхъ мужей! Почасту великій Дій злое въ доброе, и доброе во злое премѣняетъ; вся бо можетъ. Днесь убо пиршествуйте, взаимною бесѣдою утѣшаяся. Почредѣ и я рещи намѣрена все, [хотя то будетъ паче силъ моихъ], что ни учинилъ достопамятнаго Одиссей несчастный; и како онъ оболстилъ народъ Троянскій, когда бѣдствовали Ахеане, за жестокосердіе наказуемые.---- Онъ облекшися въ раздранное рубище въ подобіи раба вшелъ для соглядатайства во градъ Трою, гдѣ никто его не позналъ, кромѣ меня единой. Я о немъ вопросила; но онъ притворно отрекся, и не прежде открылъ свое намѣреніе, доколѣ я, умывъ его, умастивъ главу елеемъ, и облекши во одежду, не клялася, что не повѣдаю о немъ Троянамъ. Послѣ сего посредствомъ своей хитрости предавъ смерти многихъ жителей

телей града, къ Ахеанамъ возвратился. Тогда всѣ жены Троянскія рыдая, вопіяли: едина я внутренно веселилася; желала бо возвратитися во свою отчизну, оплакивая свое заблужденіе, воспоминая о дщерѣ, о супругѣ, и укоряя себя за безуміе.

Менелай, пресѣкши рѣчь ея, тако начинаетъ вѣщати: Все сіе праведно рекла, возлюбленная жено! Во многихъ странахъ бывалъ я, видѣлъ мужей и браноносныхъ и мудрыхъ; но ни гдѣ не обрѣлъ подобнаго несчастному Одиссею. Коль много сей ирой учинилъ тогда мудраго, когда князи Ахейскіе засѣдъ въ коня, [въ числѣ коихъ и я обрѣтался], уготовлялися нанести конечные удары Троѣ. Ты наконецъ туда пришла съ Дїифовомъ; и я мню, самъ Богъ вложилъ тебѣ сіе въ сердце; троекратно осмотрѣвъ тайный входъ въ коня, нарицала

по имянамъ всѣхъ ироевъ Ахейскихъ. Я, Дїомидъ и разумный Одиссей, сѣдя внутрь онаго, слышали твои вѣщанїя, и мы оба готовы были съ устремленїемъ или изыти изъ него, или отвѣщати тебѣ; но мудрый Одиссей намъ возбранилъ. Всѣ прочїе юноши Ахейскїе молчали. Единъ токмо Антиклъ хотѣлъ отвѣщати тебѣ; но Одиссей и ему заградивъ уста, спасъ чрезъ то всѣхъ Ахеянъ. Дотолѣ пребывали мы въ семъ состоянїи, доколѣ не пришла ты обратно.

Когда царь Менелай престалъ глаголати, Тилемахъ тако къ нему рекъ: Храбрѣйшїй Менелай! Адамонтово сердце его ни чѣмъ бо сокрушенно быти можетъ. Но повели намъ ложе уготовати; зане сонъ зоветъ во свои объятїя.

Изрекшу сїе Тилемаху, Елена абїе повелѣла немедленно рабынямъ на переходахъ постлати постели, по-

положити покрывала, ковры и срачицы. Рабыни съ возженнымъ свѣточемъ спѣшно текутъ исполнити повелѣнное царицею. Одры уготованы. Тилемахъ и сынъ Несторовъ провождены туда почити. Самъ же Менелай съ Еленою легъ въ верхнихъ чертогахъ дома.

Когда златозарная денница явилася; царь воставъ отъ одра, облекшися во одежды, повѣсивъ на рамо обоюду острый мечь, надѣвъ сапоги, и пришедъ къ Тилемаху, тако начинаетъ: Возлюбленный Тилемахъ! Кая нужда побудила тебя чрезъ толь далекій путь пріити сѣмо? Народная ли, или своя собственная? Повѣждь мнѣ истинну.

Тогда Тилемахъ отвѣщалъ: Царю Менелай! Пришелъ я сѣмо, да увѣдаю о отцѣ моемъ; въ дому нашемъ происходятъ многія неустройства. Онъ исполненъ есть враждебными мнѣ людьми, кои

ища въ супружество матери моея, закалаютъ овецъ, и растощаютъ своевольно отеческая стяжанія. И тако молю тя, повѣдай мнѣ о кончинѣ его, ежели ты оную видѣлъ, или слышалъ отъ кого-либо; злосчастенъ бо есть отъ рожденія матерняго. Возвѣсти истинну о всѣхъ дѣяніяхъ и глаголахъ учиненныхъ при облежаніи Трои отцемъ моимъ, гдѣ Ахеяне подъяли толикіе труды и напасти; и ничего не утай.

Тогда тяжко воздохнувъ Менелай, начинаетъ глаголати: Увы! како безсильные юноши дерзаютъ почити на ложѣ толь сильнаго и крѣпкаго мужа? Аки младая лань съ еленемъ возхитивъ дѣтей сильнаго льва, усыпляетъ ихъ на холмѣ въ густой дебри; сами же пасутся во злачной юдоли: но сей пришедъ, и невидя исчадія своего, протекаетъ всюду; по семъ обрѣтши еленя съ ланію, и обоихъ раз-

разтерзавЪ пожираетЪ: тако Одиссей возвратився, содѢлаетЪ горькую женихамЪ пагубу. Отче Дій, Паллада и АполлонЪ! О когда бы таковЪ нынѢ возвратився Одиссей, предЪ гордыми женихами явился, каковЪ былЪ вЪ ЛесвѢ, когда сражался сЪ сыномЪ Филомила, коего сокрушивЪ, низвергЪ мужественно. Тогда всѢ ..хеане возрадовалися. Всеконечно бы они узрѢли днесь вскорѢ конецЪ горестнаго своего брака. О чемЪ же меня вопрошаешь, и жаждешь увѢдати, возвѢщу тебѢ истинну, еже открылЪ мнѢ о немЪ нѢкій старецЪ, любящій истинну: БезсмертнымЪ, зане не принесЪ я имЪ должныя жертвы, угодно было меня преплавающаго вЪ домЪ сЪ пути совратити во ЕгипетЪ, не доѢзжая коего есть нѢкій островЪ ФарЪ зовомый, до коего на кораблѢ споспѢшестуемомЪ вѢтрами сЪ разпущенными вѢтрилами потре-

бенъ день плаванія. Тамо обрѣтается самое пространное пристанище, гдѣ запасшися водою, паки вдаются морю; тамо ради противныхъ вѣтровъ пребылъ я двадесять дней. Когда бы не призрѣла на меня и не спасла нѣкая богиня Идоѳея, дщерь Протеева, надо мною сжалившаяся; сугубое постигло бы меня злосчастіе. Заблуждающіе бо питаются на семъ островѣ ловленіемъ рыбы. Вельми несмысленъ еси, страннпче, тако рекла оная богиня ко мнѣ приближився, что, или по отчаянію или доброволно доселѣ здѣсь пребываешь и печалію утѣшаешься. Ежели еще нѣколико дней здѣсь премедлишь, навсегда злосчастенъ останешися; ибо сопутники твои начинаютъ сердцемъ смущаться. Я ей отвѣщалъ: истинну тебѣ реку; мню бо тя изъ богинь нѣкую быти: не произвольно здѣсь пребываю; но вижду, что

какій

какїй нибудь богЪ гнѣваяся на меня, возбраняетЪ возвратиться во отечество. Странниче! глаголала она мнѣ, я тебѣ повѣдаю истинну: вЪ сей странѣ есть нѣкїй богЪ моря Протей, вѣдающїй всѣ глубины водныя и Нептуну служащїй, кой, какЪ повѣствуютЪ, отецЪ мнѣ есть: когда ты его какимЪ либо ухищренїемЪ имеши; повѣдаетЪ тебѣ все подробно о пути твоемЪ, о далекости онаго, о твоемЪ возвращенїи, паче же о дѣющемся вЪ дому твоемЪ. -- Но како, рекЪ я, возмогу сїе учинити; боги бо прозорливѣйшїе суть земнородныхЪ? -- Сице, отвѣщала мнѣ богиня: когда солнце достигнетЪ средины дня, тогда Протей при вѣянїи зефира, изшедЪ ляжетЪ на брегѣ посредѣ морскихЪ животныхЪ, постайно спящихЪ, и изпускающихЪ нестерпимое отЪ себя зловонїе: ты же избравЪ троихЪ вѣрнѣйшихЪ тебѣ мужей, приходи

ди сѣмо: я васъ положу вкупѣ съ оными чудовищами, посредѣ коихъ Протей аки пастырь посредѣ агнцевъ покоится. Когда узрите его уснувша, тогда потребна ваша смѣлость и сила, и нападъ на него, держите крѣпко дотолѣ, дондеже не узрите его подобна спящему; зане къ освобожденїю своему преображаться будетъ въ разныя подобїя, какъ то въ землю, въ животныхъ, въ воду и огнь: тогда разрѣшивъ его, вопроси, кто изъ безсмертныхъ на тебя гнѣвается, и что предопредѣлено о твоемъ возвращенїи. Тако рекши, отъ очей моихъ сокрылася. Тогда пошелъ я спѣшно къ кораблямъ своимъ, и тамъ сотворивъ всѣ вкупѣ вечерю, опочили.

Когда утренняя заря показалась; тогда я избравъ троихъ вѣрнѣйшихъ мнѣ друговъ, и призвавъ боговъ въ помощь, пошелъ въ назначенное богинею мѣсто,

тамо

тамо уже насъ ожидавшею и имѣвшею четыре кожи, кои она сняла нощїю съ оныхъ животныхъ, кои были еще сырыя, и изъ коихъ по одной на каждаго надѣвши, положила всѣхъ вкупѣ. Но отъ нихъ толико смрадное исходило зловонїе, что едва ли бы возмогли мы исполнити свое ухищренїе, когда бы богиня для отраженїя онаго не предложила предъ обонянїя наши Амвросїи. Цѣлое утро прошло въ ожиданїи часа, когда надлежало явиться морскимъ чудовищамъ. Наконецъ изшедъ оныя, легли попарно. Вскорѣ послѣ ихъ явился и самъ Протей, и осмотрѣвъ всѣхъ, наряду съ коими и мы были, легъ и успокоился, ничего не вѣдая о нашемъ ковѣ. Мы познавъ его спяща, сотворили по наученїю богинину. Тогда онъ, яко речено намъ было, началъ преображатися въ разные виды, и во первыхъ въ страшнаго льва, въ

дракона, въ рысь, въ гады, въ воду и наконецъ въ высокое древо. Но мы дотолѣ неослабно его держали, дондеже не вопросилъ меня тако: Сыне Атреевъ! Кто изъ боговъ наставилъ тебя тако со мною сотворити? Чье бысть содѣйствіе? Я ему отвѣщалъ: старче! вѣмъ, что вопрошаеши меня о семъ лукавно. Знаешь, колико долговременно на семъ островѣ мое пребыванїе, да и не вѣдаю, како отсюду изыду; вельми бо о семъ сердце мое болитъ; сего ради молю тя, рцы мнѣ днесь, кто изъ боговъ озлобленъ есть противу меня, и возбраняетъ возвратиться во отчизну? Отвѣщалъ онъ мнѣ: Дїй и прочїе боги не благоизволятъ сему быти, и не прежде въ домъ свой возвратишься, доколѣ въ Египтѣ не принесешь имъ сточисленныя жертвы. Тогда пошлются тебѣ благопоспѣшные вѣтры, и прибудешь счастливо въ страну

свою.

свою. При сихъ его словахъ весь духъ мой возмутился; не желалъ бо паки вдатися толь далекому и многотрудному плаванїю. Потомъ рекъ ему: все сїе, еже повелѣваеши, сотворю: но возвѣсти мнѣ истинну: всѣ ли полководцы Ахейскїе, бывшїе на брани Троянской, коихъ мы оставили съ Несторомъ, возвратилися во свои отчизны? Или нѣкїе изъ нихъ погибли? Онъ отвѣщалъ: сыне Атреевъ! Почто о семъ вопрошаеши меня? Не довлѣетъ бо тебѣ сїе вѣдати, ниже испытовати: да и не мню, чтобы ты не прослезился, когда подробно все тебѣ повѣдаю: Многїе изъ нихъ наказаны, а многїе спаслися. Двое и доднесь еще странствуютъ; ты единъ еси изъ тѣхъ. Аяксъ со флотомъ своимъ претерпѣлъ отъ Нептуна многїя искушенїя, то по безднамъ морскимъ носяся, то кораблями о камни ударяяся. Воистинну избѣгнулъ бы онъ отъ смерти,

ти, какъ ни былъ Палладою ненавидимъ, когда бы не изрекъ нѣкоего нечестиваго слова, и тѣмъ вящше боговъ не прогнѣвалъ, похвалився, что местъ не возбранитъ ему спастися отъ наглости водъ морскихъ. Тогда богъ морей, не стерпя его мечтаній, пріемлетъ во гнѣвѣ трезубецъ, и сильною рукою ударивъ о камень, сокрушилъ оный, коего часть едина осталась на своемъ мѣстѣ, а другая, на коей сидѣлъ Аяксъ, погрязла вкупѣ съ нимъ въ безднѣ моря. Такимъ образомъ погибъ сей вождь. Братъ твой такожде безъ особливаго покровительства великія Ириды едва ли бы спасся отъ погибели; онъ уже достигъ Малейскія горы, какъ внезапно стремленіемъ вѣтровъ отнесенъ былъ къ самому Аргу, гдѣ по Ѳіестѣ державствовалъ сынъ его Эгисѳъ. Но какъ и тамо никакого зла ему не приключилося; то въ

воз-

возблагодаренїе богамъ, что благоволили безвредно возвратитися во отечество, пролилъ радостныя слезы. Уже корабль присталъ ко брегу. Стражъ поставленный коварнымъ Эгисѳомъ стрещи его, коему за сїе далъ онъ два таланта злата, и который чрезъ цѣлый годъ стерегъ, узрѣвъ съ высокїя башни корабль, спѣшно течетъ съ возвѣщенїемъ къ царю, кой коварствуя на брата твоего, избираетъ отъ людей двадесять отважнѣйшихъ мужей, повелѣваетъ уготовати пиршество, самъ же на коняхъ и колесницахъ изходитъ къ царю Агамемнону во срѣтенїе, злое въ сердцѣ на него соумышляя, и во время пированїя, яко вола при яслѣхъ, невинно закалаетъ, и всѣхъ его сопутниковъ погубляетъ.

Когда окончалъ повѣствованїе старецъ, я весь смутился духомъ, и сѣдя на пескѣ плакалъ, жить

болѣе и взирать на солнце не желая. Когда же насытился я плачемъ; онъ паки мнѣ рекъ: Сыне Атреевъ! Престани сѣтовати; помышляй паче о твоемъ въ отчизну возвращенiи; ежели не предвариши своей погибели, то Орестъ на вечери убiетъ тебя. Когда онъ рекъ сiе; я ободрившися духомъ, вѣщалъ ему: Вѣдаю я то; но повѣждь мнѣ, кто есть мужъ третiй, кой странствуетъ; желаю бо о немъ извѣститися, хотя и печаленъ есмь? Онъ мнѣ отвѣщалъ: Одиссей сынъ Лаэртовъ, коего я видѣлъ снѣдаема печалiю, обитающаго въ домѣ богини Калипсы, которая по нехотѣнiю его держитъ во своемъ островѣ, зане ни корабля, ни сопутниковъ онъ не имѣетъ, и лишенъ есть всякiя надежды къ возвращенiю когда-либо въ отчизну. Ты же, знаменитый Менелай! не узриши въ Аргѣ смерти, но преселенъ будешь въ Елисейскiя поля,

въ

вЪ мѣсто веселія, гдѣ и Рамадантъ пребываетъ, гдѣ нѣтъ ни дождей, ни снѣга, ни стужи, но къ прохлажденію жителей дуютъ всегда благорастворенные зефиры; зане имѣешь женою Елену и зять еси Дію.

Сїе рекши сокрылся мгновенно вЪ море. Я же вЪ крайнемЪ смущеніи духа сЪ другами своими возвратился кЪ кораблямЪ, гдѣ сотворивЪ по обыкновенію вечерю, опочили на брегу моря.

Когда денница на златозарной колесницѣ явилася; тогда мы, воспрянувЪ отЪ сна, низведЪ корабли на море, поднявЪ щеглы и разпустивЪ вѣтрила, ялися плаванію. По прибытіи во ЕгипетЪ, принесЪ я богамЪ сточисленныя жертвы, и тако ихЪ умилостививЪ, потомЪ воздвигнувЪ Агамемнону подобающую его достоинству гробницу, возвратился безпрепятственно вЪ отеческую землю; зане без-

 смерт-

смертные благопоспѣшный вѣтръ послали.

И тако я хощу, да пребудешь ты въ дому моемъ отселѣ дванадесять дней; послѣ чего давъ тебѣ въ даръ трехъ коней съ богатоубранною колесницею, и для приношенія богамъ жертвенныхъ драгоцѣнный сосудъ, да воспоминаеши о мнѣ во всѣ дни живота своего, отпущу тебя съ миромъ.

Тилемахъ рекъ тако: Великоименитый царю! Не удерживай меня толико дней. Когда бы не желалъ я возвратитися въ домъ и узрѣти отца, радъ былъ бы у тебя чрезъ цѣлый годъ пребыти; вельми бо утѣшаютъ сердце мое твои бесѣды; да и сопутники мятутся, мню, въ Пилѣ мыслію. Что же до даровъ твоихъ; то даждь мнѣ что либо такое, что сокрыти, или носити возможно. Коней же не пріемлю; но оставляю здѣсь, гдѣ жита и ячменю во избыткѣ; зане

Иѳа-

Иѳака, ради неплодородія своего, не способна содержати оныхъ, кромѣ сернъ единыхъ.

Тилемаху тако рекшу, Менелай осклабився, и прiявъ его за десницу, тако вѣщалъ: Возлюбленное чадо! Отъ благороднаго отца рожденъ еси, благородная и глаголеши. Я премѣню тебѣ дары; возможно бо есть сiе, и дамъ тебѣ изъ дому моего драгоцѣннѣйшее: чуднаго художества сребряную чашу, и позлащенныя умывальницы творенiя Вулканова, кои подарилъ мнѣ Федимъ царь Сидонскiй, когда я въ дому его виталъ.

Тѣмъ временемъ, какъ они тако разглагольствовали; граждане собиралися къ царю на пиршество, ведя съ собою овецъ и нося вино; жены же ихъ хлѣбы. Такимъ образомъ въ дому Менелая обѣдъ уготовляли.

Между тѣмъ женихи въ дому Одиссеевѣ различными забавами нагло увеселялися. Антиной и Эвримахъ, силою паче всѣхъ превосходившїе, были изъ нихъ начальнѣйшими, изъ коихъ предъ перваго представъ нѣкогда Ноимонъ, сынъ Фроновъ, тако рекъ: Антиной! Свѣдомъ ли ты, когда Тилемахъ паки прибудетъ изъ Пила? Взялъ бо мой корабль, въ коемъ мнѣ нужда нынѣ настоитъ для отвезенїя въ Илиду дванадесяти кобылицъ ко укрощенїю муловъ, въ ярмо предназначенныхъ. Симъ вѣщанїемъ привелъ онъ всѣхъ въ удивленїе; ибо не мнили Тилемаха быти въ Пилѣ, но съ пастырями, или овцами гдѣ-либо на полѣ обращатися.

Антиной тако рекъ ему: Повѣдай мнѣ истинну, когда Тилемахъ отсюду удалился? Кто съ нимъ изъ юношей сопутствуютъ? Отъ здѣшняго ли града, или наемники и плѣн-

плѣнные? Силою ли отъялъ у тебя корабль, или ты далъ ему добровольно?

Ноимонъ отвѣщалъ: Корабль далъ ему я добровольно; да и кто бы отказати могъ, когда онъ просилъ онаго? Послѣдовали же за нимъ многїе отъ здѣшняго града знаменитые юноши подъ предводительствомъ Ментора, или паче бога; зане Ментора я вчерась здѣсь видѣлъ; и сїе вельми удивляетъ меня. Тако рекши, возвратился въ домъ отца своего.

Тогда женихи, преставъ о преимуществѣ прѣтися, собиралися всѣ вкупѣ. Антиной же съ видомъ печали во гнѣвѣ, кой въ сердцѣ чувствовалъ, начинаетъ тако вѣщати: Праведные боги! Воистинну Тилемахъ учинилъ тяжкое преступленїе. Како сей отрокъ дерзнулъ насъ не послушати, и со избранными юношами удалитися? Ожидати надлежитъ отъ него

зла вящшаго: но сїе да отвратитъ всесильный Дїй. Устройте убо мнѣ днесь корабль и двадесять сопутниковъ, да иду и погублю его, въ отечественную землю возвращающагося, на брегѣ Иѳаки, или Сама.

Всѣ единогласно похвалили его намѣренїе. Потомъ возставъ отъ мѣстъ своихъ, пошли въ домъ Одиссеевъ.

Пинелопа вскорѣ увѣдала о зломъ жениховъ совѣщанїи. Возвѣстилъ же ей о томъ провозвѣстникъ Медонтъ, бывшей внѣ храмины, въ коей женихи ковъ сплетали, слышавшей ихъ совѣты, и спѣшно предъ царицу притекшей со извѣщенїемъ объ оныхъ. Она же сими словами его срѣтила: Медонтъ! Почто пришелъ сѣмо? Или рещи повелѣнное отъ жениховъ, да престанутъ рабыни отъ дѣлъ своихъ и уготовaютъ пиршественная? Да не явяются сего дня они сѣмо. Доколѣ

творить будете насильствіе дому цареву, и вредить Тилемаху? Сказывали, мню, вамЪ вЪ юности отцы ваши, колико знаменитЪ Одиссей между ими почитался. Ни кому бо ни какого зла не сотворилЪ. Се есть качество великаго мужа! Но ваши сердца и нечестивыя дѣла показуютЪ васЪ быти кЪ его благодѣяніямЪ не чувствительныхЪ.

МедонтЪ по вдохновенію самыя премудрости тако отвѣщалЪ: Великоименитая царица! Зло сіе не толико важно вЪ разсужденіи замышляемаго женихами; но да отвратитЪ оное всесильный Дій! Они совѣщалися умертвити возвращающагося Тилемаха, отбывшаго вЪ ПилЪ и Спарту, да увѣдаетЪ о отцѣ своемЪ.

Царица отЪ сего возвѣщенія содрогнулася. Сѣтуя и пребывЪ чрезЪ нѣкое время безгласна; потомЪ прерывающимся и томнымЪ

гласомъ тако начинаетъ вѣщати: Почто сынъ мой отсюду удалился? И кая нужда побудила его вдатися морю? Или да и его память погибнетъ?

Не вѣмъ, отвѣщалъ ей провозгласникъ, Богъ ли какїй вдохнулъ въ него, или душа его возжелала отъити въ Пилъ, да увѣдаетъ о возвращенїи отца своего, или извѣстится, какою смертїю онъ скончался.

Тако рекши, оставляетъ царицу, коя не возмогши отъ сердечной туги сѣдѣти на сѣдалищѣ, пришла на прагъ чертожный, и горько рыдала. Плакали окрестъ ея и рабыни какъ юныя, такъ и престарѣлыя, къ коимъ она во слезахъ тако вѣщала: Внемлите, другини! Боги паче мѣры и паче прочихъ сверстницъ меня наказуютъ. Они отъяли у меня великодушнаго, добродѣтельнаго и паче всѣхъ Ахеянъ прославившагося супру-

супруга: днесь лишили и возлюбленнаго сына, о отбытіи коего я даже не вѣдала. Увы! злосчастныя, когда вы знали о семъ, по что меня ни едина отъ сна не возбудила? Я отъ таковаго предначинанія или бы отвратила его, или бы паче умерла при его очахъ. Призовите ко мнѣ невольника Долія, вертоградъ мой стрегущаго, да возвѣститъ онъ о семъ Лаэрту, кой, мню, возможетъ объявити въ народѣ о намѣреніи хотящихъ убити исчадіе прославившагося храбростію Одиссея.

Престарѣлая Евриклея отвѣщала ей тако: Госпоже! Хотя повелишь меня предать смерти, хотя оставишь живу, ничего отъ тебя не утаю. Я о отшествіи Тилемаха была свѣдома, и дала ему на путь вина и хлѣба; но онъ принудилъ меня клятися, дабы не прежде дванадесяти дней тебѣ возвѣстити, да не изнеможеши отъ пе-

печали. Омойся убо, и облекшися во свѣтлыя одежды, вниди въ вечеряльницу, и тамо помолися вкупѣ съ рабынями богинѣ Аѳинской, дщери Дïя Эгейскаго. Она его спасетъ отъ всякïя напасти; старца же не сокрушай печалïю.

Сïе рекши, умѣрила печаль и слезы царицы, коя умывся, облекшися въ свѣтлую ризу, и вшедъ въ вечеряльницу, всыпала муку въ кошницу, и тако помолилася Палладѣ: Не укротимая богиня, дщи всемощнаго Дïя! Внемли моему моленïю, и ежели когда-либо въ жертву тебѣ въ дому Одиссеевѣ принесенный волъ или агнецъ благопрïятенъ явился, не забуди сего: спаси мнѣ сына, и разсыпь навѣты въ жену меня ищущихъ.

Тако изрекши прослезилася. Богиня услышала ея моленïе. Женихи же въ предхрамïи не доумѣвали: и нѣкто изъ нихъ подстрекаемь бывъ гордостïю, тако рекъ:

Кич-

Кичливая царица, вижду, днесь готовится избрати единаго отъ насъ себѣ въ мужа, невѣдая, что сыну ея погибель устрояется. --- Но сїе речено бысть по незнанїю божескихъ предопредѣленїй. Антиной отвѣщалъ: О неблагоразумнивые! Престаньте сицевая глаголати, да некако услышавъ кто возвѣститъ ей о семъ. Совѣтъ нашъ подобаетъ совершить тайно.

По семъ избраны были двадесять знаменитыхъ мужей, съ коими Антиной пошедъ на брегъ морскїй, низвелъ корабль на морѣ, устроилъ щеглу, разположилъ гребла, поднялъ вѣтрила и сталъ въ назначенномъ мѣстѣ. Тамо уготована имъ была вечерняя трапеза; и они ожидали токмо наступленїя нощи.

Пинелопа же по вшествїи своемъ въ вечеряльницу, не вкусивъ ни пищи, ни питїя, пребывала гладна, и помышляла токмо о опасности, пред-

предстоявшей сыну, подобно боящемуся льву, окруженному ловцами, сѣти ему устроющими. Когда по многихъ и различныхъ вообраәженіяхъ сладкимъ сномъ успокоилася; тогда Аѳинская богиня, дабы облегчити печаль ея, сицевую хитрость устроила: представила ей во снѣ Ифтиму, сестру ея, да утѣшитъ сѣтующую и слезящуюся Пинелопу, коя вшедъ въ чертогъ, и ставъ подлѣ главы ея, тако рекла: Сестро! Спиши ли? Безсмертные боги возбраняютъ тебѣ сѣтовать и скорбѣти: сынъ твой здравъ возвратится, зане не повиненъ есть предъ ихъ очами. Пинелопа во снѣ ее вопросила: Сестро! Како сѣмо пришла? Обитая толь далече прежде сего не посѣщала меня. Како могу по твоему хотѣнію престати отъ сѣтованія, когда велія скорбь меня снѣдаетъ? Лишилася бо добродѣтельнѣйшаго паче всѣхъ Ахеянъ, вели-

ликодушнаго и знаменитаго супруга: лишаюся днесь и возлюбленнаго сына, кой въ юности сущїй, не могущїй понести трудовъ, и не знающїй плавати, не вѣмъ камо отшелъ на коравлѣ? О немъ днесь сокрушаюся и сѣтую, да не погибнетъ, или въ далекихъ странахъ, или на морѣ; зане многи суть враги ему, кои желая умертвити его, составляютъ навѣты.

Привидѣнїе рекло ей: Уповай, и не отчаявайся; имѣетъ бо сынъ твой мудрую сопутницу, Палладу Аѳинскую, коя сжалився на твои слезы, послала меня возвѣстити тебѣ о семъ.----- Когда ты богиня еси, и по гласу богини пришла сѣмо, вѣщала Пинелопа, повѣждь мнѣ, живъ ли онъ, или уже мертвъ, и низшелъ въ царство мертвыхъ? --- Не могу тебѣ, рекло привидѣнїе, сего открыти; не лѣть бо тщетная глаголати. Сїе сказавъ, аки вихрь изчезло.

Пи-

Пинелопа же воспрянувъ отъ сна, восхищалася толь вожделѣннымъ сонїемъ. Женихи тѣмъ временемъ соумыслившїе о погибели Тилемаха, пристали къ нѣкоему каменистому острову, между Иѳакою и Самомъ лежащему, и имѣющему съ обѣихъ странъ многїя способныя пристанища, и тамо исполнити злодѣянїе уповали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ѥлсилонъ.

Когда денница, оставивъ Тиѳона, и неся свѣтъ небеснымъ и земнороднымъ, отъ одра возстала, тогда боги собралися во едино сонмище. Богиня Аѳинская изчисливъ предъ ними всѣ напасти, странствующимъ Одиссеемъ подъятыя, тако начинаетъ вѣщати: Отецъ

боговЪ, всесильный Дїй, и вы безсмертные! Яко величавый царь присно жестокЪ и каменосердЪ есть, помышляя токмо вЪ сердцѣ своемЪ злая; тако ни единЪ изЪ гражданЪ, надЪ коими владычествовалЪ добродѣтельный Одиссей, не воспомянетЪ днесь о его кЪ нимЪ милосердїи. ОнЪ на островѣ Нимфы Калипсы, коя по любви его удерживаетЪ, терпитЪ многїя напасти; не имѣетЪ бо ко отшествїю своему вЪ отечественную землю ни корабля, ниже сопутниковЪ. Кромѣ того сотворено совѣщанїе убити сына его, вЪ домЪ возвращающагося, и отлучившагося вЪ ПилЪ и Спарту, да увѣдаетЪ о отцѣ своемЪ.

Небодвижитель Дїй отвѣщалЪ сице: Дщи моя! Почто таковая глаголешь? Не сама ли соумыслила тако мстити Одиссею? Тилемаха предаю во власть тебѣ, да твоимЪ заступленїемЪ здравЪ прїидетЪ во

свояси; можеши бо сїе. Женихи ничтоже успѣютъ. По семъ обратився къ Ермїю, рекъ: Возлюбленный сынъ! Поди и возвѣсти Нимфѣ непремѣнное наше благоволенїе, да отпуститъ долгостранствующаго Одиссея, кой безъ путеводительства безсмертныхъ и земнородныхъ, но своими силами со многимъ трудомъ, отселѣ въ двадесятый день достигнетъ плодоносныя Схерїи, земли феакїанъ, кои почтутъ его яко безсмертна, и одаривъ златомъ и другими одеждами толико, елико ниже при Трои въ добычу возмогъ бы онъ получить, отпустятъ его съ миромъ на кораблѣ во отечество. Тако предназначено ему есть прїити во свояси, и узрѣти своихъ искреннихъ.

Ермїй прїявъ повелѣнное, привязываетъ немедленно къ ногамъ своимъ крылїя, и взявъ въ десницу лозу, емлется пути, пролета-

етъ

етъ Піерію, и спускается съ превыспреннихъ странъ въ море, разсѣкая волны, яко гоголь рыбу ловящій; достигаетъ острова, изходитъ на сушу, и шествуетъ прямо къ жилищу Нимфы, кою обрѣтаетъ прядущую златымъ веретеномъ волну, и пѣсни воспѣвающую. По всему гроту ея изходило пріятное отъ горящаго въ пещи кедра благовоніе ѳиміамное. Весь островъ исполненъ былъ древесами ольховыми, тополовыми и кипарисными, на коихъ повсюду гнѣздилися птицы. Окрестъ ея обиталища находился зеленѣющійся виноградъ плодами обремененный; протекали четыре потока, единъ со другимъ паки соединяющіеся: злачные луга покрыты были разнообразными цвѣтами. Мѣсто сіе даже безсмертнаго могло восхитить. Здѣсь вѣстникъ божескій, аки очарованный, премедлилъ нѣкое время. Потомъ входитъ

внутрь грота Нимфы, мгновенно его познавшія; зане знают единъ другаго боги, хотя и далече обитают. Несчастный Одиссей тогда тамо не обрѣтался; но сѣдя на брегѣ моря, и взирая на пространство водъ, воздыхалъ и проливалъ слезы.

Калипса посадивъ Ермія на сѣдалищѣ, вопросила тако: Кая вина пришествія твоего, Ермій? Прежде бо никогда меня не посѣщалъ. Что повелиши, да сотворю? Все бо, что могу, исполнити не отрекуся. Послѣдуй за мною; зане хощу тебѣ предложити снѣди. Тако рекши представила предъ него амвросію и нектаръ.

Ермій насытився питіемъ и пищею, тако отвѣщалъ: Вина пришествія моего есть сицевая, внимай: прислалъ мя къ тебѣ Дій, [ибо кто бы добровольно въ толь дальній путь пустился?] Коего повелѣнія ниже преступити, ниже утаи-

утаити не возможно, и повелѢваетЪ тебѢ немедленно отпустити витающаго днесь у тебе Одиссея, злосчастнѢйшаго паче всѢхЪ АхеянЪ, при ТроѢ бранствовавшихЪ, и прогнѢвавшихЪ Аѳинскую богиню, коя воздвигнувЪ вѢтры и бурю, погубила многихЪ его сопутниковЪ; зане предопредѢлено есть свыше ему узрѢти нѢкогда отечественную страну и своихЪ искренныхЪ.

Тако глаголющу ему, Калипса содрагается, и сице речетЪ: О боги! Колико вы несправедливы! И ревнуете, когда кая либо изЪ богинЪ любитЪ инаго! Не поразила ли вЪ Ортигіи стрѢлами Артемида Оріона за любовь сЪ Авророю? Лучшей ли имѢлЪ жребій и ЯзонЪ любленный Артемидою, коего Дій убилЪ громомЪ? Тако завидуете вы днесь и мнѢ, любящей смертнаго, и спасшей его отЪ потопленія, когда Дій, сокрушивЪ

 корабль

корабль на морѣ громомъ, погубилъ прочихъ его сопутниковъ. Я его призрила, возлюбила и обѣщалася учинити безсмертнымъ. Но когда благоугодно есть великому Дію, зане не возможно его повелѣнія преслушати, пусть онъ идетъ, и еще страдаетъ, отпущу его. Хотя нѣтъ у меня ни корабля ни сопутниковъ, да проводятъ его; не сокрою ничего однако, како можетъ безвредно возвратиться.

Отпусти, отпусти его, рекъ паки Меркурій; гнѣва бо всесилнаго Дія чрезъ сіе избѣгнешь. Тако сказавъ, оставилъ мгновенно островъ.

Калипса пріявъ повелѣнное, идетъ спѣшно къ Одиссею, и обрѣтаетъ его на брегѣ моря сѣдящаго, и неутѣшно сѣтующаго о невозможности во отечество возвратиться, гдѣ обыкновенно въ скорбѣніи дни свои влачилъ, а нощи

щи препровождалъ въ гротѣ. Она приближився къ нему, тако вѣщаетъ: Злосчастный! Доколѣ будешь сѣтовать и сокрушаться? Престани; зане охотно желаю отпустити тебя: токмо устрой себѣ ладїю, и обложи ее дсками, да возможешь море преплыти. Я же давъ тебѣ воду, вино, хлѣбъ и одежды, послю отъ хребта благопоспѣшный вѣтръ, да невредимъ преплывешь въ свое отечество при благоизволенїи безсмертныхъ.

Отъ сихъ словъ бѣдствїями угнѣтаемый Одиссей пришедъ въ иступленїе, рекъ: Богиня! Зрю, что ты не о благополучїи моемъ промышляеши, но напасть мнѣ устрояешь. Како могу въ ладїи преплыти пространныя и неукротимыя воды морскїя? Когда не поклянешися мнѣ, не отъиду; да не постражду что либо злое.

Тако ему глаголющу, Нимфа

 оскла-

осклабилася, и рекла: Ты искони еси не довѣряющъ. Да будутъ убо свидѣтелями небо, земля и воды Стикскія, [нѣсть клятвы сея у боговъ большія] что ни единаго на тебя зла не соумышляю; но все сіе творю аки бы себѣ самой: зане далече отстоитъ мысль моя отъ лукавства, и сердце искренно.

Сице рекши, предшествуетъ ему; Одиссей же слѣдуетъ за нею, и достигнувъ грота, входятъ внутрь онаго. Тамо предъ Одиссея представлены были многоразличныя снѣди, смертными вкушаемыя, а предъ Нимфу амвросія и нектаръ.

По семъ когда насытилися, Калипса тако начинаетъ: И такъ желаеши, дражайшій Одиссей, въ отечественную страну возвратиться? ---- Но не радуйся о семъ; зане, прежде нежели достигнеши оныя, обременятъ тебя многая злая. Тако есть опредѣлено свыше.

По-

Помысли, колико бы счастливъ ты былъ, когда бы здѣсь со мною вкупѣ остался; зане безсмертїе бы тебѣ даровала. Почто толико жаждешь узрѣти жену твою нижшую и лѣпотою и достоинствомъ рода всякїя безсмертныя? Ибо земнородные ни въ чемъ съ богами равнятися не могутъ.

Воистинну сїе тако, отвѣщалъ Одиссей: вѣмъ бо Пинелопу и благоразумїемъ и родомъ тебя быти низшую; ибо она смертна, ты же безсмертна. Однако хощу, и никогда желати не престану отъити во свояси, и узрѣти день своего возвращенїя. Какїя свыше ни предназначены бѣдствїя, стерплю все; ибо многая на брани и на морѣ пострадалъ, сего ли устрашуся?

Тако имъ разглагольствовавшимъ, солнце уже сокрылося, и повсюду мракъ разпространился: тогда

 онъ

онъ пошелъ въ ложницу свою опочити.

Когда утренняя заря явилася, Одиссей возставъ отъ сна, облекся во одежды: оставила сонъ и Калипса; и надѣвъ тонкую ризу, опоясався поясомъ и главу украсивъ лентїемъ, помышляла о отпущенїи Одиссея. Посемъ вручаетъ ему обоюду острую сѣкиру, на древо масличное насажденную, и ведетъ на край острова, гдѣ росли высотою небесъ касавшїяся, сухїя и способныя къ плаванїю древа, какъ-то сосны, тополъ и ели; и показавъ мѣсто, вспять возвращается. Одиссей началъ сѣщи оныя, и благоуспѣшно дѣло его явилося. Срубилъ же древесъ числомъ двадесять, и со тщанїемъ ихъ очистилъ. Тѣмъ временемъ возвратився Нимфа, принесла вертлъ, и способствовала ему въ сплоченїи досками и перекладинами судна, кое толико искусно было устроено,

но, аки бы рука художничья созидала. Посемъ соорудилъ щеглу и соразмѣрную оной райну, устроилъ для управленія кормило, и къ возпрепятствованію волнамъ изъ ивовыхъ вѣтвій сплелъ плѣтеницу; изъ платна же, Калипсою принесеннаго, содѣлалъ вѣтрило, кое прикрѣпивъ веревками къ райнѣ, и разпростерши его, низвелъ наконецъ кораблецъ, въ четыре дни совершенный, на море. Въ пятый же день богиня омывъ его, давъ одежду, единъ мѣхъ съ виномъ, а другій съ водою, и прочія потребныя снѣди, отпустила съ миромъ, пославъ ему отъ хребта попутный и благоутишный вѣтръ. Одиссей съ веселіемъ оставляетъ брега, разпростираетъ вѣтрило, и сѣдъ на кормѣ, управляетъ кормиломъ, бодрственно примѣчая движеніе планетъ и звѣздъ небесныхъ, яко ниже сонъ не могъ побѣдити его, и держася всегда

по совѣту богини Калипсы лѣвыя страны. Напослѣдокъ по осминадесяти-дневномъ плаванiи, усматриваетъ лѣсистыя горы страны Ѳеакiйской, до коея недалекъ уже путь ему оставался.

Тѣмъ временемъ могущiй Нептунъ, шествуя отъ страны Еѳiопской, и издалече съ Солимскихъ горъ узрѣвъ преплавающаго морскiя стези Одиссея, содрогнулся сердцемъ, и тако самъ себѣ рекъ: Воистинну боги во время моего пребытiя у Еѳiоплянъ иное объ Одиссеѣ соумыслили, кой уже близь Феакiйской страны находится, гдѣ судьбою предопредѣленъ конецъ всѣмъ его бѣдствамъ. ---- Многiя однако напасти еще онъ претерпитъ.

Тако рекши, во едино соимище собираетъ облаки; и взявъ въ десницу трезубецъ, возмущаетъ воды; посылаетъ вѣтры, воздвигаетъ бурю, покрываетъ вкупѣ

море

море и землю облаками, и день внезапно во мрачную нощь преобращает. Со всех четырех сторон дули вкупе все ветры. Тогда Одиссей смутився духом и поколебався сердцем, тако к себе в печали вещает: Увы! что по сем со мною злощастным будет? Познаю, что все глаголанное богинею есть праведно; рекла бо, что постигнут меня во время преплаванія моего многая злая. Все сіе днесь сбывается. О всесильный Дій! Коликія ты навел тучи! Коль сильно возмутил море! И коликія воздвиг ветры и бурю! Днесь пред очами моя погибель. Блаженны и сто крат суть блаженны погибшіе при облежаніи Трои Ахеяне. Почто не умер я в оный день, когда Троянскіе ратники устремилися противу меня с копіями при пораженном Ахилле? Ахеяне поминовеніе бы о мне творили, и память

бы

бы мою праздновали. Днесь же предназначено есть мнѣ горестную смерть вкусити.

Тѣмъ временемъ, какъ тако онъ вѣщалъ, устремляется на него яростная волна, низпровергаетъ кораблецъ, сокрушаетъ щеглу, изторгаетъ изъ рукъ кормило, райну съ вѣтриломъ ввергаетъ въ море и покрываетъ водами самаго морешествователя, кой боряся съ бурею, изъемлетъ главу изъ воды, и изблевавъ изъ устъ оную, ищетъ свое судно, паки въ него садится, и мня спастися отъ конечныя погибели, туду и сюду волнами носится. Яко осеннїй вихрь разметаетъ по полямъ мякину; тако кораблецъ порѣваемъ былъ совсѣхъ странъ вѣтрами.

Ина, дщерь Кадмова, смертною нѣкогда бывшая, и послѣ преобращенная въ морскую богиню, узрѣвъ Одиссея, тако съ волнами борющася, пришла въ сожалѣнїе,

и явився ему въ видѣ утки, изъ воды изшедшія, и сѣдъ на носъ судна, тако вѣщала: Злосчастной смертной! Чемъ ты прогнѣвалъ всемогущаго бога морей, толикая злая на тебя воздвизающаго? Уповай, не можетъ бо погубити тебя, хотя и вельми сего желаетъ, внемли токмо моему увѣщанію: оставь кораблецъ на произволеніе вѣтровъ, сложи съ себя одежду, и спасайся плаваніемъ въ землю Феакійскую. Пріими сію повязку, и подвяжи подъ рамена, зане она всякій страхъ и погибель можетъ отвратити. Когдаже достигнешь брега, и на оный изыдешь, вержи оную паки въ море. Тако рекши въ нѣдра водъ сокрылася.

Несчастный Одиссей, помышляя о семъ явленіи, и воздохнувъ, тако вѣщалъ самъ себѣ: Увы мнѣ! Не ухищреніе ли устрояется отъ кого либо изъ безсмертныхъ, сняти мнѣ съ кораблеца повелѣвающаго?

щаго?

щаго? Но я сему не повинуся; далеко бо отстоитъ отсюду страна оная, идѣже обѣтовано мнѣ прибѣжище. Дотолѣ по волнамъ носиться буду, доколѣ ладія сїя вконецъ не сокрушится. Тѣмъ временемъ, когда онъ тако помышлялъ въ сердцѣ своемъ, богъ моря повелѣлъ устремиться на него великой и страшной волнѣ, отъ коея тако разсыпался кораблецъ Одиссеевъ, яко бурный вѣтръ развѣваетъ сухїя плевы. Тогда мореплаватель, всѣдъ на едину изъ досокъ, совлекши съ себя одежду и привязавъ подъ рамена повязку, ввергнулся въ море, распростирая къ плаванїю длани.

Узрѣвъ сїе, могущїй Нептунъ, и покивавъ главою своею, рекъ тако: Иди днесь, и претерпѣвай вящшая злая, дондеже достигнешь людей добродѣтельныхъ. Не скоро еще бѣдства прекратятся. Тако рекши, направилъ кони свои

ко

ко своему жилищу. Но богиня Аѳинская укротивъ прочїе вѣтры, повелѣла токмо дыхати Борею, да безвредно обѣтованныя страны достигнетъ Одиссей, кой по двудневномъ плаванїи, имѣя предъ очами всегда смерть, на третїй день, когда буря престала, и небо просвѣтилось, узрѣлъ не въ далекѣ сушу и лѣсъ; и толико же возрадовался, елико дѣти желаютъ здравїя отцу, одержимому долговременнымъ недугомъ; ибо и ногами и руками стремился ускорити плаванїе. Находяся же близь брега, услышалъ шумъ и ревъ волнъ, объ оный ударявшихся. Но брегъ сей ради крутости и нависшаго каменїя былъ неприступенъ.

Тогда паки поколебався сердцемъ Одиссей, и тяжко воздохнувъ, рекъ: Горе мнѣ! Хотя всесильный Дїй и сподобилъ меня узрѣти сушу; но возбраняетъ изы-

ти на оную; зане брегъ отвсюду наполненъ каменіемъ и обуреваетъся яростными волнами, яко никоимъ образомъ не можно стати ногою, да не како стремленіе водъ оторвавъ низринетъ во глубину оныхъ, и трудъ мой тщетенъ останется. Когда же плавая, искати буду способнаго ко изытїю мѣста, боюся, да не унесетъ буря въ пространство моря, да не поглотитъ велѣнїемъ бога морей китъ; вѣмъ бо колико онъ на меня гнѣвается.

Тѣмъ временемъ, когда тако онъ размышлялъ, стремилась удариться о брегъ ужасныя величины волна, отъ коея воистинну сокрушилися бы его кости, ежели бы онъ, наставленъ будучи Палладою, не ухватился обѣими руками за камень, и тако не спасся отъ пораженїя; не единократно бо сицевымъ образомъ избѣгалъ отъ смерти. Яко каракатицѣ,

из-

изшедшей изъ раковины, подобаетъ пренести многія болѣзни: тако изъязвился Одиссей, держася за камень, кой напослѣдокъ силою своею покрыла яростная волна, отъ чего воистинну погибнулъ бы онъ, когда бы паки наставленіемъ покровительствовавшія богини Аѳинской, изшедъ изъ нѣдръ водныхъ, не ялся плаванію близъ брега для отысканія пристанища. И тако достигнувъ нѣкоего мѣста равнаго, не имѣвшаго каменія, и вѣтрами не обуреваннаго, возрадовался, и началъ тако молитися въ умѣ своемъ: Покровителю сихъ странъ! Избѣгая отъ гнѣва Посидона, твоего ищу предстательства; всякъ бо земнородный странствуяй, ищетъ у безсмертныхъ защищенія; тако я, многая претерпѣвый, ко твоимъ колѣнамъ днесь припадаю: Умилостивися надо мною; во всемъ бо покоренъ тебѣ являюся. Изрекшу иму сіе,

 вол-

волненїе укротилося, возстала тишина, и открылося безопасное пристанище. Но Одиссей отъ изнеможенїя упалъ. Вся внутренняя его наполнилася водою, устами и въ носъ текшею, яко ни гласа, ни дыханїя не было; объяла бо его сильная слабость.

Когда же онъ успокоился и пришелъ въ себя; то желая разрѣшитися отъ обязательства богини, вергнулъ повязку въ море, коя вскорѣ бысть невидима. По семъ изшелъ изъ воды, сѣлъ для отдохновенїя на кустъ сатниковый, лобызая землю. По не многомъ времени тяжко воздохнувъ, рекъ: Увы мнѣ! Доколѣ буду злая терпѣти? Что по семъ будетъ со мною? Когда опочїю здѣсь, боюся, да не како отъ хладныя росы и мраза лишуся здравїя тѣлеснаго: Когда же успокоюся въ дубравѣ, страшуся, да не разтерзаютъ

по-

погруженнаго во сладкій сонъ лютые звѣри. Однако нашедъ послѣднее средство лучшимъ, идетъ спѣшно въ лѣсъ, не въ далекѣ находившейся. Тамо узрѣвъ два древа масличныя, сквозѣ густоту листвія коихъ ни дыханіе вѣтровъ пройти, ниже лучи солнца проникнути, ниже дождь омочити не могутъ, и подъ сѣнію коихъ во время зимы не единому токмо человѣку, но многимъ удобно пребыти отъ мраза не вредимымъ, возвеселился, и устроивъ себѣ изъ онаго ложе, легъ опочити. Яко искра огня въ пеплѣ, въ отдаленіи отъ людскихъ селеній живущимъ пустынникомъ хранимая, не угасаетъ; тако добродѣтельный Одиссей укрывся масличнымъ листвіемъ, сладкимъ сномъ успокоился, къ укрѣпленію силъ отъ многотруднаго пути Аѳинскою богинею посланнымъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Зита.

Тако почивалъ бѣдственный Одиссей, сномъ и трудами изможденный. Междутѣмъ божественная Паллада грядетъ къ Феакійскому народу, кой прежде обиталъ во пространной Иперіи близь гордыхъ Киклоповъ; но сіи тѣхъ, уповая на свои силы, раззореніемъ оскорбляли; потому добродѣтельный Навсифой изведъ ихъ оттуду, посадилъ въ Схеріи далече отъ сообщенія прочихъ всѣхъ мужей; создалъ имъ градъ, и домы оградилъ твердынею, соорудилъ такожде храмы богамъ, и раздѣлилъ поля, но сей скончавъ животъ свой низшелъ во адъ. Въ сіе же время владычествовалъ надъ феакіанами премудрый Алкиной. Къ нему тогда въ домъ божественная Аѳина,

со-

совѣщевая великодушному Одиссею возвращенїе, абїе входитъ въ чертогъ, въ коемъ почивала дщерь великодушнаго Алкиноя Навсикая, возрастомъ и красотою подобная безсмертнымъ, отъ обоихъ же странъ дверей почивали двѣ рабыни, подобныя харитамъ. Премудрая Аѳина, аки тончайшее дыханїе вѣтра вшедъ въ ложницу ея, и воспрїявъ на себя подобїе дщери славнаго мореплавателя Диманта, которая отъ всего сердца ею любима была, и тако вѣщаетъ къ ней: Навсикая! Како толь нерадивую родила тя матерь твоя. Се многїя одежды твои лежатъ въ пренебреженїи, время же брака твоего уже приближается; и тогда какъ тебѣ самой, такъ и прочимъ, кои поведутъ тя, подобаетъ облещися въ свѣтлое одѣянїе; ибо отъ сего въ народѣ раждается слава благая, возрадуются же и родившїе тя отецъ и матерь.

Востани убо заутра съ явившеюся зарею, и иди для измовенія оныхъ; я же купно последую тебе во твою помощь, да скоре дело совершится; ибо недолго уже будеши девицею. Зане многіе въ Феакійскомъ народе, избранные юноши желаютъ пояти тя въ жену себе. Заутра убо проси отца твоего, да повелитъ уготовати тебеословъ и колесницу, для отвезенія одеждъ твоихъ къ реке; зане тако много честнее есть, нежели ити ногами, да и мыльницы далече отстоятъ отъ града.

Сіе сказавъ, отходитъ премудрая Аѳина на Олимпъ, где вечное обиталище есть боговъ, и где ниже ветръ, ниже дождь, ниже снегъ могутъ прикоснутися; но не постижимая светлость летаетъ безъ облаковъ, и не исповедимое окружаетъ сіяніе, въ коемъ боги наслаждаются вечно. Въ сіе блаженство возшла божественная Паллада.

лада. И се обїе явилася денница, которая и возбудила отъ сна прекрасную Навсикаю, удивляющуюся бывшему сновидѣнїю; идетъ съ поспѣшенїемъ къ родителямъ своимъ, и обрѣтаетъ ихъ внутрь своихъ чертоговъ; матерь ея сидѣла тогда со прочими рабынями при огнищѣ, и пряла багряную волну: отца же видитъ изходящаго на сонмище къ Феакїйскому народу, и ставъ предъ нимъ вѣщаетъ тако: Дражайшїй отче! Молю тя, повели мнѣ уготовати колесницу; ибо хощу итти къ рѣкѣ, измыти одежды, кои многїя лежатъ не чисты; зане и тебѣ самому отче мой обращающемуся всегда въ народномъ собранїи, подобаетъ имѣти чистое одѣянїе; также и сыны твои, мои же братья, изъ коихъ двое суть супружны, три же суть юноши, желаютъ къ общенародному плясанїю предстати въ чистыхъ одеждахъ: о всемъ

же томъ единой мнѣ вящшее паче всѣхъ належитъ попеченіе.

Тако рекла: о бракѣ же воспомянути предъ отцемъ устыдилася. Но онъ разумѣвая, отвѣщалъ къ ней: Возлюбленная дщи! Не запрещаю тебѣ, ниже въ колесницѣ, ниже во иномъ чемъ; иди скоро, и уготоваютъ рабы колесницу тебѣ.

Тако рeклъ: и абіе повелѣлъ о семъ рабамъ, кои вскорѣ уготовали колесницу иословъ. Навсикая вскорѣ износитъ отъ хранилища одежды, и возлагаетъ на колесницу; матерь же ея наполняетъ кошницу разною сладкою пищею, и наливаетъ мѣхъ краснаго вина, давъ еще златый сосудъ, елеемъ наполненный. Навсикая возшедъ на колесницу, пріемлетъ въ руки бразды и бичь, понуждаетъ къ теченію словъ, кои вскорѣ по семъ принесли всѣхъ къ свѣтлотекущимъ рѣчнымъ водамъ. Тамо низ-

низходятъ всѣ отъ колесницы, и отрѣшивъ ословъ, ведутъ ихъ къ тучному пастися злаку; по семъ износятъ одежды; корыта наполнивъ водою, начали едина предъ другою со всякимъ тщанїемъ измывати. Окончавъ сїе разпростерли измовенныя одежды по чистому каменистому брегу моря. Сами же умывся, и намазався елеемъ возлегли на травѣ прїяти пищу, доколѣ солнечное сїянїе изсушитъ одежды. Вси дѣвицы насытився пищею, и низложивъ отъ главъ своихъ увясла, начали играти мячемъ: Навсикая же начинаетъ пѣсни. Аки стрѣломещущая Артемида, шествуя по горамъ, или Таигету или Ериманфу, увеселяется стрѣлянїемъ сернъ, или быстрыхъ еленей, съ нею же купно и дщери Дїя Егїоха, прекрасныя Нимфы утѣшаются, радуяся сердцемъ вкупѣ съ матерїю своею Литою; сама же Артемида, хотя и

всѣ ея спутницы прекрасны, превосходитъ всѣхъ возрастомъ и величествомъ: тако неукрощенная дѣвица Навсикая являлася между всѣми рабынями. Когда же были готовы къ возвращенїю въ домъ свой, и изсушенныя одежды возложены на запряженную колесницу; тогда паки премудрая Паллада вдохнула въ сердце ихъ, дабы Одиссей возпрянувъ отъ сна, узрѣлъ царскую дщерь, которая бы отвела его къ Феакїйскому народу. Царевна Навсикая мещетъ мячь къ единой рабынѣ; но сей не улучивъ своея цѣли, устремился въ глубокую пучину. Вси громогласно возопили, возбуждается и Одиссей; сѣдъ же, тако совѣщеваетъ во умѣ своемъ: Увы мнѣ! Къ какому народу паки пришелъ я сѣмо! Не знаю, какїе здѣ обитаютъ мужи? Обидливы ли и досадители, или праведны и страннопрїемны, и помышленїя ихъ къ богамъ почти-

чтительны? Како? Слышу гласъ женъ или Нимфъ, кои обитаютъ на высотахъ горъ или при рѣкахъ, или при зеленыхъ лугахъ? Или такожде люди подобные суть мнѣ? Возставъ убо испытаю самъ, и узрю моими очами.

Тако вѣщая, идетъ тайно между древами. Аки левъ обитающій въ горахъ, уповая на крѣпость свою, идетъ мокрый, не страшася вѣтровъ; очи его аки огнемъ горятъ, желаетъ обрѣсти стада овецъ, или воловъ; и когда же гладомъ удручаемый приближается ко оградѣ взыскати пищу себѣ: тако Одиссей приближался къ дѣвицамъ, не помышляя, что въ худомъ находится рубищѣ, зане влекла егонужда. И се является предъ ними весь во сланости морской. Устрашилися дѣвицы, вси разсѣялися по брегу, едина токмо Алкиноева дщерь предстоитъ неустрашимо;

шимо; зане Аѳина вдохнула въ сердце ея дерзновенїе, и страхъ отъяла отъ всѣхъ членовъ. Одиссей помышляетъ во умѣ своемъ: приближитися ли къ дѣвицѣ и объяти колѣна ея, или издалеча ставъ простерти къ ней моленїе, дабы подала другую одежду и показала градъ? Тако помышляя за лучшее избираетъ молитися издалече, дабы не огорчити дѣвицу. И тако съ хитростїю и со смиренїемъ вѣщаетъ къ ней: Смиренно молю тя О царице! отъ безсмертныхъ ли ты кто, или отъ человѣкъ; ежели ты отъ безсмертныхъ, кои обитаютъ во пространствѣ небесъ, воистинну подобною зрю тя возрастомъ, величествомъ и красотою дщери великаго Дїя Артемидѣ; но когда ты отъ смертныхъ кто, о коль блаженны суть отецъ и матерь родившїе тя! треблаженны суть и братїя твои, коихъ сердца не сказанною радостїю наслажда-

даются, зря тебя толикое порожденіе, грядущее къ веселому ликованію. Но счастливѣйшій паче всѣхъ тотъ, кто безчисленнымъ украсивъ тя вѣномъ отведетъ въ домъ свой, зане никогда я не видѣлъ подобнаго тебѣ человѣка ниже мужа, ниже жены; со изумленіемъ взираю на тя. Недавно видѣлъ во островѣ Дилѣ, близъ Аполлонова требища младое возрастающее масличное древо, [ибо и въ сіе мѣсто со многимъ моимъ народомъ совершилъ я путешествіе, кое великихъ злоключеній было мнѣ виною:] тогда узрѣвъ я оное древо, долгое время былъ во удивленіи и во изумленіи; ибо никогда толь краснаго земля не произращала. Тако и на тебя, прекрасная! взирая удивляюся, не доумѣваю и трепещу объяти колѣна твоя: ибо нестерпимая болѣзнь одержитъ духъ мой. Вчерась въ двадесятый день плаванія

нія моего отъ острова Огигіи по кораблекрушеніи моемъ долго восхищаемъ былъ волнами и свирѣпыми бурями; нынѣ же нѣкіимъ богомъ принесенъ во страну сію; дабы и здѣ страдати; ибо не мню пріити оныхъ концу, но еще готовятъ мнѣ боги множество золъ. Ты убо, О царице! яви надо мною милость; къ тебѣ бо первой по претерпѣніи многихъ бѣдствій пришелъ я, никого отъ человѣкъ незная, кои на землѣ сей и во градѣ обитаютъ, подаждь мнѣ рубище, покажи мнѣ градъ. Тебѣ же боги да воздадутъ вся; елика сердце твое желаетъ, мужа, порожденіе и согласіе благое: ибо нѣсть лучшаго и краснѣйшаго ничего, какъ когда мужъ и жена согласными совѣтами управляютъ домостроительство. Злодѣемъ сіе въ болѣзнь, благодѣтельнымъ же людямъ въ радость, паче же имъ самимъ.

Навси-

Навсикая отвѣщала ему: Странниче! не разумному зрю тебя подобнаго мужу; но высочайшїй Дїй всякое благополучїе раздаетъ людямъ благимъ и злымъ, всякому какъ самъ хощетъ великодушно. Убо тебѣ подобаетъ все сносити. Нынѣ же, когда пришелъ ты къ нашему граду и народу, не оскудѣютъ отъ тебя ниже одежды, ниже иная вещь, какая прилична есть человѣку бѣдствїями угнѣтаему; покажу тебѣ градъ сей и не сокрою имени народа сего: Феакїане населяютъ градъ и землю сїю, я же есмь дщерь знаменитаго Алкиноя, кой со благою славою владычествуя, обладаетъ народомъ симъ.

Тако рекла, и абїе возопила къ дѣвицамъ своимъ: Воздержите ваше бѣгство рабыни! Камо бѣжите, узрѣвъ мужа? Или вы мните нѣкоего пришедшаго отъ враговъ; ибо нѣсть здѣ человѣка, ниже бы-

ти можетъ, кой бы пришедъ въ землю Феакіанъ, содѣлался врагомъ; зане они паче всѣхъ любезны суть богамъ. Обитаемъ же далече на самый край моря, и ниже кто иный отъ народовъ имѣетъ съ нами сообщеніе; сей же нѣкто странникъ пришелъ сѣмо удрученный злополучіемъ; подобаетъ убо нынѣ о немъ имѣти всякое попеченіе; зане всѣ есмы отъ всесильнаго Дія страннопріимцы и странники. Подаяніе же всякое хотя и малѣйшее пріятно ему есть; дадите убо сему странному пищу и питіе.

Тако рекла; рабыни же повинуяся, посадили Одиссея подъ тѣнію, и положили близь его чистыя одежды, подали ему златый сосудъ съ елеемъ и повелѣли умытися въ рѣкѣ. Одиссей къ нимъ отвѣщалъ: Возлюбленныя мои! Отступите отсюду не далече, да омыю отъ тѣла моего всю сла-

ность морскую, и да помажуся елеемъ; ибо многое время не видѣлъ я на тѣлѣ моемъ помазанія; предъ лицемъ же вашимъ не умыюся никогда.

Тако реклъ; и абіе рабыни отходятъ, и возвѣщаютъ о семъ владычицѣ своей. Одиссей же вшедъ въ рѣку, началъ умывати главу и все тѣло, и отерши всю сланость морскую, изходитъ отъ рѣки, намазывается елеемъ, по семъ облекается во одежды, ему данныя Навсикаею. Тогда Аѳинская богиня, дщерь Дїева, содѣлала лице его величественнѣйшимъ, и все тѣло тучнѣйшимъ; отъ главы его разпростерла власы, подобныя цвѣту їакинѳу. Одиссей сѣлъ на брегѣ моря, сїяя красотою и величествомъ. Навсикая воззрѣвъ на него, удивилася, и тако вѣщаетъ къ рабынямъ своимъ: Внушите, дѣвицы! Что хощу повѣдати вамъ: воистинну мужъ сей при-

шелЪ вЪ землю нашу по произволенїю всѢхЪ боговЪ, обитающихЪ на ОлимпѢ; ибо прежде я ни вочто его вмѢняла; нынѢ же во всемЪ зрится подобенЪ быти богамЪ. О когда бы таковЪ мнѢ мужЪ призванЪ былЪ во градѢ семЪ! Когда бы и сей возжелалЪ пребывати здѢ! Подайте странному сему пищу и питїе.

Тако рекла; они же со тщанїемЪ исполнили ея повелѢнїе; предложили Одиссею пищу и питїе, и онЪ сЪ жадностїю насыщалЪ свое чрево; ибо долго не вкушалЪ пищи. ВпрочемЪ Навсикая иное предпрїяла, собравЪ одежды положила на колесницу, возшедЪ же и сама на оную вѢщаетЪ ко Одиссею: Востани нынѢ, О странниче! Да идеши во градЪ, и тамо пошлю тебя вЪ домЪ отца моего, гдѢ, мню, узриши всѢхЪ знаменитыхЪ ФеакїанЪ. Но сотвори тако: доколѢ я буду шествовати по полямЪ и по нивамЪ, дотолѢ и ты сЪ моими рабынями

скоро

скоро слѣдуй за моею колесницею. Когда же приближимся ко граду, гдѣ стоятъ высокія стражницы; отъ обоихъ же странъ градъ зрится красное пристанище, и тамо входъ тѣсный, корабли же вводятся по пути, и всякому есть свое стояло; тамо есть окрестъ Посидонова храма великолѣпное и пространное отъ камней изсѣченное мѣсто; тамо всякія сооруженія кораблей устрояются; ибо Феакїане не имѣютъ попеченія ни о лукахъ ни о тулахъ, но о единыхъ токмо корабляхъ, на кои уповая далече преплаваютъ волнящееся море: ихъ я боюся поносной славы, дабы кто злобный не помыслилъ тако: Кто сей великїй и красный странникъ слѣдующїй по Навсикаѣ? Гдѣ толикаго обрѣла человѣка? Воистинну мужъ ея будетъ, или отъ инныхъ народовъ привлекла его на караблѣ своемъ, или нѣкто по ея моленїю отъ боговъ низшелъ съ

неба на землю къ ней, и будетъ имѣти его во вся дни мужемъ? Благо содѣлала когда сама вездѣ обходя, обрѣла себѣ мужа страннаго; Феакїанъ же, кои многїе и зѣло знаменитые со отщанїемъ ищутъ ее въ жену себѣ, презрѣла. Тако помыслятъ; мнѣ же будетъ поношенїе. Но я бы и сама огорчилася на такую, которая при жизни отца и матери, безъ ихъ позволенїя откровеннымъ бракомъ совокупилася бы съ мужемъ. Внуши убо, странниче! совѣту моему, дабы со всякимъ поспѣшенїемъ приобрѣлъ ты препровожденїе и возвращенїе отъ отца моего въ домъ свой. Вскорѣ узримъ мы близь Палладина пути прекрасную дубраву, растущую отъ сѣнноличственныхъ тополовъ, окрестъ коея есть зеленѣющееся поле; тамо отца моего есть село и цвѣтущїе сады на толикое разстоянїе отъ града, колико гласъ вопїющаго можетъ

жетъ

жетъ слышанъ быти. Тамо сѣдши, помедли; доколѣ мы приближимся ко граду, и внидемъ въ домъ отца моего. Когда же помыслиши во умѣ; что мы пришли уже въ домъ свой, тогда востани и ты, и вшедъ во градъ, испытуй о домѣ царя Алкиноя, коего удобно есть всякому познати, и самомалѣйшей отрокъ можетъ ко оному привести; ибо нѣтъ подобнаго ему во всемъ Феакійскомъ градѣ. Бывъ же внутрь двора, колико можно, тщися пріити въ чертоги матери моея, которая всегда сидитъ при огнищѣ, упражняяся въ пряденіи, и приклоняся ко столпу. Окрестъ ея сидятъ рабыни; тамо и престолъ отца моего не далече отъ нея, гдѣ онъ наслаждаяся виномъ, сидитъ аки нѣкто отъ безсмертныхъ. Узрѣвъ же матерь мою, простри руки твои къ колѣнамъ ея, дабы благоволила тебѣ зрѣти

день возвращенія во отечество твое, хотя и зѣло далече нынѣ отстоиши отъ него; когда же она явитъ тебѣ въ томъ свое соизволеніе, имѣй надежду, скоро узриши возлюбленныхъ твоихъ, и пріидеши въ домъ и во отечественную землю твою. Тако рекши, погнала ословъ, а за нею поспѣшали рабыни и Одиссей. Солнце сокрылося, когда они приближилися къ дубравѣ, посвященной Палладѣ. Одиссей сидя единъ, начинаетъ молити Аѳинскую богиню тако: О неукротимая дщи сильнаго Дія! Когда прежде ты не внушила моленія моего во время обуреванія, которое воздвиглъ на меня сильной царь Посидонъ; даждь поне нынѣ предстати мнѣ предъ Феакіанами любезну и обрѣсти отъ нихъ милосердіе.

Тако молящагося услышала Аѳинская Паллада. Сама же не явилася ему; ибо страшилася Посидона, кой зѣло преогорченъ

былъ

былъ на Одиссея и гнѣвался, доколѣ пришелъ мужъ оный во свою землю.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Ита.

Тѣмъ временемъ Навсикая приходитъ въ домъ свой; и входящую ее во враща срѣтаютъ отвсюду братія, кои вскорѣ отрѣшили ословъ отъ колесницы и одежды внесли внутрь хранилища; дѣвица же шествуетъ во свой чертогъ, гдѣ престарѣлая Евримедуса, смотрительница ложницы и питательница ея, возжгла огнь и уготовила вечерю. Тогда Одиссей востаетъ совершити путь ко граду. Паллада же благодѣтельствуя ему, покрыла его великимъ мракомъ, дабы кто неистовый отъ Феакїанъ узрѣвъ его, не

содѣлалъ обиды, и не вопросилъ бы: отъ какія земли идетъ? Когда же былъ при самомъ вшествіи во градъ; тогда Аѳина пріявъ на себя образъ юнотки, несущія водоносъ, идетъ къ нему во срѣтеніе. Одиссей ее вопрощаетъ тако: О чадо! Можеши ли мнѣ показати домъ царя страны сея Алкиноя? Ибо я странникъ есмь, и по претерпѣніи многихъ золъ пришелъ сѣмо отъ далекія земли, и не знаю ни единаго отъ человѣкъ, кои во градѣ семъ обитаютъ.

Паллада отвѣщала ему: Воистинну покажу тебѣ домъ желаемый тобою; ибо и отецъ мой близь его живетъ. Иди убо съ молчаніемъ; не разглагольствуй ни съ кѣмъ ни вопрошай о чемъ; ибо жители сіи не тщательно воспріемлютъ приходящихъ отъ иныя земли странниковъ, уповая на быстроту кораблей своихъ, на коихъ преплаваютъ не измѣримое простран-

странство моря; и кои аки перо, или помышленія скоры.

Сіе скончавъ богиня, предшествуетъ Одиссею; онъ же скоро спослѣдуетъ стопамъ ея. Премудрый Одиссей со удивленіемъ взираетъ на пристанище, на корабли, на знаменитые домы, на великую твердыню и на высокіе огражденные холмы. Когда приближилися къ чертогамъ царевымъ; тогда паки начинаетъ богиня къ нему тако: Странниче! Се оный домъ есть, о коемъ вопрошалъ ты меня. Внутрь же его обрящеши знаменитыхъ отъ всего града мужей, совершающихъ пиршество: но твое сердце да не устрашитъ тя предстати имъ; ибо дерзновенный мужъ во всякихъ дѣлахъ счастливъ есть, хотя бы и отъ иныя страны пришелъ; но прежде всего узриши тамо царицу, коей имя Арита и отъ тѣхъ же родителей имѣетъ свое бытіе, отъ коихъ родился и

царь

царь Алкиной; ибо вопервыхъ Навсифая родилъ Посидонъ отъ Перивіи, меньшія дщери Евримедонтовой; Навсифай же родилъ Риксинора и Алкиноя. Но перваго убилъ стрѣломещущій Аполлонъ; осталась же токмо едина дщерь Арита, кою и поялъ въ жену себѣ Алкиной, и толико почиталъ ее, колико ни едина жена по всей земли не была почтена отъ мужа своего и любима отъ всѣхъ дѣтей и отъ всѣхъ гражданъ, кои на нее, когда шествуютъ по граду, взираютъ аки на безсмертную. Сія когда явитъ тебѣ свое благоволеніе; имѣй надежду внити во отечественную землю и во градъ твой. Сіе сказавъ богиня, оставляетъ Схерію и по морю грядетъ къ Мараѳону и ко знаменитымъ Аѳинамъ, и входитъ въ домъ царя Ерихѳея. Одиссей же идетъ ко двору Алкиноя многими мятущійся помышленіями, доколѣ не при-

приближился къ мѣдному помосту, коего блистанiе, аки отъ солнца или луны, по всему дому разносилося. Отвсюду было мѣдное огражденiе; златые врата затворяли входъ; сребряные вереи утверждены были въ мѣдномъ прагѣ; златые и сребряные отъ обоихъ странъ стояли псы, коихъ содѣлалъ чудный Ифестъ во охраненiе дому Алкиноева; внутрь же окрестъ мѣднаго огражденiя утверждены были сѣдалища; тамо зримы были хитрѣйшiя и тончайшiя завѣсы, дѣла рукъ женскихъ; тамо Феакiйскiе знаменитые мужи сидѣли, ядя и пiя во весь годъ; тамо стояли златые юноши при хитросодѣланныхъ требищахъ, держа въ рукахъ горящiя чрезъ всю нощь, и по всему дому сiяющiя свѣщи для пиршествующихъ; въ домѣ было пятьдесятъ рабынь, изъ коихъ иныя упражнялися въ жерновахъ, другiя пряли и ткали

вол-

волну. Колико Феакїйскїе мужи совершенно искусны суть въ быстрѣйшемъ мореплаванїи; толико ихъ жены хитростными почитаются въ тканїи волны. Внѣ же двора сего близь вратъ есть пространнѣйшїй садъ огражденный отвсюду стѣною, въ коемъ высокїя и зеленѣющїяся произрастали древа: груши, яблони, смоковницы и маслины: плодъ же отъ нихъ никогда ни зимою ни лѣтомъ не оскудѣвалъ, но чрезъ весь годъ пребывалъ; ибо дышущїй тамо всегда зефиръ ихъ произращалъ, и къ созрѣнїю приводилъ. Груша старѣется послѣ груши, яблоко послѣ яблока, ягода послѣ другой ягоды, и смоква послѣ смоквы. Тамо были два истночника: единъ протекалъ по всему саду, другой же отъ противныя страны скрывалъ теченїе свое подъ прагъ двора сего, гдѣ всѣ граждане довольствуются водою сею. Такїя

были благоразположенія боговъ къ царю Алкиною. Одиссей насладивъ духъ свой зрѣніемъ, ускоряетъ внити въ домъ сей, гдѣ вскорѣ обрѣтаетъ феакійскихъ вождей и совѣтниковъ, творящихъ приношеніе мудрому созерцателю Аргоубійцѣ Ермію; ибо послѣдняго его молили, когда уже помышляли о снѣ. Бѣдственный странникъ огражденъ бывъ великимъ мракомъ отъ Паллады, предсталъ предъ царицу Ариту и царя Алкиноя. Отъяту же бывшу оному облаку, объемлетъ колѣна царицы, коя незапно узрѣвъ мужа зѣло удивилася. Одиссей же тако начинаетъ къ нимъ: О дщи храбрѣйшаго Риксинора, и вы феакійскіе вожди, къ вашимъ ногамъ повергаюся по претерпѣніи величайшихъ золъ; да подадутъ вамъ боги блаженную жизнь и чадамъ вашимъ вся благая въ домѣ, и честь отъ всего народа. Молю васъ, уготовайте мнѣ скорое от-

шествїе ко отечеству моему, отъ котораго многое время отлученъ претерпѣваю напасти. Сїе рекши, сѣлъ близъ огнища на пескѣ: они же всѣ пребыли въ глубокомъ молчанїи. Наконецъ престарѣлый ирой Ехеней, кой между всѣми феакїанами и лѣтами, и краснорѣчїемъ, и искусствомъ многимъ знанїй первымъ почитался, начинаетъ тако: Царю Алкиное! Воистинну не прилично тебѣ, дабы странникъ сей сидѣлъ близъ огнища на пескѣ; сїи же ожидаютъ твоего повелѣнїя; воздвигни убо его отъ земли и посади на сѣдалищѣ; повели провозвѣстникамъ наполнити чашу виномъ, да сотворимъ честь молнїеносному Дїю, кой страннымъ и требующимъ помощи всегда спутешествуетъ; вечерю же да предложитъ ему домостроительница. Алкиной взялъ Одиссея за руку, воздвиглъ его, и посадилъ на сѣдалищѣ, на коемъ сидѣлъ то-

тогда сынЪ его ЛаодамантЪ; воду принесла рабыня вЪ златой умывальницѢ; потомЪ представили ему столЪ наполненный многою пищею, коею Одиссей насыщался, колико желалЪ. По семЪ Алкиной вещаетЪ провозвѢстнику: Протоной! подаждь всемЪ вЪ чаши вино, да принесемЪ великому Дїю благодаренїе.

Когда всѢ насытилися питїемЪ, Алкиной паки начинаетЪ: Внушите, Феакїанскїе вожди и совѢтники, что хощу вамЪ возвестити: НынѢ идите вЪ домЪ, и прїимите дарЪсна; заутра же множайшихЪ призвавЪ градоначальниковЪ угостимЪ сЪ подобающею честїю страннопришелца сего, и сотворивЪ жертву богомЪ положимЪ совѢты о возвращенїи его, дабы онЪ подЪ нашимЪ провожденїемЪ безболѢзненно, безпечально, и сЪ радостїю могЪ прїити во свое отечество, и да не постраждетЪ

ни какого зла вЪ пути, доколѢ прїидетЪ во свою землю. Тогда паки да претерпеваетЪ то, что судьба при рожденїи его ему положила, ежели же отЪ безсмертныхЪ кто во образѢ его пришелЪ кЪ намЪ; воистинну нѢчто иное боги о насЪ помышляютЪ; ибо и прежде всегда являлися намЪ откровенно; и когда приносили имЪ священныя жертвы, пиршествовали сЪ нами равно какЪ и мы. Одиссей отвѢщалЪ ему: Царю Алкиное! Отрини сїи помышленїя, ибо я несмь безсмертнымЪ подобенЪ, ниже тѢломЪ, ниже лицемЪ; но есмь какЪ и протчїе всѢ люди, кои жизнь свою влачатЪ вЪ болѢзняхЪ и напастяхЪ; имЪ я подобенЪ. ВозвѢстилЪ бы я вамЪ нынѢ многїя мои злоключенїя, кои по изволенїю боговЪ претерпѢлЪ: но днесь оставите мя вечеряти; ибо ничто тако не есть досадительно, какЪ чрево, кое и во всѢхЪ напа-

пастяхъ и болѣзняхъ понуждаетъ о себѣ воспоминати; какъ и меня, хотя и непрестанно сокрушаютъ и угнѣтаютъ печали сердце мое, къ пищѣ и питїю влечетъ жадный стомахъ; и вся тогда приключенїя предаетъ забвенїю, и только самъ желаетъ наполнитися. Васъ же нынѣ молю, ускорите съ послѣдующею за утро зарею устроити вашъ совѣтъ о провождѣнїи моемъ во отечество, кое поне единожды узрѣвъ, съ радостїю оставлю животъ свой; то есть, все мое стяжанїе рабовъ и благолѣпный домъ. Тако рекъ онъ, и всѣ похвалили слово его, и совѣщали препроводити странника въ домъ его. По окончанїи вечери всѣ отходятъ въ домы свои ко сну; единъ токмо Одиссей остался съ царемъ Алкиноемъ и Аритою. Темъ временемъ рабыни износили сосуды путешественныя. Арита узрѣвъ на немъ одежды свои, кои сама съ рабынями устрояла, вѣщаетъ ко

Одиссею: Странниче! возвѣсти намъ, кто еси? Отъ какихъ народовъ пришелъ къ намъ? Кто далъ тебѣ сїи одѣжды? Ты намъ повѣдалъ, что заблуждая по морю пришелъ сюда. Одиссей отвѣщалъ ей: О знаменитая царице! Воистинну неудобно нынѣ всѣ исчислити напасти, кои на меня отъ боговъ низпосланы. Но кратко повѣмъ нынѣ о чемъ вопрошаеши мя: далече отсюда лѣжитъ на морѣ нѣкоторый островъ, нарицаемый Огигїя, гдѣ дщерь пресловутаго Атланта, хитрая и благолѣпная богиня Калипса обитаетъ, и ниже отъ боговъ кто, ниже отъ смертныхъ имѣютъ съ нею обращенїе; но единаго меня злополучнаго привелъ къ ней нѣкїй богъ; зане молнїеносный Дїй сокрушилъ корабль мой, палящъ молнїею посреди чермнаго моря, гдѣ прочїе мои всѣ сопутники погибли въ водахъ; я же на единой дскѣ сокрушен-

крушеннаго моего корабля по пучинамъ пространнаго моря носимъ былъ девять дней, въ девятую же нощь принесли меня боги ко острову Огигіи, гдѣ сія богиня обитаетъ. Она воспріявъ меня со тщаніемъ, питала съ любовію, и обѣщалася содѣлати безсмертнымъ и не старѣющимся во вся дни живота; но сердца моего ни како немогла преклонити. Тамо пребылъ я седмь лѣтъ. Одежды же данныя мнѣ ею всегда омочалъ слѣзами. Наставшу осмому году повелѣла мнѣ по соизволенію Дія, или и сама она тако премѣнила сердце, отъити во отечество; отпустила меня въ караблѣ, много дала пищи, сладкаго вина и одеждъ, послала мнѣ благополучный и безвредный вѣтръ. И тако я седьмьнадесять дней совершалъ путь мой по морю; въ осьмый же надесять день явилися темныя горы земли вашея; тогда возрадовалося злополучное

сердце мое, аки предвѣщая, что еще принадлежатъ мнѣ многія напасти, которыя сотрясающій землю Посидонъ вскорѣ послалъ намя, и пресѣкъ путь мой; ибо пустилъ бурныя вѣтры, возмутилъ морскія воды страшными бурями, и никакимъ образомъ корабль мой немогъ стояти по средѣ обуреваемаго моря; скоро волны разсыпали оной. На конецъ престала буря, я же плаваніемъ спасаяся, вѣтромъ и водою принесенъ былъ къ вашей землѣ, тамо исходящаго мя поверг ла волна на землю, близъ великихъ камней на веселомъ мѣстѣ. Но я возвратяся паки предался плаванію, доколѣ не пришелъ къ рѣкѣ, гдѣ мѣсто было спокойнѣйшее, не имущее камней, и защищенное отъ вѣтровъ; тамо ободрился духъ во мнѣ. На конецъ приближалася тихая нощъ; и я отхожду въ лѣсъ, гдѣ собравъ многія листвія, почилъ между древами, и

богъ

богЪ послалЪ на меня глубокїй сонЪ. Тако ослабѣвшимЪ сердцемЪ спалЪ подЪ листвїемЪ чрезЪ всю нощь до полудня. Уже солнце преклонялося, какЪ сонЪ меня оставилЪ. И се скоро узрѣлЪ я играющихЪ рабынь дщери твоея, сама же между ими подобною богинямЪ являлася. КЪ ней тогда пришелЪ я, и излилЪ предЪ нею моленїе, кое она, аки благое изчадїе, и неотринула; подала мнѣ довольную пищу и сладкое вино; умыла вЪ рѣкѣ, и облекла вЪ сїи одежды. Се тебѣ истинну повѣдалЪ. Алкиной отвѣщалЪ ему: Странниче! Воистинну не благопристойно содѣлала дщерь моя, что купно сЪ рабынями не привела тебя вЪ домЪ нашЪ.

Мудрый Одиссей отвѣщалЪ ему: Великїй царю! Не обвиняй вЪ семЪ невинныя дщери твоея; ибо она повелѣла мнѣ купно сЪ рабынями слѣдовати; но я отЪ того отрекся, боясь дабы не раздражи-

лося сердце твое, когда узриши человѣка странна, идущаго съ юными дѣвицами; подозрѣвающїй бо на земли есть родъ человѣческъ.

Алкиной отвѣщалъ ему: Странниче! Не тако сердце мое съ легкомыслїемъ преклоняется ко гнѣву; честное же всегда прилично. О Дїй! Паллада! и Аполлонъ! Когда бы и ты странниче тоже мыслилъ, что и я; воистинну имѣлъ бы ты дщерь мою въ жену себѣ, и пребывая здѣ нарицался бы моимъ ближайшимъ родственникомъ, далъ бы тебѣ домъ, и многое стяжанїе. [но противу хотѣнїя твоего ни кто тебя здѣ не можетъ удержати: сїе и отцу боговъ Дїю есть противно.] Препровожденїе же тебѣ во отечество воистинну уготоваю заутро: нынѣ убо иди и насладися сномъ; а я мореплавателямъ повелю надзирати тишину времяни, дабы безбоязненно привести тебя въ домъ, кой хотя

и далѣе отстоитъ Еввійскія земли, которая, какъ повѣдаютъ видѣвшіи онную, зѣло въ дальномъ разстояніи лежитъ отъ насъ: возвѣстили мнѣ о семъ наши граждане, кои отвозили царя Радаманѳа, да узритъ Титія, сына земли; и тако они совершили путь сей въ единъ день безъ всякаго труда; и того же дня привезли его паки обратно въ домъ. Познаеши и самъ коль наши легки корабли, и коль искусны гребцы въ мореплаваніи. Тако глаголалъ Алкиной; Одиссей же радуяся духомъ рекъ: Отче Дій! Молю тя, да совершитъ Алкиной все сказанное имъ, и да пронесется имя его по всей земли; я же пріиду во отечество мое.

Тако сіе разглаголствовали; царица же Арита повелѣла рабынямъ, да уготоваютъ ему ложе, кои исполнивъ повелѣнное, зажгли свѣщи, и пришедъ ко Одиссею вѣщаютъ: Востани странниче! Да по-

чїеши; се уже готово тебѣ ложе. Одиссей отшедъ почилъ крѣпкимъ сномъ. Такоже и Алкиной отшелъ во свою ложницу, и съ нимъ купно царица Арита.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Ѳита.

Когда явилася багрянообразная утренняя заря; тогда возсталъ Алкиной, восталъ и Одиссей, и идутъ совокупно къ Феакїйскому собранїю, кое было постановлено близъ кораблей, и пришедши сѣли на камняхъ. Тогда Аѳинская Паллада во образѣ провозвѣстника Алкиноева, идетъ по граду, помышляя како устроити отшествїе Одиссею, тако вѣщая: Феакїйскїе вожди и начальники! Идите на сонмъ, да узрите нѣкоего стран-

ни-

ника, кой заблуждая по морю не давно пришелъ въ домъ Алкиноя царя, образомъ же подобенъ есть безсмертнымъ. И тако возбудила во всѣхъ сердца; наполнилися всѣ стогны и сѣдалища народомъ, и взирали со удивленіемъ на Одиссея, коему тогда Паллада на главу и рамена излила благодать, дабы любезнѣйшій, почтеннѣйшій и величественнѣйшій явился предъ всѣми Феакïанами, и совершилъ подвиги, въ коихъ искуснѣйшими тогда они почиталися. Собравшуся же великому множеству народа, Алкиной начинаетъ тако: Внушите, Феакïйскіе судіи и совѣтники, что возглаголю вамъ: странникъ сей не знаю откуду пришелъ въ домъ мой, отъ восточныхъ или отъ западныхъ народовъ, и проситъ отпущенія въ домъ его; потщимся убо уготовати мы оное; ибо ни кто ни когда не приходилъ въ домъ мой, дабы долго ожидалъ сосле-

за-

зами отпущенія; изведемъ убо новый корабль на море; да взыдутъ на него пятьдесятъ два гребца избранные съ веслами; да уготовится вскорѣ и веселое пиршество; юношамъ сіе повелѣваю. Вамъ же, знаменитые старцы! завѣщаю итти въ домъ мой, да тамо угостимъ страннопришельца сего; да не отречется ни единъ: призовите и пѣвца Димодока, коего Аполлонъ научилъ воспѣвати пѣсни, ко утѣшенію сердецъ нашихъ.

Тако рекши, предшествуетъ; старѣйшины же града за нимъ грядутъ. Тѣмъ временемъ провозвѣстникъ съ поспѣшеніемъ идетъ призвати пѣвца; избранные же пятьдесятъ два юноши по повелѣнію цареву идутъ на брегъ моря къ кораблю, кой вскорѣ изведъ на глубину, утвердили на немъ вѣтрильное древо, привязали вѣтрила, и положили гребла какъ должно, отвели корабль далече на

море.

море. По семъ идутъ къ царю Алкиною, гдѣ всѣ мѣста и преграды наполнялися множествомъ собравшихся мужей: Ммогïе тамо были престарѣлые и младые, для коихъ Алкиной повелѣлъ заклати дванадесять овецъ, осьмь свиней и двоихъ воловъ во уготованïе имъ пиршества.

Тѣмъ временемъ и провозвѣстникъ привелъ пѣвца, коему божественная Муса послала два дара, благïй и злый, сирѣчь, лишила его зрѣнïя; но научила воспѣвати сладостныя пѣсни. Провозвѣстникъ подалъ ему сѣдалище близь столпа посредѣ пиршествовавшихъ; цѣвницу же его повѣсилъ на гвоздѣ, и показалъ, како можетъ онуюосязати руками; предложилъ ему столъ и кошницу съ пищею, такожде чашу съ виномъ, да пïетъ, колико сердце его восхощетъ. Все собранïе простерло руки къ пищѣ. Когда же насытилися вси питïемъ

и

и пищею; тогда божественная Муса возбудила пѣвца, да воспоетъ славу мужей, кои тогда прославилися дѣлами своими до небесъ. Димодокъ воспѣваетъ раздоръ, бывшей нѣкогда между Одиссеемъ и Пелеевымъ сыномъ Ахилломъ: царь же Агамемнонъ радовался сердцемъ, когда первые военачальники Ахейскіе между собою были не согласны; ибо тако Пиѳійскій Аполлонъ предрекъ ему, когда приходилъ къ нему просити отвѣта: и тогда открылося начало злоключеній Данайскихъ и Троянскихъ по произволенію великаго Дія. О семъ тогда воспѣвалъ Димодокъ. Одиссей же слушая сіе проливалъ слезы, покрывъ лице одеждою дабы сокрыти отъ Феакіанъ печаль свою. Когда же переставалъ Димодокъ воспѣвати; тогда и онъ отнималъ ризу отъ лица своего. Алкиной единъ познавъ сіе, сѣлъ близъ его, и паки ус-

услышавъ тяжкїя изпускающаго Одиссея воздыханїя, тако вѣщаетъ: Внушите, Феакїйскїе мужи! Мню, что уже насытилися мы пищею и насладилися пѣнїемъ; нынѣ убо изыдемъ и сотворимъ подвиги, дабы страннопришелецъ сей пришедъ во отечество повѣдалъ тамо, колико мы превосходимъ прочихъ народовъ борьбою, крѣпостїю рукъ, плясанїемъ и бѣганїемъ.

Тако рекши, предшествуетъ; Димодока же взявъ за руку ведетъ на назначенное для подвиговъ мѣсто. Великое множество сильныхъ юношей за царемъ слѣдовало. Тамо возсталъ Акроней, Окїалъ, Елатрей, Навтей, Примней, Анхїалъ, Еретмей, Понтей, Прорей, Ѳоонъ, Анависиней, Амфїалъ сынъ Полинїевъ; возсталъ и Эврїалъ, подобный человѣкоубїйцѣ Арею, кой по Лаодамантѣ возрастомъ и красотою превосходилъ всѣхъ феа-

кїянЪ; возстали такожде и три сыны Алкиноевы, ЛаодамантЪ, Алїй и Клитоней. Сїи первые начали подвигЪ отЪ положеннаго мѣста бѣганїемЪ; и возносится аки прахЪ отЪ вѣтра по всему полю: по семЪ начали борьбу, вЪ коей побѣдилЪ всѣхЪ ЭврїалЪ; вЪ плясанїи же явился искуснѣйшїй паче всѣхЪ АмфїалЪ; вЪ мѣтанїи круга сильнѣйшїй ЛаодамантЪ, сынЪ АлкиноевЪ. Когда же вси насытилися сими забавами, ЛаодамантЪ вѣщаетЪ: Други мои! ПопросимЪ и сего страннаго, ежели знаетЪ какїй подвигЪ, надѣяся или на крѣпкїя рамена, или на бедра, или на твердость рукЪ, или на непоколебимую силу выи, но мню что юность его измождена многими напастьми; ибо не уповаю, дабы вящшее какое зло могло привести человѣка вЪ безсилїе, какЪ море, кое и самаго крѣпчайшаго мужа сокрушаетЪ. ЭврїалЪ отвѣ-

вѣщалъ ему: Истинну повѣдалъ ты, Лаодамантъ! Иди убо и глашай его самъ. Лаодамантъ, ставъ предъ Одиссеемъ, вѣщаетъ: Странниче! Повѣдай намъ, въ какихъ ты искусился подвигахъ? Ибо воистинну прилично тебѣ знати оные; зане нѣсть вящшїя славы человѣку въ жизни его, какъ показати твердость рукъ и ногъ своихъ; отгнавъ убо печаль отъ сердца, иди испытати силы твои; отшествїе же твое во отечество уже близко есть; зане и корабль изведенъ уже на море и сопутники готовы.

Одиссей отвѣщалъ ему: Лаодамантъ! Что мя искушаете съ посмѣянїемъ? Болѣзни сердце мое, а не подвиги объемлютъ. Прежде я неизчетныя претерпѣлъ напасти, и много зла пострадалъ; нынѣ же сижу въ вашемъ собранїи, отпущенїя требуя, о коемъ прошу царя и весь народъ сей. Эврї-

алъ, отвѣщая ему, съ явнымъ посмѣянїемъ, рекъ: Странние! Зрю что ты лѣниву мужу подобенъ, и ни какїе подвиги тебѣ суть несвѣдомы, какїе токмо между людьми обрѣтаются; но мню, что ты изъ тѣхъ корабленачальниковъ, кои преплаваютъ море, желая обрѣсти пользу отъ единаго купечествованїя.

Одиссей воззрѣвъ на него свирѣпымъ окомъ, рекъ: Юноше! Не праведно вѣщаеши; и зрю, что ты подобенъ мужу строптивоязычну. Боги не всѣмъ равно раздѣляютъ дары свои. Иной лицемъ неблаголѣпенъ есть, но Богъ наградилъ его краснорѣчїемъ; иные взираютъ на лице его со отвращенїемъ, а другїе слушаютъ мудрыхъ и кроткихъ словесъ его со удивленїемъ и сладостїю, и во всѣхъ собранїяхъ чудное нѣчто услышати отъ него уповаютъ. Когда же шествуетъ по граду, вси на него взираютъ

аки

аки на важнаго мужа. Иной паки благолѣпіемъ лица подобенъ есть безсмертнымъ; но сладости словесъ нималѣйшія не имѣетъ: Тако и твоего лица лѣпота зрится аки безсмертная; разумъ же твой исполненъ есть строптивости. Ты раздражилъ сердце мое буйствомъ языка твоего; но вскорѣ познаеши, что подвиги ваши давно мнѣ суть извѣстны; и уповаю, что былъ бы я первый между вами, доколѣ надѣялся бы на крѣпость рукъ своихъ; нынѣ же одержимъ есмь лютѣйшими болѣзньми, кои понесъ я на бранѣхъ противъ крѣпчайшихъ мужей и на свирѣпомъ морѣ. Но и при всѣхъ сихъ злоключеніяхъ испытаю подвиги ваши; зане не воздержный языкъ твой зѣло раздражилъ болѣзненное мое сердце.

Рекши сіе, во всей одеждѣ устремился, и со гнѣвомъ восхищаетъ камень, много большій и тягчайшій того, коимъ Феакіане

играли. Одиссей удобно вращая его нѣсколько времени аки коло въ рукахъ, твердыми раменами мещетъ зѣло далече, и премѣтаетъ всѣ феакїйскїя цѣли. Паллада же во образѣ мужа поставила знаменїе, гдѣ теченїе камня остановилося: и тако вѣщаетъ къ Одиссею: Странниче! Се и слѣпый можетъ осязанїемъ познати знаменїе сїе; зане оно далече зѣло отстоимъ отъ прочихъ: Ты же дерзай и уповай на подвиги; ибо ни единъ отъ феакїянъ къ сему мѣсту не достигнетъ. Тако рекла Паллада. Одиссей возвеселимь сердцемъ познавъ, что столь благопрїятствующаго себѣ видѣлъ друга, и къ Феакїянамъ тако вѣщалъ: Вы нынѣ вергните камень сей; я же и другїй тягчайшїй перваго пущу отъ рукъ моихъ; идите убо и испытайте силы ваши со мною; ибо зѣло вы меня раздражили: испытайте, реку,

или

или руками, или борьбою, или бѣганїемъ; не отрекуся отъ всѣхъ феакїянъ, кромѣ единаго Лаодаманта, зане страннопрїемникъ мой онъ есть: кто же со другомъ восхощетъ прѣнїе имѣти? Буй есть тотъ мужъ и ни въ чемъ не смысленъ. --- Отъ прочихъ же мужей не отрицаюся; да и подвиги всѣ хощу предъ вами показати, какїе токмо на земли между людьми обрѣтаются. Первый бїя стрѣлою моею, желаннаго достигнулъ мужа, во множествѣ враговъ сопротивныхъ, хотя и многїе защищали его со воинственники, и напрягали луки свои на мя; единъ токмо Фелоктитъ превосходилъ меня въ стрѣлянїи на Троянской брани: прочихъ же всѣхъ нынѣ сущихъ, и хлѣбомъ питающихся на земли мужей уповаю побѣдити. Но со древними людьми не хощу прѣтися, ниже со Ираклїемъ, ниже со Евритомъ Ихалїйскимъ, кои

 дерз-

дерзнули даже съ богами во искусствѣ стрѣлянія преніе имѣти, зачто великій Евритъ, не достигнувъ старости вскорѣ умеръ; ибо раздраженный Аполлонъ за то, что вызывалъ его на подвигъ стрѣлянія, умертвилъ его. Похвалюся такожде и мѣтаніемъ копія, елико ни кто инный не похвалится стрѣлою. Единаго токмо бѣганія боюся, дабы кто отъ Феакіанъ не побѣдилъ мя; ибо зѣло въ волнахъ морскихъ изнуренъ есмь, да и пища зѣло малая въ кораблѣ была; и потому несказанно ослабѣла твердость колѣнъ моихъ.

Тако рѣкъ Одиссей; и всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи, единъ Алкиной отвѣщалъ ему: Пріятно есть намъ слушати словеса твоя, когда желаеши показати храбрость твою за то едино, что тебя Феакійскій мужъ раздражилъ на подвигѣ, уничтожая крѣпость твою,

коя

коя всякаго бы смертнаго удивила. Но внуши и мои глаголы, да повѣдаеши прочимъ героямъ, когда будеши въ домѣ твоемъ пиршествовати съ женою и чадами твоими, воспомяни тамо и о нашемъ знанiи, какiя всесильный Дiй намъ предоставилъ отъ древнихъ временъ и предковъ; ибо не уповаемъ мы на твердость рукъ, ниже похвалимся борьбою; но единымъ лѣхкимъ и скорымъ бѣганiемъ, такожде быстрымъ плаванiемъ по морю въ корабляхъ; всегда обращаемся въ пиршествахъ, въ пѣнiи, въ веселыхъ ликованiяхъ, въ премѣненiи драгихъ тончайшихъ одеждъ, въ теплыхъ баняхъ, и почиваемъ на мягкихъ ложахъ. Вы же Феакiяне, начните нынѣ плясанiе, да страннопришелецъ сей возвратився во свое отечество пронесетъ о васъ всюду благую славу; такожде колико превосходимъ прочихъ въ знанiи мореплаванiя, бѣганiя, плясанiя и

 пѣнiя;

пѣнія: Димодоку же скоро принесите отъ дому моего цѣвницу.

Тако рекъ Алкиной; и абіе провозвѣстникъ возставъ идетъ въ домъ царевъ. Жребіемъ же избранные юноши, девять начальниковъ игръ, очистили мѣсто для плясанія. Тѣмъ временемъ провозвѣстникъ принесъ цѣвницу Димодоку, изшедшему со оною на средину; окрестъ же его стали младые юнощи, изученные искусству всякаго плясанія; и уже мгновеннымъ движеніемъ возбуждали свои ноги. Одиссей со изумленіемъ удивлялся, взирая на приуготовленіе ногъ ихъ. Димодокъ началъ воспѣвати о любови Арея и златовѣнчанной Афродиты; вопервыхъ како они другъ ко другу пылали любовію въ дому Ифестовомъ, како скоро возвѣстило ему всевидящее солнце о семъ. Ифестъ услышавъ горестное возвѣщеніе, течетъ съ поспѣшеніемъ во свою

куз-

кузницу, сокрывая во глубинѣ сердца великое мщенie; утверждаетъ наковальну, сооружаетъ не преломныя и не разрушимыя оковы; содѣлавъ хитрость сiю, спѣшитъ въ чертогъ свой, гдѣ стояло ложе его, тамо распростираетъ надъ нимъ сѣть сiю, кою никто отъ боговъ не могъ видѣти; ибо тончайшая была паче тенетъ паука; устроивъ ухищренie сie, притворяется идущимъ во островъ Лимнъ. Арей познавъ о его отшествiи, ускоряетъ ити въ домъ его, желая насладитися любовiю Афродиты, коя токмо что пришла отъ всесильнаго отца своего Дiя, и сидя покоилася. Тѣмъ временемъ входитъ въ чертогъ неистовый Арей, и взявъ за руку ее вѣщаетъ: Идемъ, возлюбленная моя! Возвеселимся; ибо нѣсть нынѣ въ домѣ царя Ифеста, но отшелъ далече во островъ Лимнъ къ Синтiйскимъ жителямъ.

Тако рекъ Арей: равно не противно было и Афродитѣ съ нимъ веселитися. Когдаже вошли въ особенный покой, тогда сѣти Ифестовы начали расширятися надними, яко ни како не могли они ни двигнутися, ни возстати съ мѣста. Тогда познали явно, что нѣсть надежды ко избѣжанїю. И се возвратился знаменитый Ифестъ, не дошедъ Лимна; ибо солнце созерцая дѣла ихъ, возвѣстило о всемъ ему; онъ течетъ скоро въ домъ съ раздраженнымъ сердцемъ, и ставъ въ преддверїи страшно возопилъ на небо, и гласъ его услышали вси боги. Отче Дїй, и вы вси присносущные боги! Прїидите, да узрите смѣхотворныя и нестерпимыя дѣла; како мнѣ хромцу Афродита, дщерь Дїева, содѣлала поношенїе! Се любитъ зловреднаго Арея за то, что онъ красенъ лицемъ и здравъ ногами, яже безсиленъ есмь: вина же сему есть

родившїй мя: зрите, како они наслаждаются любовїю, я же терзаюся сердцемъ. Но уповаю, что отнынѣ не восхотятъ умножати студа мнѣ; зане отъ сѣтей сихъ не возмогутъ свободитися до толѣ, доколѣ отецъ возвратитъ все вѣно, кое мною дано ему за дщерь его.

Тако рекъ; и абїе вси боги собралися къ мѣдяному дому царя Ифеста. Пришелъ туда Посидонъ, и Ермїй со Аполлономъ. Богини же пребывали въ своихъ чертогахъ. Прочїе боги ставъ въ преддверїи, воздвигли велїй смѣхъ, взирая на хитрость мудраго Ифеста, и тако нѣкто отъ нихъ рекъ: не всегда съ успѣхомъ происходятъ злыя дѣла; иногда и хромый постигаетъ ногами крѣпкаго, какъ нынѣ Ифестъ уловилъ Арея, быстрѣйщаго паче всѣхъ боговъ.

Тако между собою разглагольствовали боги: и Аполлонъ ко Ермїю

мїю рекъ: Вѣстниче боговъ! Восхощеши ли отнынѣ въ сихъ крѣпкихъ узахъ почивати на ложѣ со златозарною Афродитою? Ермїй отвѣщалъ ему: О когда бы сїе мнѣ случилося, царь Аполлонъ! и хотя бы сїи не разрѣшимыя узы еще крѣпче устроилися, вы бы всѣ боги и богини узрѣли, что не отрѣкся бы я почити со златою Афродитою.

Тако рекъ: и вси велїй смѣхъ воздвигли. Единъ токмо Посидонъ не смѣялся, и многажды просилъ Ифеста, дабы разрѣшилъ любящихся, тако вещая: Разрѣши, молю тя, Арея и Афродиту отъ оковъ твоихъ; я же сотворю тебѣ воздаянїе, какое требуеши предъ всѣми богами.

Ифестъ отвѣщалъ ему: не сотворю сего; трудно бо есть получити обѣщанное, когда не можно стати противу поручителя, како могу я тебя связати, толи-

ко

ко сильнаго между безсмертными? Посидонъ отвѣщалъ ему: Когда Арей утечетъ, не сотворивъ тебѣ воздаянія; то я все сіе тебѣ воздамъ. Ифестъ рекъ ему: Не прилично будетъ отринути твое моленіе. Сіе сказавъ, разрѣшилъ отъ узъ связанныхъ. Узники получивъ свободу, скоро разлучилися: единъ отшелъ во Ѳракію, Афродита же во островъ Кипръ и Пафъ, гдѣ стоитъ дубрава отъ древесъ благовонныхъ, ей посвященная. Тамо хариты умывъ владычицу свою, намазали безсмертнымъ елеемъ, облекши во свѣтлыя одежды.

Сіе Димодокъ воспѣвалъ: Одиссей и прочіе всѣ со услажденіемъ слушали. Посемъ Алкиной повелѣлъ Алію и Лаодаманту подвиги показати; ибо никто ихъ немогъ въ игрѣ побѣдити. Единъ изъ нихъ пріявъ мячь, пустилъ зѣло высоко; а другій поднявся отъ земли

вверхъ,

вверхъ, восхищалъ его низпадающаго, доколѣ ногами къ землѣ прикоснется. Тогда Одиссей ко Алкиною рекъ: Царю! Воистинну есть праведно твое обѣщанїе; со изумленїемъ бо взираю на искусство сихъ юношей.

Тако ему рекшу, Алкиной радуяся сердцемъ, вѣщаетъ къ феакїаномъ: Внушите, вожди Феакїйскїе и князи! Странный гость сей зрится мнѣ быти премудръ; дадимъ убо ему страннопрїемные дары; зане дванадесять знаменитыхъ царей владычествуете надъ симъ народомъ; я же есмь третїйнадесять: принесите убо каждый отъ дому своего едину свѣтлую одежду, и единъ талантъ чистаго злата; и все сїе собравъ, отнесите въ домъ мой, да гость сей пиршествуетъ съ нами радостною душею. Эврїалъ пусть самъ примирится съ нимъ словами и дарами;

ми; ибо зѣло не прилично раздражилъ его.

Тако рекъ царь, и вси похвалили глаголы его. Посемъ повелѣли провозвѣстнику уготовати дары. Но Эвріалъ отвѣщая, рекъ: Царю Алкиное! Симъ мечемъ по повелѣнію твоему хощу отъ него приобрѣсти примиреніе. Онъ весь есть мѣдянъ, рукоятіе его сребреное, а влагалище отъ кости слоновой. Сіе вѣщая, вручаетъ оный Одиссею, рекши тако: Радуйся, странный отче! Ежели слово какое противно сказано, да восхитятъ вскорѣ вихри на воздухъ; тебѣ же да подадутъ боги благополучно возвратитися во свою отчизну, и узрѣти искреннихъ своихъ; зане многое время отлученъ отъ нихъ страждеши злая.

Радуйся и ты, возлюбленное чадо! Одиссей отвѣщалъ ему, боги да подадутъ и тебѣ вся благая; меча же сего не имѣй отселѣ желa-

ланїя видѣти въ рукахъ твоихъ, когда его во знаменїе примиренїя мнѣ отдалъ. Рекъ сїе, и абїе препоясуетъ его.

Солнце уже сокрылося тогда, когда знаменитые дары приносимы были въ домъ Алкиноевъ, коего сыны положили ихъ близь матери своея. Собравшимся же всѣмъ, Алкиной ко Аритѣ вѣщаетъ: принеси сѣмо драгоцѣнный ковчегъ, и тамо вложи свѣтлую и чистую одежду; повели уготовати огнь, и возложити на него котелъ съ водою, да измовенный узритъ всѣ дары, Феакїанами принесенные; и да насладится пиршествомъ и пѣнїемъ. Я же ему въ знакъ моея дружбы подарю сїю златую чашу, да воспоминаетъ о мнѣ во вся дни, пїя изъ нее въ честь великаго Дїя и прочихъ боговъ въ дому своемъ.

Тако рекъ: и абїе царица повелѣла рабынямъ уготовати теплую воду; сама же принесла отъ

чер-

чертога своего драгїй ковчегъ, въ кой вложила принесенныя Феакїанами одежды, злато и свои двѣ ризы, тако ко Одиссею вѣщая: Самъ тогда имѣй о немъ смотрѣнїе, когда путь воспрїимеши, дабы кто не сотворилъ тебѣ обиды, когда крѣпкїй сонъ на кораблѣ тебя обьиметъ. Вскорѣ по семъ Одиссей заключилъ ковчегъ; а Арита повелѣла рабынямъ умыти его: Одиссей съ радостїю повинулся сему; ибо многое время не наслаждался теплою мыльницею, отнелѣже оставилъ островъ прекрасныя Калипсы. Рабыни умывъ Одиссея, облекли въ чистыя одежды. Онъ же изшедъ отъ бани, грядетъ къ пиршествующимъ мужамъ. Тогда Навсикая, дщерь Алкиноева, стоя при прагѣ, и воззрѣвъ на идущаго Одиссея, удивилася величеству лица его, и тако вѣщаетъ: Радуйся странниче! Когда прїидеши во отечественную землю,

воспомяни и о мнѣ, что ты за спасенїе жизни твоея долженъ мнѣ воздаянїемъ. Одиссей отвѣщалъ ей: Великодушная дщи великодушнаго царя Алкиноя! Да подастъ мнѣ облакодвижитель Дїй видѣти отечество мое и домъ! Воистинну не престану приносити во вся дни тебѣ благодаренїе; ибо ты, любезная дщи, сохранила животъ мой. Рекъ, и абїе сѣлъ на сѣдалищѣ близъ царя Алкиноя. Пиршествующїе тогда уже мяса раздѣляли, и мѣшали вино. Тѣмъ временемъ провозвѣстникъ привелъ пѣвца Димодока, коего и посадилъ посредѣ всѣхъ близъ стола. Одиссей вѣщаетъ провозвѣстнику: Прїими сїю тучную свинаго мяса часть, и подаждь Димодоку даястъ; ибо всѣ пѣвцы на земли въ великомъ суть у людей почтенїи и любви; зане сама божественная Муса ихъ научила пѣнїю. Провозвѣстникъ повинуяся Одиссею, подалъ

мясо

мясо Димодоку пріявшему оное со удовольствіемъ.

Когда пищею и питіемъ вси насытилися, Одиссей паки вѣщаетъ къ пѣвцу: Паче прочихъ смертныхъ достоинъ еси ты хвалы: воистинну или Муса, или самъ Аполлонъ научили тебя пѣнію; ибо зѣло красно повѣствуеши о всѣхъ дѣяніяхъ и трудахъ Ахейскихъ, аки самъ тамо былъ, или отъ кого слышалъ. Нынѣ убо молю тя, воспой о уготованномъ тогда древяномъ конѣ, коего устроилъ хитростный Эпей при помощи Паллады, и коего Одиссей ввелъ внутрь Троянской твердыни, посадивъ въ него храбрѣйшихъ Ахейскихъ мужей, опровергшихъ стѣны Иліискія. Когда о семъ мнѣ праведно возвѣстиши, воистинну славу о тебѣ пронесу по всей земли, колико наградилъ тебя Богъ знаніемъ пѣнія.

Димодокъ повинувся ему, уго-

шовалЪ цѣвницу, и началЪ пѣнїе оттуду, како АхеанЕ возшедЪ на корабли, ошшли отЪ бреговЪ, оставя на оныхЪ многїя горящїя огни; прочїе же со ОдиссеемЪ сокровенны сидѣли внутрь коня, коего сами Трояне вовлекли внутрь твердыни; какїя совѣщанїя о немЪ полагали; иные совѣтовали разсѣщи его на части; другїе возвести на высоту горы, и низринути вЪ морѣ; нѣкїи утверждали оставити его, аки велїе чудо для умилостивленїя боговЪ, при коемЪ мнѣнїи вси утвердилися; ибо судьбою опредѣлено было, дабы погибнути граду сему отЪ онаго чуднаго коня. ПосемЪ воспѣвалЪ, како градЪ сей вконецЪ раззоренЪ былЪ; како Одиссей сЪ МенелаемЪ взошли вЪ домЪ Дїифова, и коликую сотворили тамо сѣчу при вспоможенїи Паллады.

О семЪ воспѣвалЪ ДимодокЪ: Одиссей же терзался сердцемЪ и проли-

проливалъ слезы, аки жена плачетъ о возлюбленномъ своемъ супругѣ, кой предъ градомъ и народомъ палъ мертвъ, защищая чадъ своихъ и весь градъ отъ грядущаго гнѣва сопротивныхъ; тогда она видя, или умирающаго, или еще трепещуща-го отъ смертоносныя язвы, жалостно надъ нимъ рыдаетъ и стенетъ; тако Одиссей плакалъ, воспоминая прежднїе труды, чего никто не могъ познати, кромѣ единаго Алкиноя, кой сѣдши близь его вѣщаетъ къ Феакїанамъ: Вожди и совѣтники Феакїйскїе! Повелите Димодоку престати отъ цѣвницы; зане, какъ мню, не всѣмъ есть во утѣшенїе пѣнїе его; ибо отнелѣже начали мы вечеряти, а Димодокъ пѣнїе свое, странный сей гость не преставалъ плакати: да престанетъ убо отъ пѣнїя, и мы сами собою начнемъ веселитися; ибо для сего мужа уготовано все сїе ликованїе и дары:

 тебя

тебя же о чемъ вопрошу, повѣдай мнѣ, молю тя, истинну: Скажи мнѣ имя, данное тебѣ отъ родителей твоихъ; зане нѣсть ни единаго человѣка безъ имяни; ибо едва токмо родится кто, абіе нарицается оное: возвѣсти намъ землю твою, градъ и народъ, да отвезутъ тя на желаемое мѣсто корабли наши; поелику Феакіане не имѣютъ на корабляхъ своихъ ни кормчіевъ, но сами разумомъ своимъ постигаютъ намѣренія людей; имъ свѣдомы всѣ грады и поля; зѣло скоро преплаваютъ воды морскія; и ниже единожды приключилося, дабы когда отъ мрака морскаго заблудили или погибли. Отецъ же мой Навсиѳой повѣдалъ мнѣ, что царь Посидонъ огорчается на насъ за то, что мы имѣемъ путеводителей зѣло совершенныхъ: повѣдалъ также и сіе, что онъ обѣщался корабль нашъ, возвращающійся отъ препровожденія, по-

погубити среди волнЪ морскихЪ; а окрестЪ града сего воздвигнути гору высочайшую. Сіе возвѣстилЪ мнѣ престарѣлый родитель мой, но сотворитЪ ли сіе Дій, или оставитЪ? ВЪ его состоитЪ волѣ. Повѣдай убо намЪ истинну, молюшя, вЪ какихЪ заблуждалЪ шы земляхЪ? ВЪ какихЪ былЪ градахЪ? Какіе видѣлЪ народы? Гдѣ люди благодѣшельны, страннопріемны и боятся бога? Гдѣ вопреки сего безчеловѣчны, звѣроподобны и неправедны? Рцы намЪ, о чемЪ шы плакалЪ? И что тогда помышлялЪ, когда слушалЪ воспѣваемыя труды и напасти Ахейскіе; такЪ же о проверженіе ИліанскихЪ стѣнЪ? Боги тако благоустроили, дабы градЪ сей принялЪ конечную пагубу; да и всѣ потомственныя времена о семЪ воспоминаютЪ. Или кто отЪ твоихЪ ближайшихЪ родственниковЪ палЪ мертвЪ предЪ градомЪ симЪ? Или нѣ-

нѣкто отъ возлюбленныхъ друговъ, превосходившей премудрыми совѣтами даже единоутробнаго брата?

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Іота.

Добродѣтельный Одиссей отвѣщалъ Алкиною: Препрославленный царю! Воистинну пріятно есть слушати такого пѣвца; ибо уповаю, что нѣтъ ничего восхитительнѣе въ жизни видѣти весь народъ веселящійся, и ликованія сопровождаемыя сладкопѣніемъ, столы наполненные мясами и хлѣбомъ, вино со изобиліемъ изливаемое въ сосуды, и раздаемое всѣмъ полными чашами. Сіе мнѣ величайшимъ увеселеніемъ зрится быти; и се приближилося время открыти плачевныя свои злоключенія, къ вящ-

шей болѣзни сердца моего: имя мое есть Одиссей, извѣстный всѣмъ земнороднымъ ради чудныхъ ухищренїй; ибо слава о мнѣ небезъ касается. Обитаю во знаменитой Иѳакѣ, въ коей есть славная гора Ниритъ, многими древами украшенная, и окрестъ коея находятся островы, Дулихїй, Самъ, и Закинѳъ. Иѳака соединяется съ твердою землею, и лежитъ на сѣверъ; а оные острова на востокъ и полдень. Страна моя хотя каменистa и малоплодна; но народъ въ ней крѣпокъ: и нѣсть земли ея прїятнѣе. Здѣ мое отечество, градъ и домъ. Колико богиня Калипса и богиня Кирка отъ сего сладчайшаго и любезнѣйшаго моего жилища ни тщилися мысль мою отвратити; но ни когда не возмогли того учинити. И тако нѣсть въ свѣтѣ ничего прїятнѣе страны отечественныя и родителей. Нынѣ внуши плачевное мое отъ Трои

воз-

возвращенїе: оставивъ Троянскїе брега, принесены мы были къ рѣкѣ Исмару, къ народу нарицаемому Киконы. Тамо раззоривъ градъ, предалъ всѣхъ смерти; женъ же и вся стяжанїя раздѣлили по себѣ. По семъ повелѣлъ я скоро оттуду моимъ сопутникамъ бѣжати; но они не повинувся моимъ совѣтамъ, начали закалати овецъ и воловъ, и съ жадностїю вино пити. Киконы же разсѣянные отъ страха, скоро возвѣстили сосѣдамъ своимъ, кои обитали на твердой землѣ, и были множайшїи и крѣпчайшїи, изучены на коняхъ и пѣшїе брань творити. Абїе вси собрадися въ несчетномъ множествѣ, аки листвїе во время весны; тогда воистинну великїй гнѣвъ Дїевъ низлился на насъ; ибо они притекши къ кораблямъ нашимъ, содѣлали жестокую сѣчу, поражая насъ мѣдными копїями. Доколѣ было утро и продолжался день, дотолѣ

лѣ могли мы стояти противу ихъ множества: когда же день началъ преклоняться къ вечеру, тогда Киконы преодолѣли Ахеянъ; и от каждаго корабля погибло оныхъ шесть. Оттуда пускаемся далѣе съ печальнымъ сердцемъ; но радуяся, что сами спаслися отъ смерти. Погоняющїй облаки Дїй послалъ кораблямъ нашимъ свирѣпый вѣтръ съ жестокою бурею, море и землю покрывъ мрачными облаками, якобы нощь отъ неба низпала. Корабли разсѣялися всюду; вѣтрила на три и на четыре части силою вѣтра растерзаны: но мы собравъ ихъ положили въ хранилища; корабли же отвели къ твердой землѣ, гдѣ пребыли два дни и двѣ нощи, изнемогая отъ трудовъ и печали.

Когда же въ третїй день заря явилася; тогда мы утвердивъ древа къ щегламъ привязуемыя, и распростерши вѣтрила, паки

ялися плаванїю. ВѢтрЪ и кормчїи управляли кораблемЪ нашимЪ: и воистинну тогда пришелЪ бы я безвредно во свою отчизну: но волны и вѢтрЪ борей, при Малейскихъ островахЪ, отгнали насЪ кЪ КиѳирѢ. Девять дней тамо носимы были вѢтрами, и вЪ десятый достигли земли ЛотофаговЪ. Тамо изшедЪ на брегЪ, наполнили мѢхи свѢжею водою, и укрѢпилися пищею. ПотомЪ послалЪ я двоихЪ избранныхЪ своихЪ сопутниковЪ и провозвѢстиика испытати, какїе тамо обитаютЪ народы. Они пришедЪ вЪ землю сїю познали, что народЪ сей ни какого зла не помышляетЪ имЪ содѢлати, и нарицается отЪ нѢкоего сладчайшаго плода, *Лот*Ъ зовомаго, кой ежели вкусишь, абїе забудешь отечество свое, и не восхощешь возвратитися во оное; но тамо навсегда сЪ Лотоядцами останешься. СопутниковЪ моихЪ я силою оттy-

туду извлекЪ, и связавЪ посадилЪ на сѣдалищахЪ корабельныхЪ, и повелѣлЪ прочимЪ скоро отрѣшивЪ корабли вдатися плаванiю, боясь, дабы и послѣднiе не прикоснулися онаго. Оттуду приходимЪ вЪ землю кичливыхЪ и жестоковыйныхЪ КиклоповЪ, кои надѣяся на боговЪ, ни сѣютЪ, ни разводятЪ; но сама земля неоранная и не воздѣланная приноситЪ имЪ всякiе плоды, пшеницу, жито и вино: и Дiй посылаетЪ на онyю дождь ко плодородiю. Они не имѣютЪ ниже собранiй, ниже законовЪ; обитаютЪ на высотахЪ горЪ, во глубинахЪ пещерныхЪ; и каждый даетЪ уставЪ токмо вЪ дому своемЪ женамЪ и дѣтямЪ, не имѣя вовсе о взаимствѣ помышленiя. ОстровЪ отЪ пристанища простирается кЪ землѣ КиклоповЪ не великЪ, не зѣло далече и не близко; наполненЪ весь лѣсомЪ; безчисленное множество нахо-

ходится тамо сернъ; ибо не препятствуютъ ихъ умноженію ни прихожденіе людей туда, ниже насиліе ловцовъ. Вся, говорю, сія земля пребываетъ не воздѣлываема, питая единыхъ токмо козъ. Киклопы ни кораблей, ни древодѣлей, ни сообщенія со инными народами не имѣютъ. Земля ихъ могла бы приносити всякіе плоды и зелія; зане суть тамо орошенныя и влажные луга: паче всего были бы тамо во изобиліи зеленѣющія виноградныя лозы; земля для сѣянія тучна и глубока; пристанище толь спокойно, яко не надобно метати котвъ, или верьвями укрѣпляти: и когда кто пристанетъ ко оному, безъ всякаго страха пребывати возможетъ, елико восхощетъ, и доколѣ вѣтры благопоспѣшны явятся: при входѣ во пристанище течетъ вода свѣтлая, коея источникъ скрывается въ пещерѣ. Здѣ пристали мы, и нѣкій богъ былъ намъ путеводи-

водителемъ въ нощи темной; ибо распространялся тогда окрестъ кораблей нашихъ мракъ густый, и луна свѣтъ свой скрывала; зане все небо исполнено было облаками, яко не могли мы ниже острова видѣти. Когда пригнали мы корабли свои; тогда изшедъ на брегъ моря, собрали всѣ вѣтрила, и опочили сномъ сладкимъ, лучезарныя зари ожидая.

Когда явилася денница, тогда возставъ мы, входимъ внутрь острова, и удивляемся всему. Нимфы же, дщери Дїевы, гласомъ своимъ возбудили горныхъ сернъ; и абїе прїемлемъ луки и копїя, и раздѣлився на три части, пускаемъ стрѣлы, и богъ послалъ намъ обильную ловитву. Всѣхъ тогда находилося при мнѣ дванадесять кораблей, изъ коихъ каждый получилъ себѣ въ добычу по девяти козъ; мнѣ же единому дали десять. И тако весь оный день до захождения

нїя солнца препроводили мы, ядя многїя мяса, и пїя сладкое вино, коего со изобилїемъ взяли при раззоренїи града Киконовъ. По семъ простираемъ взоръ къ земли Киклоповъ, кои не далече отъ насъ были, видимъ возходящїй дымъ, и слышимъ шумъ ихъ и блеянїе овецъ и козъ. По захожденїи солнца наслаждалися сиомъ на брегѣ моря. Когда златозарная денница явилася; тогда я собравъ моихъ сопутниковъ, рекъ имъ: Все вы пребудьте здѣсь, возлюбленные други! Я же на кораблѣ своемъ, съ моимъ сотрудникомъ, пойду и испытаю, какїе обитаютъ здѣ мужи? Обидливы ли, строптивы и неправедны? Или страннопрїемны и благодѣтельны? Тако рекши, возшелъ на корабль мой съ своими сопутниками. Приставъ же ко брегу, и изшедъ изъ корабля, узрѣли при морѣ высокую пещеру, огражденную лаврами, гдѣ великое множество

ство находилося воловъ, овецъ и козъ, близь коея стояло высокое зданiе, устроенное отъ изсѣченнаго каменiя, отъ соснъ и дуба. Здѣ обиталъ чудный мужъ, кой стада свои пасъ далече отъ прочихъ, и ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщенiя; ибо то было чудовище страшное, и ниже подобное человѣку хлѣбъ ядущему; но верху высокихъ горъ, высотою своею отъ прочихъ отличающемуся. Тогда повелѣлъ я сопутникамъ моимъ пребывати при кораблѣ: самъ же избравъ дванадесять мужей, и взявъ мѣхъ краснаго сладкаго вина и нѣсколько пищи, иду въ домъ того чуднаго, крѣпкаго и не знающаго законовъ ниже истинны мужа. Вскорѣ приближилися мы къ пещерѣ, гдѣ самаго его не обрѣли; ибо пасъ стада свои на тучной пажити. Стоя внутрь пещеры, удивляемся сосудамъ, полнымъ сыра; стойла наполнены были агн-

цами и козлами, и заключены особо: младыя пребывали въ единомъ, а старыя въ другомъ мѣстѣ. Тогда сопутники мои молили мя, дабы взявъ нѣколико сыровъ, и похитивъ отъ стойлъ козловъ и агнцевъ, возвратитися къ кораблю, и спасатися плаваніемъ: но я не повинулся, [воистинну полезнѣе было бы повинутися] и не хотѣлъ отъити, доколѣ самаго не узрю, и не восприиму отъ него дары и угощеніе. И тако возжегши мы огнь пребывали въ пещерѣ, и яли сыръ, ожидая его пришествія. И се идетъ съ шумомъ страннопріимецъ нашъ, неся невѣроимную тяжесть сухихъ дровъ, кои повергъ на земли пещеры съ ужаснымъ стукомъ; мы же устрашенные разсѣялися всѣ по угламъ. Онъ пригнавъ насыщенныхъ козъ доилъ по ряду; овновъ же и козловъ оставилъ внѣ ограды. По семъ устіе пещеры заградилъ великимъ камнемъ, коего ниже два-

десять

десять двѢ колесницы твердыя могли бы отЪ земли подьяти. Млека едину часть оставилЪ на заквашенїе, а другую разлилЪ вЪ сосуды для питїя во время вечера. Когда всѢ сїи дѢла окончилЪ, возжегши огнь, вопросилЪ насЪ: Странники! Кто вы есте? Откуду преплаваете море? Куплю ли дѢете, или безумно странствуете, нарицаяся разбойниками, кои животЪ свой предаютЪ великимЪ напастямЪ?

Тако рекЪ; наши же сердца отЪ страха содрогнулися, слыша ужасный гласЪ его, и видя самое чудовище: но при всЪмЪ томЪ дерзнулЪ я отвѢщати ему: РодомЪ мы Ахеане, возвращаемся отЪ Трои, ищемЪ вЪ домы пути, заблуждаемЪ по морю, бывЪ разсѢяны повсюду, и нарицаемся воины царя Агамемнона, коего слава до небесЪ простирается. Тебя же молимЪ со смиренїемЪ, припадая кЪ

стопамъ твоимъ, да подашь намъ даръ угощенія, какой есть приличенъ страннымъ, и воздаждь славу богамъ: мы же твои раби есмы. Великій Дій есть сильный мститель за странныхъ и требующихъ помощи.

Тако мнѣ рекшу, отвѣщалъ жестокимъ сердцемъ: Несмысленъ, зрю, еси странниче! Когда боговъ твоихъ совѣтуеши мнѣ боятися и почитати; не знаютъ бо Киклопы вашего Дія, козою воспитаннаго; ниже на прочихъ они взираютъ; зане сами есмы много превосходимъ ихъ. Не устрашуся я гнѣва Діева, и не пощажу тебя, ниже сопутниковъ твоихъ, когда душа моя возжелаетъ погубити васъ: Но повѣдай мнѣ, гдѣ стоитъ корабль твой? Далече ли отсюду?

Тако рекъ искушая; но я познавъ лесть его, отвѣщалъ ему лукавными словами: Сотрясающій

землю

землю царь Посидонъ сокрушилъ его о камни близъ земли вашей; насъ же вѣтръ принесъ сѣмо, и тако избѣжали мы пагубы.

Тако рекъ я: онъ же ничего не отвѣщая устремился на моихъ сопутниковъ, и двоихъ возхитивъ, ударяетъ о землю: сокрушилися главы несчастныхъ; течетъ мозгъ на землю: по семъ разсѣкши на части, уготовилъ себѣ вечерю; аки свирѣпый левъ пожираетъ, и не оставилъ ниже внутреннихъ частей, ниже костей мозгомъ наполненныхъ. Мы же плача простираемъ руки къ великому Дїю, и видя страшныя дѣла приходимъ въ отчаянїе. Киклопъ наполнивъ свое ненасытное чрево человѣческою плотїю, и утоливъ жажду млекомъ, повергся посредѣ пещеры между стадомъ. Тогда я хотѣлъ устремитися великодушно, и пронзити мечемъ сердце его; но другое обстоятель-

 ство

ство учинить сїе мнѣ воспрепятствовало; ибо по умерщвленїи его ни како не могли бы отъ устїя пещеры отвалити камень; и тако лютѣйшею бы смертїю погибли. Въ воздыханїяхъ и безъ сна препроводили мы нощь оную.

Когда же утренняя заря явилася, чудовище возставъ отъ сна начало доити стада свои, какъ подобаетъ, и подпустило дѣтей къ матерямъ для ссанїя млека. По семъ паки двоихъ отъ насъ восхитивъ, равнымъ же образомъ уготовало яству: насытився же отвалило отъ дверей камень, и погнало стада на паству, заградивъ паки устїе въ пещеру онымъ. Я пребывая тамо вкупѣ съ моими сопутниками, совѣщалъ ему пагубу и отмщенїе; токмо бы Паллада помощь свою послала. Се же совѣтъ кїй благъ мнѣ явился: стояла въ пещерѣ нѣгдѣ Киклопова дебелая сырая масличная палица,

ца, толикія толстоты, какъ щегла на кораблѣ. Отъ сей я на единъ лакоть отсѣвши, повелѣлъ сопутникамъ своимъ очистити ея; потомъ самъ заостривъ оную, положилъ въ горящій огнь, и послѣ сокрылъ ее въ скотскомъ навозѣ, коимъ вся пещера была исполнена; на конецъ повелѣлъ имъ метнути жребій, кой бы дерзнулъ со мною оное обозженное древо вонзити во око чудовищу, когда оное объято будетъ сномъ крѣпкимъ. И тако четыре сопутники мои явилися избранные, я же между ими пятый. Вечеръ приближился: и се идетъ страшилище наше, и вогнавъ все стадо свое, [тако ли ему угодно явилось, или того богъ восхотѣлъ,] и заградивъ пещеру сѣло доити скотъ млеконосящій. По окончаніи дѣла своего, паки восхитивъ двоихъ отъ насъ, и ударивъ о землю, уготовало себѣ вечерю изъ сокрушенныхъ

членовъ ихъ. Тогда я наполнивъ чашу виномъ моимъ, и приближився къ нему вѣщаю: Немилосердый Киклопъ! Пріими вино въ чашѣ сей, и пей оное, насытився человѣческими мясами; познай, какое питіе въ кораблѣ нашемъ хранилося: я же въ знакъ благодаренія послѣ испію, дабы ты явивъ надъ нами милосердіе, отпустилъ въ домъ безвредныхъ. Почто тако неистово свирѣпствуеши надъ нами? Кто можетъ въ предбудущія времена пріити къ тебѣ? Тако рекъ я: онъ же пріявъ чашу съ виномъ, и выпивъ оное все, зѣло возрадовался. Потомъ просилъ еще тѣмъ же виномъ наполнити сосудъ, вѣщая: даждь мнѣ еще пити отъ вина сего: и повѣдай имя твое, да дамъ тебѣ даръ угощенія, о коемъ ты возрадуешся; ибо сія плодоносная земля хотя приноситъ вино избранное Киклопамъ; но сіе питіе есть небесное и безсмертное. И

тако

тако наполнивъ вторую чашу, такожде и третїю, подалъ ему: онъ же отъ безумїя съ жадностїю поглощалъ оное. Когда же Киклоповъ разумъ обуялъ отъ силы вина; тогда я пришедъ къ нему вѣщаю веселымъ лицемъ: внуши, имя мнѣ есть *Утисъ*. Тако нарицали меня отецъ, матерь и вси ближнїи. Тако я рекъ: онъ же отвѣщалъ мнѣ жестокимъ гласомъ: Я Утїя по всѣхъ его сопутникахъ пожру послѣдняго: се тебѣ будетъ даръ угощенїя.

Рекши сїе разпростерся на земли, склонивъ на единую страну дебѣлую свою выю. Когда одолѣлъ его сонъ, и началъ изрыгати имъ пїемое и ядомое; тогда взявъ я оное уготованное мною древо, положилъ въ пепелъ горящїй, а сопутниковъ своихъ укрѣпилъ совѣтами, дабы кто устрашився прочь не отбѣжалъ. Когда древо во огнѣ раскалилося, и со-

дѣлалося пламенно, я изъявъ его оттуду, принесъ къ спящему Киклопу, стоявшимъ окрестъ меня сопутникамъ, и оное вонзивъ въ его око, вращали всѣ съ великими силами. Кипитъ кровь на горячемъ древѣ, горитъ зеница, огонь снѣдаетъ вѣжди, и трескъ издаетъ кореніе ока. Страшно возопилъ Киклопъ; возстенала гора, и мы ужаснувся по пещерѣ разсѣялися. Онъ извлекши изъ ока многою кровію омоченное древо, повергъ оное на страну въ пещерѣ; и съ великимъ воплемъ созываетъ прочихъ Киклоповъ, по высотамъ горъ въ пещерахъ обитавшихъ. Они стекаются отвсюду, и ставъ окрестъ его жилища, вопрошаютъ: Что тако, Полиѳимъ! вопіеши нощію, возбудивъ насъ отъ сна? Кто тебя озлобилъ? Не изъ смертныхъ ли кто овецъ твоихъ угналъ? Или самаго тебя убилъ лестію а не силою?

силою? ПолиѳимЪ изЪ пещеры отвѣщалЪ имЪ: Возлюбленные мои! *Утис*Ъ убилЪ мя лестїю. Они рекли ему: Что же? Когда единЪ пребываеши, кто не можетЪ на нести обиду тебѣ? Но кто гнѣва Дїева можетЪ избѣжати? Моли убо отца твоего, царя Посидона.

Тако сказавЪ, паки разсѣялися. Сердце же мое возрадовалося, что совѣтЪ и имя мое его прельстили. КиклопЪ, мучимый болѣзнїю, стонетЪ и воздыхаетЪ. Вскорѣ по семЪ отваливЪ камень отЪ дверей, сѣлЪ на странѣ оныхЪ, осязая руками, не уловитЪ ли кого изЪ насЪ со овцами изходящими. Тако уповалЪ мя быти не смысленнаго. Но я тогда помышлялЪ лучшее избрати, сирѣчь, содѣлати спасенїе моимЪ сопутникамЪ и себѣ самому. Употреблены мною были всѣ совѣты и ухищренїя, для сохраненїя живота; зане великая напасть предстояла.

И

И се что избралъ я за лучшее въ сердцѣ своемъ. Въ стадѣ его обрѣталися тучные, великорунные и крѣпкїе овны, коихъ связалъ я по три вкупѣ, дабы могла нести каждая стая по единому предъ собою мужу: по странамъ же сихъ трехъ еще шли по единому овну къ вящшей безопасности. А самъ я избравъ себѣ лучшаго и тучнѣйшаго паче всѣхъ овновъ, легъ подъ чрево его, держася крѣпко руками за густую его волну. И тако съ воздыханїемъ препровождали мы остатки ночи.

Когда утренняя заря явилася, Киклопъ началъ выпущати овновъ и козловъ на паству. Козы же и овцы недоенные блеяли по пещерѣ; зане сосцы ихъ млекомъ обременены были; ибо пастырь ихъ мучимъ былъ нестерпимою болѣзнїю. И тако всѣхъ овецъ осязалъ руками. Но безумный того не позналъ, что нѣкїе овны между собою были связаны;

заны; и послѣднїй изъ нихъ шелъ мой овенъ, кой несъ меня подъ собою, различными помышленїями мятущагося. Сего Полиѳимъ осязавъ руками, вѣщаетъ къ нему: О возлюбленный мой овенъ! Что тако послѣднїй отъ пещеры изходиши? Прежде всегда изходилъ ты на паству первый; съ зеленыя травы и мягкихъ цвѣтовъ къ потоку текъ ты первый; и въ вечернее время въ сїи стойла возвращался ты первый: нынѣ же почто послѣднїй грядеши? Или болѣзнуеши о окѣ пастыря твоего, кое пагубный нѣкїй мужъ со своими сопутниками изторгъ, прельстивъ прежде виномъ разумъ мой; мужъ, реку, зовомый *Утисъ*? Но не уповаю, дабы онъ угонзнулъ отъ рукъ моихъ. О когдабы ты имѣлъ такїй разумъ и гласъ, како я; воистинну открылъ бы мнѣ, гдѣ онъ отъ крѣпости моея скрывается: вскорѣ узрѣлъ бы ты текущїй по сей

пещерѢ мозгЪ изЪ главы его; тогда сердце мое успокоилося бы отЪ сего пришедшаго на мя злоключенія. Тако рекши, отпустилЪ отЪ себя овна. Когда онЪ нѢсколько отЪ пещеры и двора удалился; я первый разрѢшився, освободилЪ и моихЪ товарищей, сЪ коими вкупѢ многія тучныя стада Киклоповы отогналЪ кЪ кораблямЪ нашимЪ, гдѢ сЪ безмѢрнымЪ вожделѢніемЪ узрѢли насЪ сопутники наши, что мы спаслися отЪ смерти; о поядѣнныхЪ же плакали и воздыхали. Но я повелѢлЪ имЪ престати отЪ слезЪ, и вогнавЪ стада вЪ корабли, брега сіи оставити. ВскорѢ все было исполнено; и море уже разсѢкалося веслами. Когда толико мы отЪ пристанища удалилися, елико гласЪ вопіющаго слышанЪ быти могЪ; тогда начинаю я чудовище раздражати словами: КиклопЪ! Тако ли сладко было пожирати тебѢ вЪ пещерѢ

со-

сопутниковъ мужа безсильна? И воистинну должны были неминуемо постигнути тя сїи злоключенїя. Ибо ты не убоялся странно-пришельцовъ поядати въ дому своемъ, се тебѣ отъ великаго Дїя и прочихъ боговъ мщенїе. Тако вопїялъ я къ нему. Онъ же паче преогорчився, отторгаетъ вскорѣ верхъ великїя горы, и мещетъ его на насъ, едва не улучивъ кормила. Отъ низпадшаго великаго камня наводнилося море, и волны паки понесли корабль нашъ ко брегу; но я восхитивъ высокое древо, отрѣялъ оный отъ земли, повелѣлъ сопутникамъ всѣми силами налещи ко избѣжанїю опасности на весла. Когда паки отплыли мы далече; второе начинаю огорчати Киклопа, сколько сопутники ни молили меня сего не творити, тако говоря: Злополучный! Почто хощеши еще раздражати мужа люта, кой едва не погубилъ корабля нашего

шего верженїемъ камня? И тогда воистинну всѣ бы мы погибли; нынѣ же паки услышавъ гласъ твой, непреложно сокрушитъ главы и корабли наши. Или не видѣлъ ты, колико далече мещетъ невѣроятную тяжесть? Но великаго моего духа укротити не могли, и я возвысивъ гласъ свой гордымъ сердцемъ возопилъ: Киклопъ! Когда кто отъ земнородныхъ вопроситъ тя о лишенїи ока твоего, рцы, что устроилъ тебѣ оное градоразрушитель Одиссей, сынъ Лаертовъ, родомъ изъ Иѳаки.

Тако рекшу мнѣ, Киклопъ ужасно возстенавъ, отвѣщалъ: Увы мнѣ! Се древнїя пророченїя совершилися нынѣ надо мною! Былъ нѣкто здѣ мужъ прорицаяй, именемъ Тиленъ, сынъ Евримовъ, всѣхъ предсказанїями превосходившей, и въ семъ испытанїи состарѣвшїйся, кой мнѣ предвозвѣстилъ, что лишенъ буду зрѣнїя отъ рукъ Одиссея:

сея: и я всегда уповалъ, что прїидетъ сѣмо нѣкто мужъ величествомъ возраста и чудною крѣпостїю силъ одаренный; нынѣ же вижду, что не достойный человѣческимъ именемъ нарицатися, малый и вовсе безсильный, прельстивъ меня силою сладкаго вина, увы! лишилъ меня зрѣнїя. Но молю тя, возвратися ко мнѣ Одиссей! Да воздамъ тебѣ дары странноприїимства, и да упрошу великоименитаго Посидона, коего я сыномъ нарицаюся, о благопоспѣшномъ твоемъ плаванїи. Онъ когда восхощетъ, уврачуетъ мое око, чего никто отъ прочихъ боговъ и безсмертныхъ учинити не можетъ.

Я отвѣщалъ: О когда бы возможно было, воистинну и всего живота твоего лишилъ бы тя, низпославъ въ сѣни смертныя. Ока же твоего воистинну ни кто не возвратитъ тебѣ, ниже самъ Посидонъ.

Киклопъ воздѣвъ руки на небо, молился ко отцу своему Посидону: О ты, содержай землю, царю Посидонъ! Внемли моему моленію: когда я есмь сынъ твой, а ты мнѣ отецъ еси, даждь да градоразрушитель Одиссей не узритъ своего отечества Иѳаки. Когда же судьбою ему опредѣлено видѣти искренихъ своихъ, пріити въ домъ и отечественную землю; содѣлай, да возвратится поздно въ чуждемъ караблѣ, по претерпѣніи многихъ бѣдствій, и по лишеніи всѣхъ своихъ сопутниковъ; такожде въ дому своемъ зло да обрящетъ. Сице онъ молился, и услышанъ отъ царя Посидона: по семъ паки отторгнувъ отъ горы большій прежднаго камень, всѣми силами вергнулъ во слѣдъ намъ, и едва не сокрушилъ кормило. Паки закипѣли волны отъ многаго наводненія; но корабль несенъ былъ уже вдаль, и приближался къ землѣ.

лѣ. Такимъ образомъ приставъ ко острову, гдѣ стояли прочïе корабли наши съ сопутниками, ожидавшими насъ со слезами, и вшедъ во пристанище, корабли поставили на сушѣ. По семъ изшедъ сами на брегъ моря, извели отъ кораблей Киклоповы стада, и раздѣлили поравну, яко ни единъ не остался лишенъ своея части: великаго же онаго овна дали мнѣ, коего тучныя бедра принесъ я въ жертву Кронову сыну, великому Дïю, свѣтомъ обладающему; но онъ не внималъ нашему моленïю, и помышлялъ токмо о единой пагубѣ нашихъ кораблей и сопутниковъ.

Тако весь оный день до захожденïя солнечнаго препроводили мы, ядя тучныя мяса, и пïя сладкое вино. Когда солнце сокрылося, и наступила мрачная нощь; мы легли почити на брегѣ моря. По возшествïи денницы повелѣлъ

я сопутникамъ своимъ восходити на корабли, и ялися купно пути по глубинамъ морскимъ, сокрушаяся сердцемъ о погибели поядненыхъ Киклопомъ друговъ нашихъ, радуяся же душею, что сами спаслися отъ смерти.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Калла.

Оттуду приплыли мы на островъ Эолійскій, въ коемъ обиталъ царь Эолъ, сынъ Иппотовъ, любезный безсмертнымъ. Островъ сей есть движущійся, огражденъ желѣзною твердынею. Царь имѣетъ у себя шесть сыновъ и толико же дщерей юныхъ, кои всѣ сопряжены со своими братіями; и всегда купно со отцемъ и мате-

рію

рїю пиршествуютъ въ веселїи, насыщаяся сладкими снѣдями, и наслаждаяся пѣснями, нощїю же почивая съ своими женами на мягкихъ ложахъ. Цѣлый мѣсяцъ мы были тамо угощаемы, и вопрошаемы о всемъ, что касалося до Троянскаго царства, кораблей Ахейскихъ, и о возвращенїи оныхъ. Я же на все отвѣщалъ, какъ подобало. Напослѣдокъ молилъ царя о отпущенїи меня во отечество, кой ни въ чемъ не отрекся подати мнѣ помощи, вручивъ мнѣ великїй мѣхъ, въ коемъ заключены были всѣхъ бурныхъ вѣтровъ дыханїя; ибо всесильный Дїй поставилъ его надъ оными повелителемъ; и коихъ хощетъ смиряетъ, коихъ же хощетъ возноситъ. Мѣхъ оный привязалъ я на кораблѣ златою веревою, дабы ни малѣйшїй вѣтръ не изшелъ оттуду: для препровожденїя же нашего далъ намъ дыханїе зефира; но мы

сами погибли отъ своего безумія. По девяти денноношномъ непрестанномъ плаваніи нашемъ, въ десятый день явилася уже отечественная земля наша, и нощію зримы были люди, ходящіе со свѣтючами; тогда я изнеможенный отъ труда, уснулъ крѣпкимъ сномъ; зане непрестанно побуждалъ корабль къ скорѣйшему пріитію во отечество. Въ то время сопутники мои подозрѣвая, что я везу злато и сребро, отъ Эола царя мнѣ данное, тако между собою разглагольствовали: О боги! Колико человѣкъ сей отъ всѣхъ любимъ есть и въ великомъ почтеніи находится, въ какую страну ни пріидетъ! Онъ многія сокровища и драгоцѣнныя вещи отъ корыстей Троянскихъ несетъ въ домъ свой; мы же возвращаемся тщи имѣя руки. И царь Эолъ такожде по дружеству далъ ему дары. Разрѣшимъ убо мѣхъ сей, и узримъ, коликому

числу

числу воиновЪ хранится вЪ немЪ сребра и злата. Тако разглагольствовали, и превозмогЪ совѣтЪ вредоносный. Едва мѣхЪ разрѣшили, какЪ всѣ вѣтры ринулися оттуду; и устремився на море, воздвигли волны аки горы, кои насЪ плачущихЪ далече отнесли отЪ отечества. Я воспрянувЪ отЪ сна, не зналЪ что о семЪ помыслити. Низринутися ли во глубину водЪ, и тамо погибнути; или сЪ молчанїемЪ сносити, дондеже между живыми обрѣтаюся? Великодушно понесЪ я сїе досажденїе, и не погубилЪ живота своего; токмо сокрывшися отЪ всѣхЪ, лежалЪ вЪ кораблѣ, сокрушаяся печалїю. Сопутники же мои плачущїе неслися паки ко острову Эолїйскому. Тамо изшедЪ на брегЪ, и почерпнувЪ воды, укрѣпили сердца питїемЪ и пищею. Тогда я, избравЪ двоихЪ отЪ сопутниковЪ, гряду вЪ домЪ царя Эола; и обрѣтаю его внутрь

чертоговъ пиршествующаго съ царицею и съ чадами своими. Они узрѣвъ насъ, не доумѣвали и вопрошали: Како паки возвратился сѣмо Одиссей? Какій злый духъ напалъ на тя? Мы бо отпустили тебя со тщаніемъ, дабы достигъ ты безбѣдно отечества, или куда тебѣ угодно было. Тако вопрошали: я же смиреннымъ сердцемъ отвѣщалъ имъ: Зловредные сопутники и бѣдственный сонъ содѣлали сіе мнѣ; и тако молю васъ паки, сотворите намъ помощь, коея отъ васъ едииыхъ мы уповаемъ. Сими словами хотѣлъ я ихъ преклонити; всѣ пребыли въ молчаніи. По семъ царь воззрѣвъ на насъ гордымъ окомъ, отвѣщалъ: Скоро иди отъ острова нашего, паче всѣхъ человѣкъ неблагодарнѣйшій; зане не довлѣетъ угощати и отпущати съ дарами такого мужа, кой есть безсмертнымъ богамъ противенъ: Отъиди, реку тебѣ,

тебѣ, скоро; зане противу хотѣнія боговъ пришелъ сѣмо.

Мы оставляемъ чертоги; отходимъ съ воздыханіемъ, и предаемся плаванію съ сокрушеніемъ сердецъ и въ отчаяніи; зане сокрылся уже день нашего возвращенія. Шесть дней, толико же и нощей плавали мы по морю. Въ седьмый день пристали къ высокому граду Ламу, имѣющему врата свои зѣло далече, гдѣ пастырь пастыря вызываетъ на чреду свою, другій же слыша изходитъ; и тщательный и безсонный пастырь сугубую получаетъ мзду, едину за воловъ и коней, а другую за овецъ и козъ; ибо путь нощи ко дню зѣло есть кратокъ. Приближився туда, входимъ во пристанищѣ, огражденное отъ обѣихъ странъ высокимъ каменіемъ: брега далече начинающіеся, совокупляются наподобіе устія, и тако входъ ко пристанищу творятъ

 труд-

труднымъ. Тамо они корабли свои держали; тамо и мы свои привязали: ибо въ мѣстѣ семъ никогда не бываетъ волнъ ни малыхъ, ниже великихъ; но непрестанно вожделѣнная тишина пребываетъ. Я единъ повелѣлъ постановити корабль свой внѣ пристанища, на краю брега. По семъ возшедъ на возвышенное мѣсто, обращалъ всюду взоръ мой; но не возмогъ увидѣти ни какихъ дѣлъ отъ рукъ человѣческихъ; узрѣлъ токмо дымъ отъ земли изходящій. Тогда послалъ я троихъ изъ сопутниковъ моихъ для соглядания, какие тамо обитаютъ мужи. Они отшедъ нѣкое разстояние, приближилися къ равному пути, гдѣ на колесницахъ возятъ отъ горъ лѣсъ высокій. Тамо узрѣвъ они дѣвицу, дщерь сильнаго Антифата, царя Лестригонскаго, на встрѣчу идущую, для почерпнутія отъ источника воды, вопросили у нее: Какій народъ здѣ оби-

обитаетЪ, и какїй царь владычествуетЪ надЪ онымЪ? ДѣвицА вскорѣ показала высокїй домЪ отца своего, куда вшедЪ мои сопутники, обрѣли царицу сѣдящую, аки нѣкїя высокїя горы великїй верхЪ, устрашилися взора ея. Она вскорѣ взываетЪ отЪ града мужа своего Антифата, кой возвратився, единаго отЪ нихЪ восхитилЪ и уготовалЪ вечерю; двое же устремилися вЪ бѣгство и пришли кЪ кораблямЪ. АнтифатЪ возноситЪ вопль по граду. Лестригоны услышавЪ гласЪ его, стекаются отвсюду вЪ безчисленномЪ множествѣ, не людямЪ но исполинамЪ подобные, и отторгая камни великїя отЪ горЪ, мещутЪ на корабли наши. ВозстаетЪ шумЪ и трескЪ погибающихЪ мужей и сокрушающихся кораблей; несутся злополучные мои сопутники аки рыбы уловленныя на горестную вечерю. Доколѣ сїя жестокая пагуба

губа свирѣпствовала внутрь пристанища, тѣмъ временемъ я извлекши мечь, отсѣкъ онымъ уже корабельное, и скоро повелѣлъ пріяти весла, дабы избѣжати предстоящаго злоключенія: и абіе понуждаемы страхомъ смерти, узрѣли корабль нашъ на глубинѣ моря: прочіи же все безъ изъятія погибли тамо. Отсюду паки предаемся плаванію съ печальнымъ сердцемъ, и по нѣсколько дней пристали ко острову Эейскому, гдѣ обитала прекрасная и почтенная богиня Кирка, единоутробная сестра царя Эеты; обое же рождены они отъ солнца отъ матери Персы, дщери Океановой. Тамо тайно изшедъ во пристанище, [воистинну нѣкій богъ намъ былъ путеводителемъ] лежали два дни и двѣ нощи утружденные печалію и трудомъ. Въ третій день, когда явилася заря, я пріявъ мечъ и копіе, возхожду на высокое мѣсто,

сто, дабы узрѣти дѣла человѣческія, и услышати гласъ смертныхъ. Долго стоялъ я обращая взоръ свой всюду. По семъ увидѣлъ чрезъ густыя древа и лѣсъ отъ чертоговъ богини Кирки дымъ изходящій. Долго помышлялъ я во умѣ своемъ, итти ли туда? Но за лучшее призналъ, избравъ сопутниковъ, предпослати для испытанія. Когда недалече уже я отстоялъ отъ корабля; тогда воистинну нѣкто милосердуя отъ боговъ, послалъ мнѣ на пути великаго еленя, кой отъ зною солнечнаго текъ утолити жажду свою, и коего я посредѣ хребта сквозь ребра копіемъ пронзилъ; остріе желѣза проходитъ на другую страну, звѣрь падаетъ съ ревомъ, и испущаетъ духъ: я же притекши къ нему, извлекъ копіе; и положивъ оное на землѣ, сплѣлъ отъ тонкихъ вѣтвей вервь, и скрѣпилъ оною ноги его; по семъ взявъ его

на рамо, влеку упираяся о копїе свое. Пришедъ къ кораблю, повергъ его на землю предъ моими сопутниками, вѣщая имъ съ умиленнымъ сердцемъ: Други мои! Хотя и нестерпимая печаль насъ сокрушаетъ; но не обрѣтаемся еще въ сѣни смертней; воспомянемъ убо о пищи, да не истощимъ гладомъ силы наши. Сопутники вскорѣ повинулися моему увѣщанїю. По томъ изшедъ на брегъ, со удивленїемъ взирали на еленя; зане зѣло великъ былъ; и насытився зрѣнїемъ, умыли руки, и уготовали обычную вечерю. Тако весь оный день до захожденїя солнца препроводили мы въ яденїи мясъ и питїи сладкаго вина. Когда же солнце сокрылося, и настала нощь; тогда легши мы на брегѣ сномъ наслаждалися. По возхожденїи денницы, я собравъ на сонмъ сопутниковъ, вѣщаю имъ тако: Други мои! Мы нынѣ не вѣдаемъ, гдѣ во-

стокъ,

стокЪ, гдѣ западЪ, гдѣ сѣверЪ и гдѣ югЪ; пріимемЪ убо совѣтЪ, что вЪ такомЪ злообстоятельствѣ подобаетЪ намЪ творити. ВидѣлЪ я отЪ высокаго мѣста островЪ, отвсюду окруженный моремЪ, и лежащій зѣло низко; видѣлЪ такожде и дымЪ посредѣ онаго чрезЪ густые древа и дубраву изходящій. Тако рекЪ я; и вси вострепетали сердцемЪ, воспоминая жестокость Лестригонскаго Антифата, и безчеловѣчіе Киклопа. Вси плакали неутѣшно; но слѣзы никакія не принесли помощи. Я раздѣлилЪ на двѣ части сопутниковЪ, и каждой далЪ путеводителя: надЪ единою былЪ я, а надЪ второю мужественный ЭврилохЪ. По семЪ начали метати жребій вЪ мѣдяномЪ шлемѣ. Жребій падаетЪ на Еврилоха, кой вЪ скорѣ направляетЪ стопы; ему послѣдуютЪ двадесять два сопутника со слѣзами; плакали такожде и мы, при кораб-

лѣ оставаяся. Они вскорѣ обрѣтаютъ жилище богини Кирки, стоящее въ долинѣ, и со огражденное отъ тесаныхъ камней на откровенномъ мѣстѣ. Окрестъ онаго лежали львы и волки, коихъ она смирила своими чарами. Они не устремилися на идущихъ; но токмо возставъ, помавали ошибами, аки псы видя своего владыку въ домъ идущаго. Сопутники мои видя ихъ устрашилися; по томъ ставъ во дверяхъ храмины, слышатъ гласъ богини поющія, и ткущія тончайшее пряденіе. На конецъ князь мужей Политъ, коего я паче всѣхъ моихъ сопутниковъ любилъ и почиталъ, вѣщаетъ прочимъ: Други мои! Воистинну слышу ткущую и поющую нѣкую богиню, или земнородную; толкнемъ убо во двери. Они съ кротостію сіе учинили. Богиня изшедъ, молитъ ихъ внити внутрь чертога. Вси послѣдуютъ ей безъ

раз-

разсужденія; единъ токмо Эврилохъ остался внѣ, подозрѣвая нѣкую быти хитрость. Кирка введши ихъ, посадила на сѣдалищахъ, и предложила хлѣбъ, сыръ, медъ, вино, млеко и вредоносный ядъ, дабы вовсе забыли землю отечественную. Когда они отъ вина напилися; тогда богиня взявъ жезлъ нѣкій, ударяетъ каждаго единожды; и абіе всѣ превращаются во свиней, имѣющихъ главы, гласъ, тѣло и власы свиные; единъ только разумъ человѣчій при нихъ. По семъ заключила ихъ въ стойла, и предложила пищу, какую ядятъ свиніи. Тѣмъ временемъ Эврилохъ пришелъ къ кораблю своему съ возвѣщеніемъ о горестномъ приключеніи своихъ сопутниковъ, отъ страха и печали долго немогши ни единаго слова изъ устъ изпустити, и точа изъ очей едины токмо слезы. Наконецъ, по многомъ нашемъ

настоянїи, открылЪ все по ряду. Тогда я возложивЪ на рамена мечь, и прїявЪ лукЪ со стрѣлами, повелѣлЪ ему слѣдовати со мною для показанїя пути. ЭврилохЪ обоими руками обЪявЪ мои колѣна, и проливая слезы, молилЪ тако: Благовоспитанный Одиссей! Молю тя, не влеки меня туда, но остави здѣ; зане знаю, что ниже самЪ возвратишися оттуду, ниже кого отЪ сопутниковЪ приведеши сѣмо: но потщимся скоро бѣжати отсюду сЪ оставшимися другами; ибо есть еще время ко спасенїю отЪ злообстоятельства. Тако рекшу ему, отвѣщалЪ я: ЭврилохЪ! Пребуди на семЪ мѣстѣ ядя и пїя при кораблѣ, я же отхожду многою нуждою влекомый.

Тако рекши оставляю корабль; и прошедЪ лѣса и священныя холмы, уже приближаюся кЪ обиталищу богини; и се зрю Ермїя, иду-

идущаго ко мнѣ во срѣтенïе, во образѣ младаго и краснаго юноши, кой взявъ мя за руку вопрошаетъ: Злополучный! Камо идеши единъ, не вѣдая пути здѣ? Всѣ сопутники твои превращены во свиней въ дому Кирки, и заключены лежатъ въ стойлахъ. Для освобожденïя ли ихъ идеши? Но мню, что не возвратишися и самъ оттуду, и пребудеши яко и прочïи твои сопутники, когда не сохраню и не спасу тебя отъ грядущихъ бѣдствïй. Прïими сïе спасительное средство, съ коимъ предстати можеши предъ богиню, и кое отвратитъ отъ тебя день пагубный. Открою тебѣ и всѣ зловредные совѣты ея: она уготовитъ тебѣ питïе, и хлѣбъ напитаетъ ядомъ. Но ничемъ не можетъ одолѣти тя, когда употребиши средство сïе; зане всѣ вредоносныя силы отъ онаго уничтожатся. Внуши убо: когда Кирка ударитъ

ритЪ жезломЪ своимЪ; тогда ты извлекши мечь устремися на нее, аки убити желая. Она устрашився будетЪ глашати тебя на постелю свою; ты не отрекайся ложа ея для спасенїя друговЪ твоихЪ, да и самЪ дружелюбно отЪ нея прїятЪ будеши: но прежде повели сотворити великую клятву, что тебѣ ни какого зла не содѣлаетЪ, и что не сотворитЪ тя обнаженнымЪ, безсильнымЪ и вовсе ослабѣвшимЪ.

Тако рекши изторгЪ отЪ земли нѣкїй черный корень, коего сокЪ подобенЪ млеку, и нарицается отЪ боговЪ *Моли*. Ни какїй земнородный не можетЪ достати его; богамЪ же все возможно. Ермїй вручивЪ мнѣ оной, отходитЪ на пресвѣтлый ОлимпЪ. Я же иду вЪ домЪ богини, имѣя вЪ сердцѣ многїя помышленїя; пришедЪ сталЪ близь дверей и возопилЪ; богиня же услышавЪ гласЪ мой, отверзла двери, и вводитЪ внутрь

чер-

чертоговъ; по томъ посадивъ меня на великолѣпномъ сѣдалищѣ, и подавъ подножїе, принесла уготованное питїе, дабы сотворити мнѣ пагубу. Я же пивъ отъ онаго колико хотѣлъ, остался не вредимъ. Посемъ ударяетъ мя жезломъ, вѣщая: Иди и ты такожде во стойла къ прочимъ твоимъ сопутникамъ, и лежи аки свинїя тамо.

Тако рекла: я же извлекши мечь устремился на богиню, аки желая убити. Она зѣло возопивъ, и притекши ко мнѣ объяла колѣна мои, и со слезами тако вѣщала: Повѣдай мнѣ, кто еси ты? отъ какихъ народовъ пришелъ? Какїй градъ твой? И кто родители твои? Недоумѣнїе бо обдержитъ, како лютѣйшїя сїи отравы не могли одолѣти тебя? Воистинну силы твои суть не побѣдимы. Молю тя, повѣдай мнѣ, не ты ли Одиссей, на кораблѣ отъ Трои возвращающїйся, о коемъ мнѣ предрекъ Ермїй?

Вложи во влагалище мечь твой, и взыдемъ на ложе мое.

Я отвѣщалъ: О богиня! Како повелѣваеши мнѣ быти противу тебя кротку и незлобиву? Ибо ты сопутниковъ моихъ преобратила во свиней; да и меня самаго желала погубити вовсе; нынѣ паки зовеши меня на ложе твое. Воистинну никогда не взыду на оное, дондеже не дашь великія клятвы, что ни какого зла мнѣ не содѣлаеши.

Когда она положила между мною священную клятву; тогда я взошелъ съ нею на ложе ея. Тѣмъ временемъ четыре рабыни, бывшія въ дому ея, кои родилися отъ источниковъ, лѣсовъ и рѣкъ, упражнялися въ разныхъ служеніяхъ. Едина уготовляла мягкія постели, вторая представила столъ со златыми чашами, и уготовила сребрянныя сѣдалища; третія растворяла сладкое божественное питіе въ великой сребрянной чашѣ; че-

четвертая принесши воду, поставила оную на огнь разложенный. Когда она воскипѢла, посадивЪ меня во умывальницу, начала умывати совсякимЪ товѢнїемЪ, возливая воду наглаву и нарамена мои. Тогда болѢзни и труды, сердце мое сокрушавшїе, прочь отступили. ОкончавЪ измовенїе, намаствивЪ главу елеемЪ и облекши вЪ чистыя одежды, посадила мя на сѢдалищѢ, и предложила ястїе. Домостроительница принесши вскорѢ хлѢбы, молитЪ мя, да ямЪ. Но все было противно сердцу моему; ибо я иное помышлялЪ вЪ душѢ своей. Богиня познавЪ, что я кЪ пищи не прикасаюся, и сѢжу обремененЪ великою печалїю, и представЪ предЪ меня, тако вѢщаетЪ: Что тако Одиссей сѢдиши подобенЪ нѢмому, и сокрушаяся сердцемЪ не простираеши рукЪ твоихЪ кЪ пищи? Или боишися какїя лести? Но не устрашайся

сего; зане положила предъ тобою великую клятву. Я отвѣщалъ ей: О богиня! Кто бывъ праведный и честный мужъ, дерзнетъ прикоснутися къ ястїю и питїю, доколѣ не узритъ своихъ сопутниковъ здравыхъ и освобожденныхъ? Но когда ты отъ чистаго сердца повелѣваеши мнѣ ясти; молю тя, разрѣши моихъ сопутниковъ, да узрю ихъ не вредимыхъ предъ очами моими. Кирка абїе прїявъ жезлъ изходитъ; и отверзши врата, изгоняетъ ихъ отъ стоялъ аки девятилѣтнихъ свиней; по семъ каждаго изъ нихъ помазуетъ нѣкїимъ елеемъ, абїе низпадаютъ свиныя власы, и вскорѣ превращаются во младыхъ юношей, много лучшихъ и благолѣпнѣйшихъ. Скоро познаютъ мя стоящаго предъ собою, мещутся и емлютъ за руки, лїются у всѣхъ радостныя слезы, и рыданїе по всему дому разносится; преклонилася къ милосердїю

и

и сама богиня, и пришедъ ко мнѣ вѣщаетъ: Иди нынѣ Одиссей къ кораблю твоему; и вопервыхъ изведите его на сушу; а стяжанія, лежащая во ономъ, сохраните въ пещерахъ, и возвращаяся сѣмо приведи всѣхъ сопутниковъ.

Тако рекла, и мужественное мое серце повинулося совѣтамъ ея. Отхожу къ кораблю, и обрѣтаю тамо сопутниковъ моихъ, ліющихъ обилныя слезы; они узрѣвъ меня, окружили съ рыданіемъ, и тако вѣщаютъ ко мнѣ: О колико сердца наши обрадованы суть возвращеніемъ твоимъ, аки бы нынѣ мы пришли во отечественную землю! Но молимъ тя, повѣдай намъ о злоключеніи нашихъ друговъ. Я отвѣщалъ имъ: Вопервыхъ потщимся извести корабль на сушу, по томъ стяжанія наши, и всѣ корабельныя сооруженія сокрыемъ въ пещерахъ; по томъ всѣ слѣдуйте со мною къ черто-

гамѣ богини Кирки, да узрите тамо друговѣ вашихѣ ядущихѣ и піющихѣ, и обильную пищу имѣющихѣ.

Тако я реклѣ, и всѣ повинулися велѣнію моему; единѣ Эврилохѣ воспящалѣ всѣмѣ, вѣщая тако: О злополучные! Камо пойдемѣ? Почто желаете себѣ пагубы, которая постигнетѣ насѣ вѣ дому Кирки? Егда богиня оная превратитѣ всѣхѣ насѣ или во свиней, или вѣ волковѣ, или во львовѣ; тогда будемѣ стрещи домѣ ея по неволѣ. Тако содѣлалѣ и Киклопѣ, когда были вѣ пещерѣ его сопутники наши, и сѣ ними Одиссей, коего неразуміемѣ они погибли тамо.

Я слышавѣ сіе, тако раздраженѣ былѣ, что помышлялѣ извлекши мечь отсѣщи ему главу, хотя и зѣло близкимѣ родствомѣ касался мнѣ; но сопутники мои притекши ко мнѣ молили тако: Возлюбленный Одиссей! Оставимѣ сего здѣ стрещи корабль нашъ,

ты

ты же буди намъ предводитель къ дому Кирки.

Сїе рекши, воспрїемлемъ путь отъ моря: но Эврилохъ не остался при кораблѣ, и слѣдовалъ съ нами; зане устрашился моего прещенїя. Тѣмъ временемъ Кирка оставшихся въ дому ея сопутниковъ моихъ со тщанїемъ умыла, и намазавъ елеемъ, облекла въ одежды свѣтлыя; мы обрѣтаемъ всѣхъ ихъ съ веселїемъ пиршествующихъ внутрь чертоговъ. Они узрѣвъ насъ возрыдали отъ радости, и богиня пришедъ ко мнѣ, вѣщаетъ: Любезный Одиссей! Престаните нынѣ отъ слезъ; ибо знаю я и сама, колико вы на морѣ претерпѣли напастей, и колико на земли неправедные мужи содѣлали вамъ озлобленїй; ядите убо нынѣ съ веселїемъ, и пїйте вино, доколѣ сердца ваши укрѣпятся радостїю; какъ когда оставляли вы отечество ваше Иѳаку,

ку, нынѣ же всегда во изгнанїи и во многутрудномъ странствованїи пребывая, не имѣете ни малѣйшаго отдохновенїя.

И тако мы цѣлый годъ тамо пребывали, ядя многїя мяса, и пїя сладкое вино; когда же насталъ другїй годъ, сопутники мои отведши меня особь вѣщали: Премудрый Одиссей! Нынѣ уже настало время воспомянути о отечествѣ нашемъ, когда опредѣлено тебѣ судьбою спастися и видѣти домъ твой.

Тако вѣщая преклонили сердце мое; и тогда весь оный день до захожденїя солнца сидѣли мы пиршествуя: и когда солнце сокрылося, и наступила нощь, вси почили сладкимъ сномъ. Я же подошедъ къ великолѣпному ложу Кирки, и обънявъ колѣна ея, [богиня услышала гласъ мой:] вѣщаю къ ней: О великая богиня! Соверши нынѣ обѣщанїе, кое дала ты намъ; отпусти насъ въ домы отечественные;

ные; зане сердце мое давно уже стремится; и всѣ сопутники мои во время твоего отсутствїя плачутъ окрестъ меня.

Богиня отвѣщала мнѣ: О премудрый Одиссей, сынъ премудраго Лаерта! Не хощу я отъ нынѣ, противу желанїя вашего, пребывати вамъ здѣ: но прежде подобаетъ тебѣ совершити инный путь, то есть, видѣти домъ ада, и знаменитыя Персефоны, и вопросити душу Ѳивскаго слѣпаго прорицателя Induced Тересїя, коего разсужденїя всегда тверды суть, и ему единому Персефона дала слышати гласъ человѣческїй: тебя же отвсюду обыдутъ тѣни мертвыя.

Я же слышавъ сїе плакалъ неутѣшно стоя на ложѣ, и уже сердце мое не хотѣло болѣе жити, ниже видѣти солнечнаго свѣта. Когда же насытился я слезами, паки вѣщаю: О знаменитая Кирка! Кто мнѣ покажетъ путь сей?

сей? Зане никто отъ смертныхъ наораблѣ не приближался къ жилищамъ адовымъ. Она отвѣщала мнѣ: Не имѣй попеченія о путеводителѣ; токмо постави вѣтрильное древо, и распростерши на ономъ парусы сѣди; корабль твой понесется дыханіемъ вѣтра Борея. Когда прейдеши океянъ, тамо узриши не великій брегъ и дубравы знаменитыя Персефоны, гдѣ растутъ безплодныя древа, и лежатъ не гладкіе твердые камни; тамо на глубинѣ океана останови корабль твой, а самъ иди въ обитель темнаго ада, гдѣ во Ахеронтъ, Пирифлегеѳонтъ, Кокитъ изходище Стига, и протчія двѣ рѣки стекаются со ужаснымъ шумомъ; здѣ приступая ко оному мужу, изкопай яму глубиною и шириною на единъ лакоть, и сотвори приношеніе всѣмъ мертвымъ, во первыхъ отъ меду, по семъ отъ сладкаго вина, третіе отъ

отъ чистыя воды, наконецъ присовокупи и бѣлыя муки. На конецъ моли мертвыхъ души, и обѣщайся, когда пріидеши во Иѳаку, принести имъ въ жертву тучную безплодную краву, и соорудити имъ зданіе отъ богатыхъ стяжаній; а Տересію единому особь принести въ жертву чернаго и избраннаго овна. Совершивъ моленіе заколи чернаго овна и черную овцу, обратися лицемъ ко Ереву; самъ же отъиди прочь ко изходищамъ рѣки; тогда многія тамо души приступятъ; и ты вскорѣ повели сопутникамъ твоимъ закалати многихъ овецъ, и снявъ кожи ихъ приносити въ жертву богамъ ада и Персефонѣ. Самъ же со обнаженнымъ мечемъ сиди, и ни единыя тѣни не допускай до крови, дондеже услышиши Тересія. Сей прорицатель и вождь народовъ скоро пріидетъ къ тебѣ, и возвѣститъ образъ пути твоего чрезъ море.

Тако

Тако богиня совѣщевала мнѣ; и тѣмъ временемъ явилася злато-престольная заря. Тогда Кирка облекла меня во одежды тонкїя, чистыя и свѣтлыя; а чресла мои препоясала злашымъ поясомъ, и на главу возложила покрывало; я же ходя по дому возбуждалъ моихъ сопутниковъ: возстаните, други мои! отъ сна и идемъ въ путь: зане уже и сама богиня повелѣла. Они скоро возставъ уготовалися ко отшествїю. Но и отсюду не моглъ я отвести всѣхъ безвредныхъ сопутниковъ. Нѣкто былъ Елпиноръ, юнѣйшїй всѣхъ лѣтами, кой ниже на брани храбрости, ниже въ совѣтахъ разума показати могъ. Сей въ дому Кирки излишнимъ упоенный виномъ, желая обрѣсти прохлажденїе, когда услышалъ шумъ и мятежъ приуготовляющихся сопутниковъ, незапно воспрянулъ отъ сна, и позабылъ, что ему подобаетъ низъити по великой ле-

лествицѣ, низпалъ отъ покрова дому, и тако сокрушилася выя его, а душа низшла во адъ. Я представъ сопутникамъ моимъ реклъ: Вы помышляете что мы отходимъ ко отечеству нашему, но Кирка предрекла намъ инный путь.

Они услышавъ сїе, рыдали и терзали власы свои; но плачь имъ ни какїя не принеслъ помощи. И тако отходимъ мы къ кораблю нашему, проливая горькїя слезы. Тѣмъ временемъ богиня Кирка пришедъ къ кораблю нашему, привязала овна чернаго и овцу, не видима бывъ отъ очей нашихъ; ибо боговъ не хотящихъ ни кто не можетъ видѣти.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Ламвда.

Когда мы пришли къ кораблю нашему, вопервыхъ низвели оный

на море; по семъ утвердивъ вѣтрильное древо, разпростерли на немъ вѣтрила; и вогнавъ внутрь стада наши, входимъ и сами, проливая обильные слезъ токи: и абїе благопоспѣшный вѣтръ по повелѣнїю сильныя богини Кирки наполнилъ наши вѣтрила, а мы все сооруженїе корабельное уготовавъ, сѣли порядочно. И тако весь оный день проводивъ во благополучномъ плаванїи, наконецъ узрѣли мы зашедшее солнце и наступившую тьму. Въ то время корабль нашъ приближился ко предѣламъ не измѣримаго океана, гдѣ ниже возходящее, ниже полуденное, ниже заходящее солнце взираетъ на нихъ своими лучами. Тамо поставили мы корабль на суши, стадаже изведши вонъ, сами паки воспрїяли путь ко странѣ, которую показала намъ священная Кирка. Жертвы несли Перимидъ и Эврилохъ. Я же извлекши мечь, ископалъ онымъ

яму

яму всюду въ единъ лакоть.

Сотворивъ возліяніе, по повелѣнію богини Кирки, всѣмъ мертвымъ, обѣщался пришедъ во Иѳаку принести душамъ ихъ въ жертву безплодную краву; Тересію же единому особь черную и избранную овцу. Сотворивъ моленіе и обѣщаніе, заклалъ овецъ, и кровь ихъ источилъ въ яму: и се души мертвыхъ изходятъ отъ ада: невѣсты, юноши, многотрудные старцы, юныя дѣвы новымъ плачемъ сокрушенныя; многіе тамо видимы были уязвленныя копіями на кровавой брани отъ руки сопротивныхъ. Онѣ съ не терпимымъ воплемъ обтекая яму, привели меня въ великій трепетъ. Тогда повелѣлъ я моимъ сопутникамъ отъ закланныхъ овецъ сняти кожи и сожещи мяса ихъ въ жертву богамъ, крѣпкому аду и не умолимой Персефонѣ. Въ сіе время обнаживъ мечь, сталъ я близь ямы, и ни едину

мертвую тѣнь не допущалъ приближитися ко оной, доколѣ услышу грядущую душу Телесія. И се первая тѣнь пришла ко мнѣ Елпинора, коего тѣло не было еще сокровенно въ землю, но лежало въ домѣ богини Кирки не оплакано и не погребенно: зане тогда другїй предстоялъ намъ трудъ.

Я узрѣвъ его пролилъ слезы, и вопросилъ: Елпиноръ! Како ты предварилъ насъ сѣмо? Онъ отвѣщалъ мнѣ: Смиренъ бывъ злымъ рокомъ духа и крѣпостїю вина спалъ на кровѣ дому богинина, и возпрянувъ незапно отъ сна, и вращаяся, низпалъ оттуду и сокрушилъ выю, и тако симъ самымъ путемъ низшла сѣмо душа моя. Нынѣ убо заклинаю тебя именами отца твоего, супруги твоея и сына твоего, коего единаго оставилъ ты во Иѳакѣ; когда возвратишися ко острову Ѳейскому, возпомяни о мнѣ, и не остави мя не оплаканнаго, да

не прогнѣваются на тебя ради меня боги; тѣло же мое со всемъ моимъ оружїемъ предаждь земли, и воздвигнувъ высокую могилу, водрузи надъ оною при брегѣ моря весло, коимъ я, живъ бывъ, разсѣкалъ морскїя воды. Я ему отвѣщалъ: Воистинну все сїе сотворю. По семъ приходитъ душа матери моея Антиклеи, дщери Автоликовой. Я воззрѣвъ на нее пролилъ слезы; но приближиться къ крови не допустилъ, доколѣ не услышу Тересїя. И се грядетъ душа Ѳивскаго прорицателя, въ рукахъ имѣя златый скипетръ, и познавъ мя вопрошаетъ: Что пришелъ сѣмо, О злополучный! оставя свѣтъ солнечный, видѣти мертвыя тѣни и плачевную страну? Но отступи отъ ямы и сокрый мечь твой во влагалищѣ, да испїю крови, и тогда истинну повѣмъ тебѣ.

Тако рекъ; а я отступивъ прочь сокрылъ мечь мой. Тере-

сїй приступивъ, напился крови, и тако начинаетъ: О возвращенїи желаеши вопросити, Одиссей! Но богъ тебѣ положилъ его зѣло многотруднымъ; ибо немню, дабы Посидонъ престалъ отъ гнѣва за сына своего, у коего исторглъ ты око. Хотя претерпиши много зла; однако прїидеши въ домъ твой. Токмо ты и сопутники твои да воздержите души ваши въ день оный, когда пристанетъ корабль вашъ ко острову Франакїйскому, гдѣ обрящете пасущихся тучныхъ кравъ всевидящаго и всеслышащаго Солнца. Къ симъ когда не прикоснетеся, и оставите безвредныхъ, воистинну прїидете въ домы ваши: когда же содѣлаете имъ вредъ, воистинну предвѣщаю тебѣ смерть и всѣмъ твоимъ сопутникамъ, и кораблю сокрушенїе. Ты самъ хотя и спасешися, но зѣло поздо; и погубивъ всѣхъ сопутниковъ и претерпѣвъ многія напасти,

сти, прїидеши вЪ домЪ твой, гдѢ паки обрящеши убїйство, и гордыхЪ мужей поядающихЪ стяжанїя твоя, и ищущихЪ дарами жену твою вЪ супружество себѢ. Но ты воистинну сотвориши мщенїе имЪ за обиды сїя. По избїенїи жениховЪ оныхЪ, паки возшедЪ на корабль предайся плаванїю, доколѢ не прїидеши кЪ народамЪ, кои не знаютЪ ниже моря, ниже кораблей, ниже веслЪ, ниже крилЪ корабельныхЪ, ниже ядятЪ пищи растворенныя солїю. Се же тебѢ знаменїе: узриши тамо идущаго тебѢ во срѢтенїе путника, кой скажетЪ тебѢ: *Что ты на рамѢ твоемЪ несеши лопату*. Тогда ты весло твое водрузивЪ тамо вЪ землю, принеси вЪ жертву царю Посидону овна, барана и вепря, обѢщаваяся при томЪ по возвращенїи вЪ домЪ твой принести сточисленную жертву всѢмЪ богамЪ. Самому же тебѢ смерть прїидетЪ отЪ

 моря,

моря, которая убіетъ тебя изможденнаго глубокою старостію; но живущіе окрестъ тебя народы будутъ благополучны. Се истинна тебѣ предречена!

Тако реклъ онъ. Но я паки вопрошаю его: О Тересій! воистинну сіе тако предустроили боги; но молю тя, повѣдай мнѣ, се вижду душу умершія матери моея, коя не хощетъ ниже воззрѣти на меня, ниже что проглаголати; скажи, царю! како можетъ она познати меня?

Тересій отвѣщалъ ему: Всякъ пришедшій къ тебѣ и испивъ крови, повѣдаетъ истинну тебѣ; кому же мечемъ возбраниши, и кто не испіетъ отъ крови, вспять обратится. Сіе скончавъ, отходитъ Тересіева душа внутрь ада.

Я же сидѣлъ тамо со обнаженнымъ мечемъ, и се пришла матерь моя, и испивъ отъ крови, вскорѣ познала меня, и тако со слезами вѣ-

вѣщаетъ: Сыне мой! Како пришелъ ты во мрачную страну живъ обрѣтаяся? Не могутъ сѣмо пріити всѣ живущіе; зане раздѣляютъ насъ великія рѣки и страшныя исходища, во первыхъ океанъ. Или отъ Трои возвращаяся на кораблѣ, и заблуждалъ по морю? Или и до нынѣ не видѣлъ ты Иѳаки, и возлюбленныя жены твоея? Возлюбленная мати моя! отвѣщалъ я ей, нуждою влекомый, пришелъ я во мрачныя сіи тѣни, да вопрошу Ѳивскаго154 Тересія о пути моемъ; зане и до днесь не видѣлъ отечества моего; но странствую по морю, претерпѣвая напасти. Но молю тя, повѣдай мнѣ; како пресѣкла смерть дни живота твоего, повѣдай о отцѣ моемъ и о сынѣ, еще ли въ рукахъ ихъ сохраняется стяжаніе мое? Или инный кто обладаетъ онымъ? Скажи мнѣ и о женѣ моей, еще ли пребываетъ съ сыномъ своимъ, и хранитъ домъ

и вся стяжанія? Или уже кому другому поручила ложе свое? Она о всемъ повѣдавъ мнѣ истинну, умолкла. Я же помышлялъ во умѣ, прикоснутися къ ней; трижды устремлялся объяти ее, и трижды изчезала отъ рукъ моихъ аки сѣнь, или аки соніе. Я болѣзнуя о семъ, вопросилъ матерь мою: Возлюбленная мати моя! Почто не могу объяти тебя, дабы мы и въ сихъ мѣстахъ объемшися взаимно насытилися плачемъ?

Увы! паче всѣхъ злополучнѣйшій сыне мой! рекла она мнѣ: таковый есть законъ человѣческій, да егда умретъ кто, тѣло и кости его подвергнутся тлѣнію и сожгутся огнемъ, а душа его излетѣвъ отъ тѣла, бываетъ аки соніе. Но ты скоро оставивъ мѣста сіи, иди ко свѣту живущихъ, и возвѣсти о семъ женѣ твоей.

Тогда приступили ко мнѣ многія знаменитыя жены и дщери, дабы

дабы пити кровь; но я извлекши мечь не допущалъ ихъ, желая вопросити о родѣ ихъ: и абїе зрю идущую ко мнѣ Тиру, дщерь Салмонея, жену же Крифея сына Эолова, коя любила прекраснѣйшую рѣку Енипея и близь ея изходищъ всегда пребывала. Царь водъ Посидонъ возлюбилъ ю, пребылъ съ нею при устїи рѣки, повелѣвъ единой отъ волнъ подобной великой горѣ оградити обоихъ. По томъ разрѣшивъ дѣвическїй поясъ, излилъ на нее сладкїй сонъ; по исполненїи любовныхъ дѣйствїй, взявъ ее за руку вѣщаетъ: Радуйся жено съ любовїю! Се по прошествїи года родиши двухъ сыновъ, коихъ воспитай со тщанїемъ: нынѣ же иди въ домъ твой, и блюдися сїе открыти комулибо.

Тако рекши низходитъ во глубины волнующагося моря. Тира же во уреченное время родила Пелїя и Нилея. Первый обиталъ во

Iаолкѣ

Іаолкѣ изобилуя многими стадами, а вторый во градѣ Пилѣ. По семъ родила мужу своему Есона, Ферита и Амиѳаона. По ней видѣлъ Антіопу, дщерь Асопову, которая такожде повѣдала, что почила въ объятіяхъ отца боговъ Дія, и родила двухъ сыновъ, Амфіона и Зифа, кои первые положили основанія седмивратнымъ Ѳивамъ, и тако соорудили высокія стражницы. По семъ видѣлъ Алкмину, жену царя Амфитріона, которая родила великодушнаго Ираклія, имѣвшаго сердце львиное, пребывъ во объятіяхъ сильнаго Дія и совокупившися съ нимъ любовію на ложѣ. Видѣлъ и Мегару дщерь Креонта, жену же сына Амфитріонова; видѣлъ и прекрасную Епикасту, матерь Идипа, которая отъ неразумія своего содѣлала великое безстудство, бывъ женою сыну своему, кой отца убивъ, матерь взялъ въ жену. Злодѣяніе

сіе

сїе открыли боги предъ всѣми людьми. Идипъ страдая великїя болѣзни, владычествовалъ надъ Өивами, а матерь прекративъ силомъ дни бытїя своего, низшла во адъ; видѣлъ такожде Хлору, меньшую дщерь Амфїона, кою нѣкогда за красоту возлюбивъ Нилей, поялъ себѣ въ жену, и отъ коея родилися, Несторъ, Хромїй и Периклименъ; видѣлъ и знаменитую Лиду, жену Тиндара, отъ коея родилися Касторъ и Полидевкъ; сїи имѣя равную честь съ богами, перемѣняли взаимно жизнь свою; ибо иногда обитали на земли, а иногда во адѣ: по семъ видѣлъ Ифимедїю, жену Алоееву, коя родила двухъ сыновъ краткїя жизни, Ота и Ефїалта прекраснѣйшихъ паче всѣхъ людей по Орїонѣ; земля ихъ воспитала ко удивленїю великихъ возрастомъ; ибо когда протекло имъ девять лѣтъ, были въ широту девяти, и въ высоту

соту девяти лактей; сїи хотѣли нѣкогда воздвигнути брань противу безсмертныхъ, но Дїевъ сынъ отъ Литы убилъ ихъ прежде пришествїя въ совершенныя лѣта; видѣлъ Федру, Прокру и Арїадну, дщерь премудраго Миноя, которую нѣкогда отъ Крита увелъ во Аѳины Ѳисей: видѣлъ Меру, Климену и ненавистную Ерифилу, которая за злато предала своего мужа. Всѣхъ же знаменитыхъ женъ чрезъ всю нощь не возможно изчислити.

Тако рекъ Одиссей; и всѣ сидѣли во глубокомъ молчанїи, услаждаяся повѣстїю его. Тогда царица Арита начинаетъ тако: Феакїйскїе вожди! Каковъ зрится вамъ быти сей мужъ разумомъ, лицемъ и величествомъ? Но онъ воистинну страннопришелецъ мой есть; и для того не ускоряйте отпустити его, но уготовите дары;

ры; зане щедротою боговЪ многїя мы имѣемЪ стяжанїя.

По семЪ престарѣлый мужЪ Ехеней глаголалЪ сице: Любезные други! премудрая наша царица истинну рекла; повинитеся убо глаголамЪ ея, и царь Алкиной самЪ предусмотритЪ о всемЪ. Алкиной отвѣщалЪ ему: Воистинну, слово сїе исполнится, когда я пребуду живЪ обладая надЪ Феакїанами. СтранникЪ сей, хотя и проситЪ о отшествїи своемЪ во отечество, но да претерпитЪ до заутра, доколѣ весь совершу дарЪ; о препровожденїи же его да потщатся мужи, и паче всѣхЪ мнѣ подобаетЪ.

Одиссей отвѣщалЪ: Препрославленный паче всѣхЪ царю Алкиной! Когда уготовите мнѣ препровожденїе, и дадите знаменитые дары; воистинну по повелѣнїю вашему не отрекуся цѣлый годЪ пребывати сЪ вами: зане много полезнѣе

бу-

будетъ явитися во отечествѣ съ полною рукою; ибо отъ сего последуетъ честь и любовь отъ всѣхъ, кои узрятъ меня возвратившагося во Иѳаку.

Алкиной отвѣщалъ ему: Одиссей! воистинну мы взирая на тебя, не уповаемъ быти такого, какихъ многихъ питаетъ на себѣ земля, праздношатающихся и лжесоплетателей, коихъ всякъ можетъ познати. Твое же лице и великїй разумъ показываютъ истинну твоея повѣсти: но возвѣсти намъ и о твоихъ совоинственникахъ, кои совокупно были съ тобою при Илїанскихъ стѣнахъ и острїемъ меча, или копїя смерть прїяли; повѣдай о сихъ, еда видѣлъ кого между мертвыхъ тѣней? Нощъ сїя велика зѣло, и время сна еще не приближилося; я же готовъ слушати до самыя утреннїя зари.

Одиссей отвѣщалъ ему: Великїй царю Алкиное! есть время глагола-

голати и есть время спати; но когда желаеши слушати, воистинну не отрекуся отъ повѣданія о моихъ совоинственникахъ, кои возвращаяся отъ брани въ домы, лестію зловредныхъ женъ умерщвлены безвинно. Когда царица Персефона прогнала души знаменитыхъ женъ; тогда приближилась ко мнѣ душа царя Агамемнона и прочіе, кои погибли съ нимъ въ дому Егисѳа. Она испивъ крови скоро меня познала, и проливая слезы, простираетъ ко мнѣ руки, желая объяти меня; но уже не было во оныхъ ни малѣйшія твердости и дѣйствія. Восплакавъ же и я вопросилъ его: Царю Агамемнонъ! Какій рокъ зловредныя смерти сокрушилъ крѣпость твою? Посидонъ ли, воздвигши жестокія волны, погрузилъ тебя во глубинѣ? Или не праведные мужи убили на брани защищающаго градъ, жену и чадъ?

Онъ отвѣщалъ мнѣ: Мудрый Олиссей! Ниже Посидонъ на морѣ, ниже неправедные мужи на земли сокрушили крѣпость мою; но пагубный Егисѳъ и зловредная моя жена-Клитемнистра устроили мнѣ пагубу пригласивъ меня въ домъ на пиршество. И тако погибъ я всякаго плача достойнѣйшею смертїю. Окрестъ же меня лежали и прочїе мои сопутники умученные лютѣйшею смертїю. Знаю, что зѣло многихъ ты видѣлъ убїенныхъ на брани мужей; но когда бы ты былъ приономъ жалостнѣйшемъ нашемъ пораженїи; колико бы ты тяжчайшихъ изпустилъ отъ сердца воздыханїй, колико бы возтрепетала душа твоя, зря окрестъ чашъ и наполненныхъ пищею столовъ поверженныя наши тѣла, и весь помостъ протекавшей горячею кровїю! Тогда слышалъ я печальнѣйшїй и плачевный гласъ Прїамовой дщери, прекрас-

ныя Кассандры, которую равнымЪ образомЪ убила близЪ меня сидѣвшую злокозненная жена моя Клитемнистра. Тогда я, уже умиравшїй, подъемши руки, искалЪ меча ко отмщенїю; но безстудная моя жена отходитЪ прочь, и ниже при самой смерти смѣжила очи мои, ниже затворила отверстыя уста мои. Тако нѣсть ничто вредоноснѣйшее и безстуднѣйшее паче жены, которая предпрїиметЪ таковыя злодѣянїя, какЪ и моя жена убивствомЪ своего мужа содѣвается омерзѣнїемЪ предЪ всѣми благонравными.

Я ему отвѣщалЪ: Увы! Како родЪ АтреевЪ погубленЪ отЪ громомещущаго Дїя за пагубныя совѣщанїя женЪ? ВоперьвыхЪ за Елену погибли многїе; и тебѣ смерть уготовала Клитемнистра, еще далече бывшему отЪ отечества. На сїе АгамемнонЪ паки рекЪ: Тако и ты Одиссей никогда не полагай всея

надежды на жену, и не открывай всѣхъ помышленій твоихъ; но иное повѣдай, иное же сокрой на сердцѣ твоемъ; но твоя, Одиссей! жена не предуготовитъ тебѣ смерти; зане зѣло разумна есть и благими украшена нравами. Самъ ты вѣдаеши, коль младу мы оставили ее, когда отходили на брань, и сынъ ея тогда ссалъ сосцы, а нынѣ обрѣтается нѣгдѣ между премудрыми мужами: возвеселится блаженный отецъ сыномъ своимъ, и радостію возрадуется сынъ, узрѣвъ отца возвратившагося въ домъ свой: но меня пагубная жена пославъ преждевременно въ сіи мѣста, не допустила насладитися зрѣніемъ сына. Ты же сохрани мои слова: не явно, но тайно тщися направити корабль твой ко отечеству; ибо не скоро подобаетъ яти вѣру женамъ. Но молю тя, повѣдай мнѣ, ежели слышалъ ты о сынѣ моемъ Орестѣ, гдѣ онъ нынѣ обрѣ-

обрѣтается, во Орхоменѣ ли, или вЪ Пилѣ, или у Менелая вЪ Спартѣ? Токмо знаю, что еще не умерЪ.

Я ему отвѣщалЪ: Сыне Атреевъ! Что мя вопрошаеши о семЪ? Ибо я и самЪ не знаю, живЪ ли онЪ, или уже умерЪ: не извѣстное же повѣдати есть не похвально. Тако мы разглагольствовали проливая слезы; и се приближилися души: Ахиллова, Патроклова, Антилохова и Эантова. Тогда первая душа Ахиллова познавЪ мя вопрошаетЪ: Одиссей! Какое еще вящшее совѣщевая дѣло, пришелЪ ты сѣмо? Како дерзнулЪ приближитися кЪ симЪ мѣстамЪ, гдѣ единыя токмо тѣни и подобїя умершихЪ человѣкЪ обитаютЪ?

Я ему на сїе отвѣщалЪ: Знаменитѣйшїй Ахейскїй сыне Пилеевъ! ПришелЪ я сѣмо вопросити Тересїя, какое средство обрящу, да прїиду живЪ во отечество мое; ибо и до нынѣ по всѣмЪ странамЪ

заблуждаю, претерпѣвая великїя напасти. Тебя, знаменитѣйшїй Ахиллъ! почитаю паче всѣхъ смертныхъ блаженнѣйшимъ, кои были и кои будутъ; ибо прежде мы почитали тя храбрымъ бранноносцемъ, нынѣ же паки владычествуеши надъ мертвыми. Ахиллъ отвѣщалъ мнѣ: Не воспоминай мнѣ о смерти; ибо лучше бы я желалъ быти сельскимъ жителемъ, и прїимая мзду наемничу, работалъ бы мужу нищу, кой и самъ не имѣетъ пропитанїя, нежели обладати мертвыми; но молю тя повѣдай о сынѣ моемъ, уже ли можетъ взыти на брань и явитися доблественнымъ воинственникомъ? Повѣдай такожде и о Пилеѣ отцѣ моемъ; еще ли сохраняютъ Мирмидоняне къ нему почтенїе свое? Или уже во всей Ѳессалїи и Фтїи всѣ его презираютъ за то едино, что старость овладѣла его членами; меня же мстителя уже не видятъ

подъ

подъ солнечными лучами, какъ нѣкогда бывъ при Троянскихъ стѣнахъ сокрушалъ избранное ихъ воинство, защищая возлюбленныхъ Аргивянъ? О когда бы я таковъ пришелъ въ домъ ко отцу моему; воистинну показалъ бы крѣпость мою и браннoносныя мышцы тѣмъ, кои творятъ отцу моему обиды, и не воздаютъ ему почитанiя!

Я ему отвѣщалъ: О отцѣ твоемъ Пилеѣ воистинну ничего я не слышалъ; о сынѣ же твоемъ Неоптолемѣ возвѣщу, какъ подобаетъ; ибо самъ я его отъ острова Скира привелъ на кораблѣ ко Ахейскому ополченiю, гдѣ, когда военачальники вступали въ совѣты, онъ первый тогда предъ всѣми открывалъ свои мнѣнiя, единъ токмо Несторъ и я ему противорѣчили; прочимъ же ни кому не уступалъ: колико же онъ убилъ на брани знаменитыхъ мужей, воистинну исчислити не могу? Но О коль великое

явилъ онъ дѣло, когда убилъ пресловутаго ироя Еврипила, сына Тилефова, окрестъ коего многїе повержены лежали Китеяне! Когда же вошли мы избранные отъ всѣхъ Ахеянъ внутрь онаго коня, коего соорудилъ Эпей; тогда всѣ вожди трепетали и плакали; но я его не позналъ ниже малѣйшимъ страхомъ возмущенна, токмо многажды просилъ всѣхъ изыти изъ коня, сотрясая рукоятїе меча своего, и острое копїе на пагубу Троянамъ. Когда раззорили Прїамовъ градъ; онъ прїявъ достойную часть отъ корыстей, возшелъ на корабль здравъ, и ни мало невредимъ, какъ бываетъ на брани, гдѣ безъ разбору Арей неистовствуетъ.

Тако я ему повѣдалъ; онъ же обрадованъ отходитъ, шествуя по зеленому полю. Многїя тамо стояли и инныя печальныя души, возвѣщая свои наказанїя. Единаго токмо Эанта сына Теламонова

ду-

душа стояла далече отъ меня, гнѣваяся за приобрѣтенное мною Ахиллово оружїе по суду, кой предложили сыны Троянскїе, матерь его Ѳетида и Аѳинская Паллада. Воистинну лучше бы мнѣ лишенну быти сея побѣды, нежели толикую главу зрѣти прежде времени низшедшую во адъ, каковъ былъ Эантъ, кой благолѣпїемъ лица и крѣпостїю силъ и мужественнымъ дерзновенїемъ превосходилъ всѣхъ Ахеанъ, кромѣ единаго Ахилла. Но я возопилъ къ нему: Прехрабрѣйшій Эантъ, сыне Теламоновъ! Или ты и по смерти не хощеши оставити гнѣва твоего на меня за зловредное оружїе, кое послѣ содѣлало великїя злоключенїя Ахеянамъ, лишившимся твоего защищенїя? Ибо ты единъ всѣмъ намъ былъ крѣпкою твердынею. Сего ради равною какъ о Ахиллѣ, тако и о тебѣ сокрушаемся печалїю. Дїй же страшно возненавидѣлъ Ахеянъ, какъ и

 тебѣ

тебѣ послалъ смерть лютую. Приближися убо, О царю! да насытимся взаимнымъ разглагольствїемъ, смири не преодолимую крѣпость твою, и отрини досажденїя великїя души твоея.

Тако я его молилъ; но Ѳантъ ничего не отвѣщавъ, отходитъ ко прочимъ душамъ во мрачныя сѣни. По семъ видѣлъ Миноя, сына Дїева, державшаго въ рукахъ злашый скипетръ, и дававшаго судъ мертвымъ, кои въ великомъ множествѣ стояли окрестъ его. Позналъ я тамо и чуднаго Орїона съ желѣзнымъ не сокрушимымъ жезломъ, ловящаго звѣрей по горамъ и полямъ. По семъ узрѣлъ я Титїя, сына земли, разпростерта лежавша на помостѣ, долготою въ девять десятинъ, окрестъ коего стояли плотоядныя птицы, терзая внутреннїя его части; но онъ ихъ не могъ отгнати; ибо хотѣлъ питати любовь къ богинѣ Литѣ,

шед-

шедшей къ Панопеянамъ. Видѣлъ тамо и Тантала мучима лютыми болѣзньми, кой стоялъ въ водѣ по самыя уста, жаждалъ напитися, но не могъ; ибо колико кратъ преклонялъ главу для утоленія жажды, толико вода отъ него сокрывалася, а подъ ногами его зрима была сухая земля; близъ его стояли древа, надъ главою же висѣли плоды созрѣвшіе, груши, разновидныя яблоки, смоквы и зеленыя маслины, къ коимъ когда Танталъ простиралъ руки, желая вкусити отъ нихъ, но они абіе вѣтромъ возхищаемы были на воздухъ. По семъ узрѣлъ Сисифа, носящаго на гору съ безмѣрнымъ трудомъ великій камень, кой егда бываетъ вознесенъ уже на самый верхъ горы, мгновенно изторгается отъ рукъ его, и со стремленіемъ летитъ долу: Сисифъ тѣже труды паки воспріемлетъ, и непрестанно обращается въ оныхъ. По семъ ви-

дѣлъ

дѣлъ подобїе Ираклїево, кой самъ сидѣлъ между безмертными, наслаждаяся божественнымъ пиршествомъ, и имѣя жену прекрасную Иву, дщерь великаго Дїя и прекрасныя Иры; окрестъ его былъ вопль мрачныхъ тѣней, аки гласъ птицъ несущихся отвсюду; самъ же подобенъ былъ темной нощи; въ рукѣ имѣлъ лукъ и стрѣлу, перси его были препоясаны златымъ ремнемъ, на коемъ изображены чудныя дѣла, страшные вепри, великїе медвѣди, ужасные львы, сраженїя, смертоносныя брани и человѣкоубїйства. Онъ скоро познавъ мя вопрошаетъ со слезами: Мужественный Одиссей! Или и ты такожде страждеши великїя напасти, каковыя и я понесъ нѣкогда, обрѣтаяся подъ солнечными лучами? Я нарицался сыномъ великаго Дїя, но труды претерпѣлъ неизреченные; ибо повинуяся мужу безсильнѣйшему, отягченъ

ѓченъ былъ отъ него не стерпимыми трудами: какъ нѣкогда по повелѣнїю его извелъ я отсюду не укротимаго пса; ибо не обрѣталъ инаго многотруднѣйшаго подвига; но я извелъ пса онаго отъ сихъ мрачныхъ мѣстъ: путеводители мнѣ тогда были Ермїй и Паллада.

Сїе скончавъ отходитъ внутрь ада, я же пребывалъ тамо непоколебимо ожидая пришествїя прочихъ древнихъ ироевъ, Өисея, Пириөоя и иныхъ прославленныхъ мужей; но прежде начали собиратися иныя души въ несчетномъ множествѣ и со ужаснымъ шумомъ. Я устрашенъ бывъ зѣло, дабы не послала ко мнѣ отъ ада Персефона страшное чудовище Горгонскую главу, и скоро отшедъ къ кораблю моему, повелѣлъ сопутникамъ отрѣшити его. Вшедши въ корабль, съ начала по рѣкѣ веслами путь нашъ совершали, но при-

приближився къ океану, благопоспѣшнымъ вѣтромъ управляемы были.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ.

Ми.

И тако скончавъ мореплаваніе наше, паки пристали ко острову Эейскому, гдѣ денницы священное есть обиталище, и ея лики, и солнца восхожденіе; тамо мы вшедъ на брегъ моря, корабль поставили на суши. Когда явилася утренняя заря; тогда я предпослалъ сопутниковъ моихъ, дабы взяли отъ дому богини Кирки тѣло умершаго Елпинора, кое на брегѣ моря предавъ огню, соорудили высокую могилу, и надъ гробомъ весло водрузили. Богиня Кирка

ка познавЪ о нашемЪ возвращенїи отЪ ада, зѣло скоро пришла кЪ намЪ, послѣдующимЪ за нею двумЪ рабынямЪ, хлѣбЪ, мяса и вино несшимЪ, и ставЪ посредѣ насЪ вѣщаетЪ: Злополучные! Како живи суще низходили вЪ домы ада? Двоекратно убо будете вы мертвые, когда вси единожды токмо умираютЪ. Сядите убо и укрѣпитеся пищею, и пїйте вино; заутраже, когда явится заря, отЪидете вЪ путь вашЪ, кой вамЪ покажу, и открыю все, да не како злыми вашими совѣтами или неразумїемЪ погибнете на морѣ или на земли.

Тако совѣщевала намЪ богиня. Мы сѣдши препроводили весь день, ядя не исчетныя мяса и пїя сладкое вино. Когда же наступила нощь, всѣ мои сопутники почили при кораблѣ; а меня богиня взявЪ за руку, отвела на страну особь, и возлегши при мнѣ вопрошала о

всемЪ.

всемъ. Я все видѣнное мною во адѣ открывъ предъ нею умолкъ. Богиня паки начинаетъ тако: Возлюбленный Одиссей! Уже все тобою испытано есть: но внуши, я повѣмъ тебѣ нѣчто новое; самъ же Богъ приведетъ тебѣ на память: вопервыхъ пріидеши къ Сиринамъ, кои всѣхъ людей прельщаютъ тако, что всякъ приставшей тамо, и слышавъ гласъ и пѣніе ихъ усладенъ бываетъ толико, что не узритъ жену и чадъ веселящихся о возвращеніи его. Они сѣдятъ на зеленомъ полѣ, близъ ихъ стоитъ высокій холмъ отъ согнившихъ костей и труповъ человѣческихъ. Ты не останавливай тамо корабля твоего; но смягчивъ воскъ, вложи его во уши сопутникамъ твоимъ, дабы никто не могъ слышати ихъ пѣнія. Самъ же ты, когда хощеши, слушай пѣніе ихъ; токмо прежде повели привязати руки и ноги твои къ вѣтрильному древу крѣпкими

кими ужами; и когда будеши молити совоинственниковъ своихъ о отрѣшенiи твоемъ, тогда крѣпчайше да свяжутъ тебя. Миновавъ сихъ зловредныхъ женъ узриши два пути, о коихъ возвѣщу тебѣ; ты же слова мои сохрани на сердцѣ твоемъ: тамо стоятъ двѣ высокiя каменныя горы, гдѣ съ не стерпимымъ шумомъ ударяются морскiя волны. Горы сiи отъ боговъ нарицаются заблуждательными, гдѣ никакiя птицы не могутъ прелетѣти, ниже сами голуби, кои отцу боговъ Дiю носятъ безсмертное питiе; но всегда единъ отъ нихъ похищается горою, и на мѣсто имѣющаго погибнути всегда великiй Дiй посылаетъ излишняго голубя въ дополненiе числа. Тамо ни единъ корабль не преходилъ безъ пагубы; но какъ все твердое сооруженiе онаго мгновенно разрушается; тако и тѣла мужей поглощаются внезапно сви-

рѣпыми волнами и кипящею бурею. Единъ токмо корабль, нарицаемый Арго, прешелъ тамо безъ вреда, совершая путь отъ Эеты; но воистинну погиблъ бы и оной, когда бы Ира его не препроводила; зане Іасонъ былъ ей любезенъ. Едина отъ сихъ горъ высотою своею касается небесамъ, и окружена есть темными облаками; на верхъ ея никогда не возходитъ свѣтлость небесная, ниже во время лѣта, ниже во время осени; ни какїй смертный не можетъ взыти на ню, ниже оттуду снити; ибо зѣло есть гладка: по средѣ горы есть темная пещера, отверзстїемъ стоитъ на западъ. Тамо направи теченїе корабля твоего толь далече, колико человѣкъ стрѣлою можетъ достигнути. Тамо обитаетъ Скилла, страшный вопль износящая; гласъ коея аки гласъ младаго львичища; сама же ужасное есть чудовище, и никто воззрѣвъ на нее не порадуется,

хотя

хотя бы и самъ богъ изшелъ во срѣтенiе ея. Дванадесять имѣетъ ногъ, но видомъ всѣ скверныя; шесть вый зѣло долгихъ, толико же и главъ, коихъ зiянiя ограждены суть тремя рядами великихъ зубовъ, наполненныхъ страшною смертiю. Едина часть тѣла ея погруженна лежитъ въ пещерѣ; а выи со главами и отверзстыми челюстьми всегда зрятся на открове́нномъ свѣтѣ; ибо погружая ихъ во глубину моря, созерцаетъ окрестъ горы на пищу себѣ делфиновъ, морскихъ псовъ, страшныхъ китовъ и иныхъ разныхъ чудовищъ, коихъ въ безчисленномъ множествѣ питаетъ Амфитрита. Здѣсь ни единъ корабль безъ вреда не проходилъ; но всегда каждою главою по единому мужу сiе чудо похищало отъ корабля. Другую гору узриши меньшую, и отстоящую толико, колико можетъ человѣкъ изъ лука

достигнути стрѣлою. На ней стоитъ великое сѣннолиственное смоковничное древо; тамо обитаетъ не умолимая богиня Харивда, которая трижды изрыгаетъ изъ себя морскїя воды, и паки трижды оныя поглощаетъ съ не обычайнымъ шумомъ. Блюдися убо тамо приближатися, паче же когда поглощаетъ воды; зане тогда уже ниже самъ Посидонъ возможетъ избавити тебя отъ пагубы сея. Но ты, колико можно, приближаяся ко Скиллѣ, тщися зѣло скоро преплыти кораблемъ твоимъ; ибо лучше есть лишитися шести сопутниковъ, нежели всѣмъ погибнути купно.

Тако совѣщевала мнѣ богиня; я же отвѣщалъ ей: Но молю тя, о великодушная Кирка! Повѣдай мнѣ, како избѣгнувъ отъ Харивды, сотворю достойное мщенїе Скиллѣ за смерть сопутниковъ моихъ? Она отвѣщала мнѣ: О злополучный Одиссей!

сей! Еще ты о ратныхЪ помышляеши дѣлахЪ? Или и противу безсмертныхЪ хощеши воздвигнути брань? Ибо Скилла воистинну не боится смерти; зане она есть безсмертное, нестерпимое, величайшее и не преодолимое смертоносное зло. Боюся бо, да не паки, сотворивЪ устремленіе, постигнетЪ васЪ, и толикими же главами толико мужей пожретЪ. Но ты протекая тамо, велїимЪ гласомЪ взывай имя *Кратеи*; ибо сїя есть матерь родившая чудо сїе; она токмо едина можетЪ усмирити ее. По семЪ прїидеши ко острову Фринакїйскому, гдѣ многія Солнцевы кравы и тучныя овцы пасутся. Тамо узрите седмь стадЪ овецЪ, толикоже и кравЪ; каждое стадо содержитЪ вЪ себѣ по пятидесяти. НѢсть вЪ нихЪ порожденія; ибо никогда не умираютЪ. Пастыри ихЪ суть дщери Солнца отЪ Нееры, Фаеѳуса и Лампетія, коихЪ родивЪ и вос-

 пи-

питавъ божественная матерь, послала на островъ сей пасти отеческія стада, къ коимъ ежели вы не прикоснетеся, воистинну пріидете во Иѳаку; когда же содѣлаете имъ вредъ, предвѣщаю всѣмъ смерть не избѣжимую. Ты самъ хотя и спасешися, но въ домъ твой пріидеши зѣло поздо, и погубивъ всѣхъ сопутниковъ. Тако вѣщающей богинѣ, возходитъ златозрачная денница. Тогда премудрая Кирка оставивъ меня въ домъ отходитъ. Я же возбудивъ отъ сна сопутниковъ моихъ, повелѣлъ приуготовлятися къ пути. Они скоро исполнивъ мое велѣніе, восходятъ на корабль, гдѣ разположивъ все оружіе, и сѣдши по мѣстамъ начали разсѣкати морскія воды веслами. Богиня послала во слѣдъ нашъ благопоспѣшный вѣтръ, кой наполнивъ вѣтрила несъ корабль нашъ съ великою скоростію, управляемый кормчіимъ.

Тогда я къ сопутникамъ моимъ начинаю тако: Други мои! Не подобаетъ единому или двоимъ токмо знати предвѣщанія, кои возвѣстила мнѣ богиня Кирка; но воистинну повѣдаю предъ всѣми, да или умремъ, или спасемся всѣ совокупно: се вопервыхъ пріидемъ ко сладкопѣсненнымъ Сиринамъ, коихъ гласа и цвѣтоноснаго ихъ поля всячески подобаетъ вамъ бѣжати; мнѣ же единому повелѣла богиня слушати пѣніе ихъ, токмо прежде да привяжете мя крѣпкими ужами къ вѣтрильному древу; и когда я буду молити васъ о отрѣшеніи моемъ, тогда вы паче укрѣпите ужи. Тако вѣщающу мнѣ, се корабль нашъ благопоспѣшнымъ несомый вѣтромъ, приближился ко острову Сиринъ; абіе настала тишина велія, и вѣтръ успокоился. Сопутники мои возставъ и собравъ парусы положили оныя въораблѣ, которой къ те-

ченїю понуждали греблами. Тогда я возставъ отсѣкъ великую часть воску, и претиралъ оный руками; смягчившуся ему зѣло отъ солнечнаго зноя, заткнулъ всѣмъ сопутникамъ моимъ уши; а они руки и ноги мои крѣпкими ужами привязали къ вѣтрильному древу, сами паки начавъ продолжати путь веслами. Когда же толико отстояли отъ острова Сиринъ, колико гласъ вопїющаго можетъ слышанъ быти, тогда они познавъ плаванїе нашего корабля, воспѣли тако: Велїя слава Ахеянъ, О знаменитый Одиссей! Остави сѣмо корабль твой, прїиди къ намъ, да услышиши сладкїй гласъ нашъ; ни какїй бо отсюду корабль не отходилъ не бывъ услажденъ нашимъ пѣнїемъ, и не познавъ многихъ хитростей отъ насъ; знаемъ мы колико злоключенїй изволенїемъ боговъ претерпѣли Аргивяне и Трояне. Извѣстно намъ все

что

что ни есть на многопитающей земли.

Тако воспѣвали; и мое сердце зѣло услаждалося ихъ гласомъ. Тогда я помизая очами моими, молилъ о отрѣшенїи моемъ, но Перимидъ и Еврилохъ возставъ крѣпчайшими ужами связали меня тако, что ни малѣйше не могъ двигнутися. Когда преплыли островъ сей, и уже не слышали гласа Сиринъ; тогда сопутники мои отъявъ отъ ушей воскъ, и меня разрѣшили. По семъ вскорѣ узрѣлъ я дымъ, и великїя возходящїя волны, услышалъ также и нестерпимый шумъ, абїе устрашилися всѣ; мещутъ изъ рукъ весла, престалъ корабль отъ теченїя своего, не имѣя веслъ напряженїя.

Тогда я бѣгая по кораблю, увѣщевалъ сопутниковъ моихъ тако: Други мои! Уже мы многїя злоключенїя испытали; но богиня

повѣдала, что злѣйшаго противу того не будетъ, когда заключены мы были въ темной пещерѣ люта-го Киклопа; но и оттуду мудрыми моими совѣтами и хитростїю освободилися. Потщитеся убо и нынѣ воспрїяти мужество ваше, и повинитеся глаголамъ моимъ, прїимите весла, и напрягайте оными всѣ силы ваши къ теченїю корабля нашего; еда не поможетъ ли намъ великїй Дїй спастися и отъ сего зла. Ты же кормчїй, что повелю, сохрани на сердцѣ твоемъ; зане вся сила корабля твоими руками управляется. Се зриши изходящїй дымъ и великїя волны; тамо направи корабль твой, и взирая на камень тщися избѣжати отъ погибели. Тако я увѣщевалъ, и сопутники мои повинулися совѣтамъ моимъ. Но о Скиллѣ воспомянути имъ боялся, да не како устрашенны бывъ отъ трудовъ престанутъ. Я воистинну забылъ то-

тогда повелѣнія Кирки, которая вовсе завѣщала мнѣ безоружну тамо пребыти; но я тогда облеченъ бывъ всемъ оружїемъ, и имѣя въ рукахъ два великїя копїя, стоялъ на самомъ верхѣ носа корабельнаго; ибо оттуду уповалъ я узрѣти Скиллу, имѣющую содѣлати моимъ сопутникамъ великую пагубу. Всюду простиралъ я взоръ мой созерцая окрестъ горы, но ни гдѣ не могъ узрѣти; и тако со трепетомъ и со слезами преходили тѣсноту мѣста сего. Въ сїе время бурная Харивда съ не сказаннымъ ужасомъ поглощала морскїя сланыя воды; и когда паки отрыгала оныя, вся возмущенна была не стерпимымъ шумомъ, аки конобъ съ клокощущею водою стоящїй на великомъ огнѣ; верхи же высокихъ камней окроплялися всюду каплями возметаемыхъ водъ; вся гора наполнялася громомъ, и отступающимъ водамъ зрима была земля

и песокъ; возтрепетали наши сердца отъ страха пагубы; и мы уже не помышляли о Скиллѣ, которая въ самое сїе время возхитила мгновенно отъ корабля шесть сопутниковъ, кои крѣпостїю и мужествомъ превосходили прочихъ. Я обращся увидѣлъ токмо руки и ноги ихъ подъятыхъ Скиллою на воздухъ, и трепещущихъ въ челюстяхъ ея. Тогда [О плачевное зрѣнїе!] въ послѣднее услышалъ я призывающихъ имя мое на помощь къ себѣ. Аки рыбы, лестною уловленныя пищею и поверженныя на пескѣ, трепещутъ желая сniти паки въ воду; тако трепетали руками и ногами сопутники мои влекомые къ горѣ, гдѣ во дверяхъ пещеры терзало чудовище вопїющихъ и простирающихъ ко мнѣ руки. Многїя понесъ я злоключенїя на земли и на морѣ, но толь бѣдственнаго и жалостнаго никогда не видѣлъ.

Пре-

Прешедъ сїи зловредныя мѣста, приближилися къ прекрасному острову Солнца, гдѣ многїя на тучномъ злакѣ питалися его стада. Я еще бывъ на морѣ, издалече слышалъ ревущихъ кравъ, и блеянїе овецъ. Тогда возпомянулъ я слѣпаго Θивскаго прорицателя предвѣщанїе, и Эейскїя богини Кирки, которая многажды совѣтовала мнѣ бѣжати отъ острова сего, и не возходити тамо на землю.

Когда уже не далече были отъ острова, тогда я начинаю къ сопутникамъ моимъ: Други мои! внушите завѣщанїе, какое слышалъ я отъ Θивскаго Тересїя и отъ богини Кирки: бѣжимъ по повелѣнїю ихъ, бѣжимъ всѣми силами отъ острова сего, надъ коимъ владычествуетъ всѣхъ освѣщающее Солнце; ибо отсюду постигнетъ насъ необходимая смертоносная пагуба.

Тако я совѣщевалъ, и всѣхъ объ-

объяло унынїе великое: Эврилохъ же отвѣщалъ мнѣ зѣло досадительными словами: О злополучный Одиссей! Еще крѣпость твоя не оскудѣла отъ тебя, ниже твердость членовъ твоихъ ослабѣла; воистинну всѣ составы твои желѣзные суть. Нынѣ изнемогли мы отъ великихъ трудовъ и безсонїя; и ты не допущаеши насъ взыти на землю, гдѣ бы могли уготовати вечерю; но повелѣваеши слѣпо заблуждати по морю чрезъ всю нощь, когда найпаче возходятъ вѣтры и возносятся волны, многажды и корабли сокрушаются. Кто убо тогда спасется отъ смерти, егда возстанетъ буря отъ сѣвера или юга, и свирѣпыя волны разбыплютъ корабль противъ изволенїя боговъ? Предадимся убо темной нощи, и изшедъ на сушу да уготоваемъ себѣ вечерю, заутра же паки взыдемъ на корабль, и путь возприимемъ.

Тако

Тако рекъ; и всѣ повинулися совѣтамъ его. Тогда я совершенно позналъ, что нѣкто отъ боговъ предустрояетъ намъ пагубу, и видя ихъ непреклонность тако вѣщаю имъ: Когда вы всѣ совокупно нудите меня единаго почити здѣсь; молю васъ, сотворите священную клятву, что изшедъ на островъ сей, когда узрите тамо кравъ или овецъ, не убіете ни единыя отъ нихъ, но съ молчаніемъ пребудете ядя пищу, которую Ѳейская Кирка дала намъ.

Тако рекъ я имъ; и они по повелѣнію моему сотворивъ клятву вошли во пристанище, гдѣ сладкая текла вода. Всѣ изшедъ отъ корабля уготовали вечерю, и насытився пищею и питіемъ, плакали о своихъ сопутникахъ, коихъ пожрала ненасытная Скилла; плачущимъ же имъ пришелъ сладкій сонъ. Когда была третія часть

нощи,

нощи, и уже звѣзды преклонялися; тогда громомещущій Дій послалъ жестокій вѣтръ съ ужасною бурею, облаками затмилъ землю и море; низпала нощь темная отъ небесъ. Когда явилася утренняя заря, вовлекли мы корабль во пристанище, гдѣ была пещера, и обиталище Нимфъ, и я тако начинаю къ моимъ сопутникамъ вѣщати: Други мои! Пищу ипитїе имѣемъ мы на кораблѣ нашемъ; для сего отъ пасущихся здѣсь стадъ сихъ воздержите руки ваши, да не постигнетъ насъ зло какое; зане сїи стада суть всевидящаго и всеслышащаго Солнца.

Тако я ихъ увѣщевалъ, и они обѣщалися быти мнѣ послушными. Цѣлый мѣсяцъ бурные отъ сѣвера и юга вѣтры препятствовали намъ совершати путь. Сопутники мои доколѣ имѣли хлѣбъ и вино на кораблѣ, дотолѣ воздержалися

отъ

отъ воловъ, спасая животъ свой; но когда все напутїе на кораблѣ истощилося, тогда они ловили рыбъ, птицъ и звѣрей; зане гладъ удручалъ ихъ чрево. Во единъ отъ дней тѣхъ отшелъ я особь во островъ принести моленїе богамъ, дабы показали мнѣ путь къ возвращенїю въ домъ. Когда далече уже отъ всѣхъ отлучился, тогда въ нѣкоемъ мѣстѣ, защищенномъ отъ вѣтра, молился всѣмъ богамъ, обитающимъ на Олимпѣ, кои послали на очеса мои сладкїй сонъ. Въ то самое время возсталъ Еврилохъ, яко предводитель пагубнаго совѣта, и тако начинаетъ: Внушите злополучные други слова мои! Всякїй родъ смерти ненавистенъ есть каждому человѣку, но умрети гладомъ ничто же есть мучительнѣйшее. Отведемъ убо отъ Солнцевыхъ стадъ нѣсколько избранныхъ кравъ, и вопервыхъ принесемъ отъ нихъ жертву без-

смертнымЪ богамЪ; по семЪ и сами насытимся: и когда прїидемЪ во Иѳаку, тогда вскорѢ высокотекущему богу Солнцу соорудимЪ великолѢпный храмЪ, и положимЪ тамо многїя драгоцѢнныя украшенїя. Когда же прогнѢвается за своихЪ кравЪ, и восхощетЪ насЪ погубити, то защитятЪ насЪ другїе боги. Но я лучше желаю погубити животЪ среди глубины морскїя, нежели на пустомЪ островѢ долго таяти гладомЪ. Тако пагубу совѢщевалЪ ЕврилохЪ, и всѢхЪ прочихЪ преклонилЪ на страну свою. ВскорѢ отгнали кравЪ; ибо недалече паслися отЪ корабля. По томЪ собравЪ листвїе отЪ младаго дуба, зане не имѢли пшеницы, сотворили богамЪ моленїе. ПослѢ заклавЪ кравЪ и снявЪ кожи ихЪ, бедра покрытыя тукомЪ принесли вЪ жертву богамЪ, а прочїя мяса и внутреннїя части изжаривЪ сами поѢли. Тогда сладкїй сонЪ низпалЪ отЪ

очей

очей моихъ, спѣшу итти къ кораблю моему. Приближающуся мнѣ ко брегу, се прихотитъ мнѣ сладкаго обонянїя дыханїе; тогда я со слезами возопилъ на небо: О великїй Дїй, и вы вси прочїе боги безсмертные! Воистинну къ великой моей пагубѣ низпослали вы сонъ на меня: познаю, что сопутники мои пребывая едины содѣлали великое зло. Абїе Лампетїя приходитъ ко отцу своему съ возвѣщенїемъ о похищенныхъ кравахъ. Солнце услышавъ сїе, раздраженнымъ сердцемъ вопїетъ: Отче Дїй, и вы вси безсмертные боги! Отмстите сопутникамъ Одиссеевымъ убившимъ кравъ моихъ, коими я утѣшался возходя на небо, или оттуду низходя на землю; когда же не узрю на нихъ мщенїя за обиду мою, низъиду въ жилища адовы, и тамо буду освѣщати мертвыхъ.

Собираяй воедино облаки,

отецЪ боговЪ Дїй, отвѣщалЪ ему: О Солнце! Воистинну безсмертныхЪ боговЪ и смертныхЪ людей обитающихЪ на земли будеши освѣщати; зане сихЪ мужей скоро накажу; низвергну отЪ десницы моея палящую молнїю, сокрушу корабль ихЪ, самихЪ же потоплю во глубинѣ моря. Сїе я слышалЪ отЪ богини Калипсы, коей возвѣстилЪ о семЪ вѣстникЪ боговЪ Ермїй. Я пришедЪ кЪ сопутникамЪ, каждаго поносилЪ недостойными словами, помощи ни малѣйшїя не зря ни откуду, зане кравы уже были закланы. Боги послали страшныя имЪ предзнаменованїя: ползали кожи убитыхЪ кравЪ, и вонзенныя на рожнахЪ мяса, такожде жареныя и сырыя издавали мычанїе, аки живыя кравы. Шесть дней злополучные мои сопутники насыщалися мясами тучныхЪ СолнцевыхЪ кравЪ. Наставшу седьмому дню, престалЪ вѣтрЪ, и бури

утихли;

утихли; тогда мы возшедъ на корабль утвердили вѣтрильное древо, и разпустили на немъ вѣтрила. Когда мы оставили островъ, и ни откуду не видѣли земли, токмо небо и море; тогда молнїеносный Дїй воздвиглъ надъ кораблемъ нашимъ великїй облакъ; потемнѣло море предъ нами, прекратилося и плаванїе наше, ибо свирѣпствующїй зефиръ стремительно низпалъ на насъ, воздвигнувъ бурный вихрь: абїе прерываются крѣпкїя ужи, сокрушается вѣтрильное древо, падаетъ все орудїе внутрь корабля; кормчїй поражается громомъ во главу, и мгновенно сокрушившимся всѣмъ костямъ его, падаетъ во глубину моря. Дїй паки возгремѣвъ мещетъ на корабль палящую молнїю; все твердое его сооруженїе поколебалося; падаютъ въ море бѣдственные мои сопутники, и аки птицы ищущїя рыбъ плаваютъ окрестъ корабля;

 зане

зане богъ отъялъ ихъ возвращенїе въ домы. Я же недоумѣнїемъ и страхомъ одержимый ходилъ по кораблю, доколѣ всѣ доски его силою волнъ на разсыпалися; едино токмо дно осталося, и вѣтрильное древо, на коемъ былъ ремень привязанъ. Я оба сїи древа связавъ крѣпко сѣлъ на нихъ, и носимь былъ жестокими вѣтрами. Тогда бурнодышущїй зефиръ утихлъ, на мѣсто коего возсталъ нотъ, несущїй сердцу моему не стерпимыя болѣзни. И тако всю нощь оную носимь я былъ по волнамъ. Возшедшу солнцу увидѣлъ паки страшную Скиллу и смертоносную Хариvду; сїя тогда поглощала морскїя воды. Я предавъ корабельное дно и вѣтрило на поглощенїе ей, самъ возхитилъ единъ великїй сукъ стоявшїя тамо смоковницы, и держалъ оный всѣми силами, висѣлъ неприкосновенно ни къ чему ногами, ниже взыти

могъ

могѣ выше; ибо вѣтви едина отѣ другїя вѣ великомѣ были разстоянїи. И тако непрестанно держалѣ возхищенный мною сукѣ, доколѣ паки Харивда не извергла корабельное дно и вѣтрильное древо, тогда, когда мужь дающїй судѣ востаетѣ отѣ сонма, и идетѣ вѣ домѣ обѣдати. Вѣ сїе самое время явилися древа оныя изшедшїя отѣ Харивды; тогда я низпустился на оныя, и понре глава моя во глубину водѣ. Сѣдши посредѣ совершалѣ плаванїе вмѣсто веслѣ руками. Скиллу же отецѣ боговѣ не допустилѣ дабы узрѣла меня; ибо воистинну не избѣжалѣ бы смертоносныя пагубы. И тако девять дней носимь я былѣ вѣтрами по морю, а вѣ десятый принесли меня боги ко острову Огигїи, гдѣ обитала знаменитая богиня Калипса, которая любила меня, и со тщанїемѣ угощала. Но почто о семѣ воспоминати? Ибо

я

я уже повѣдалъ вамъ сїе; да и самому мнѣ не прїятно есть сказанное повторяти.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ первой части

Напечатано.			Читай.
Стран:	стро:		――――
36.	18.	Алисѳерсъ,	Алиѳерсъ,
41.	14.	Алисѳерсъ,	Алиѳерсъ,
78.	20.	дебряную	сребряную
89.	24.	споспѣшестуемомъ	споспѣше-ствуемомъ
131.	25.	иму	ему
173.	4.	Ммогіе	многіе
195.	15.	Эпей	Эней
280.	7.	Эпей;	Эней;
310.	5.	на разсыпалися;	не разсыпа-лися;

Во второй части

67.	10.	попретерпѣніи	по претер-пѣніи
191.	8.	резумная	разумная
236.	18.	постухами;	пастухами;

